

Николай Головкин

Тайновидец будущего

Публицистика и проза

ИД «ВЕЛИКОРОССЪ»
ИКП «Путь»
Москва
2015

УДК 82-43
ББК 84(2 Рос=Рус)
Г612

16+

Головкин, Н.А.

Г612 Тайновидец будущего : публицистика и проза / Н.А. Головкин. – М. : ИД «ВЕЛИКОРОССЪ», ИКП «Путь», 2015. – 469 с.

ISBN 978-5-8444-0447-4

«Тайновидец будущего» – своеобразный писательский дневник московского прозаика, публициста, поэта, члена Союза писателей России, члена Союза театральных деятелей России Николая Головкина. Пять столетий назад в период острого противостояния христианских цивилизаций – Восточной и Западной, наблюдаемого и ныне, – старец Филофей, «тайновидец будущего», высказал пророческую идею: «Москва – это Третий Рим». 40 лет автор публиковал многое из того, что вошло в книгу, в периодической печати, в том числе в газете «Гудок», интернет-газете «Столетие», журналах «Великороссъ» и «Камертон» ... Выходящая в Год 70-летия Великой Победы и Год Литературы, эта книга очерков, эссе, рассказов о литературе, искусстве, истории, русском языке через судьбы её героев, классиков и современников, напомнит о непреложной истине: без прошлого нет настоящего, а без настоящего – будущего

УДК 82-43
ББК 84(2 Рос=Рус)

ISBN 978-5- 8444-0447-4

© *Головкин Н.А., 2015*

© *ИД «ВЕЛИКОРОССЪ», 2015*

© *ИКП «Путь», 2015*

Век Гоголя

Дружба со Щепкиным

В июне 1832 года Гоголь пробыл в Москве недолго – около двух недель: он торопился в Малороссию, в родную Васильевку.

В этот его приезд, когда все уже прочли «Вечера на хуторе близ Диканьки» и многие хотели видеть автора, он познакомился с великим русским актёром Михаилом Семёновичем Щепкиным.

Гоголь решил сам, без всяких приглашений, просто пойти к нему – поговорить о русском театре и, может быть, рассказать о комедии, которую он задумал написать.

С этого дня началась дружба двух великих людей, верная, крепкая – на всю жизнь. Дружба – с частыми встречами и в высшей степени интересной перепиской.

Гоголь и Щепкин были восторженными почитателями друг друга. Пьесы Гоголя помогли

с наибольшей силой проявиться сценическому таланту великого актёра.

В то же время именно Щепкин, создавший, по выражению Герцена, правду на русской сцене, впервые раскрыл на ней силу и глубину драматургического гения Гоголя.

25 мая 1836 года в Малом театре состоялось первое московское представление «Ревизора» Гоголя. Щепкин играл роль Городничего. Михаил Семёнович был душой постановки. О его изящной, естественной и простой игре В.Г. Белинский написал: «Актёр понял поэта».

А вот ещё отзыв критики той поры:

«Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем».

Гоголь присутствовать на спектакле не смог. Он собирался за границу.

И вот в Москве появилась сама книга.

«Наконец показалось и в нашем добром городе Москве двадцать пять экземпляров желанного «Ревизора», – сообщал один из московских журналов, – и они расхватаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превратились в пословицы, и пошли гулять по людям, обернулись эпиграммами и начали клеймить тех, к кому придутся».

Щепкин, к сожалению, не оставил написанных мемуаров о Николае Васильевиче. Но до нас дошёл ряд его устных рассказов и воспоминаний о любимом писателе, которыми он де-

лился в семейном кругу. Его внук М. А. Щепкин со слов родителей и других близких родственников составил воспоминания о своём великом деде и его дружбе с Гоголем.

«Гоголь был очень расположен к Щепкину, — пишет М.А.Щепкин. — Оба они знали и любили Малороссию и охотно толковали о ней, сидя в дальнем углу гостиной в доме Михаила Семёновича. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссиян, и, наконец, их кухню. Прислушиваясь к их разговору, можно было слышать под конец: вареники, голубцы, паленицы — и лица их сияли улыбками. Из рассказов Щепкина Гоголь почерпал иногда новые черты для лиц в своих рассказах, а иногда целиком вставлял целый рассказ его в свою повесть. Это делалось по просьбе Михаила Семёновича, который желал, чтобы характерные выражения или происшествия не пропали бесследно и сохранились в рассказах Гоголя. Так, Михаил Семёнович передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так, слова исправника: «полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит (из второй главы первоначальной редакции второго тома «Мёртвых душ» — Н.Г.) — были переданы Гоголю Щепкиным...».

М.П. Погодин отмечал, что «...Гоголь сам обязан был многим Щепкину». В частности, многими своими сюжетами. Писатель заим-

ствовал из историй актёра персонажей и их черты для своих творений.

Щепкин на одиннадцать лет пережил Гоголя, но умер с его именем на устах. Сохранился рассказ внука Щепкина:

«По словам сопровождавшего его слуги Александра, Михаил Семёнович, заболев, почти сутки лежал в забытьи, и вдруг неожиданно соскочил с постели... «Скорей, скорей одеваться», – закричал он. – «Куда вы, Михаил Семёнович? Что вы, бог с вами, лягте», – удерживал его Александр. – «Как куда? Скорее к Гоголю». – «К какому Гоголю?» – «Как к какому? К Николаю Васильевичу». – «Да что вы, родной, господь с вами, успокойтесь, лягте, Гоголь давно умер». – «Умер? – спросил Михаил Семенович. – Умер... да, вот что...». Низко опустил голову, покачал ею, отвернувшись лицом к стене и навеки заснул». («Исторический вестник», 1900, №8).

Николин день

9 мая 1840 года, на Николин день, в день своих именин (по старому стилю), Гоголь решил устроить обед – собрать своих друзей и знакомых, чтобы проститься с ними перед отъездом.

Это был первый именинный обед Гоголя в Москве. Позднее эти обеды вошли у него в традицию. Каждый раз, когда Гоголь в этот

день бывал в Москве, он устраивал такой праздник.

Столы вынесли в широкую липовую аллею Погодинского сада.

Гоголь трижды по приезде из-за границы в Москву останавливался и жил в доме на Девичьем поле (ныне Погодинская улица) у историка Михаила Петровича Погодина, с которым встретился в Вене: в 1839-1840, 1841-1842 и 1848 годах.

Николай Васильевич пользовался богатым архивом древних грамот, рукописей, книг, которые наряду с коллекцией народных лубков, старинного оружия и монет собирал в своём доме Погодин.

Здесь Гоголь нашёл рукописные материалы об истории запорожских казаков. Они помогли ему в работе над новой редакцией «Тараса Бульбы».

Гостей на Николин день в дом Погодина съехалось человек пятьдесят. Среди них – Михаил Семёнович Щепкин, московские и петербургские литераторы...

Гоголь ждал и Лермонтова, который за дуэль был переведен в Тенгинский пехотный полк на Кавказ и по дороге в ссылку оказался в Москве.

О Лермонтове Гоголю говорил Белинский.

Только что вышел «Герой нашего времени», в журналах было много стихотворений Лермонтова. Николай Васильевич уже всё это прочёл.

Лермонтов приехал на именины к Гоголю. Он попросил поэта после застолья прочесть что-нибудь, и Михаил Юрьевич прочёл отрывок из только что написанной поэмы «Мцыри».

«Никто ещё не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой, – заметил Гоголь о лермонтовском «Герое нашего времени» позднее, уже после гибели поэта. – Тут видно больше углубления в действительность жизни; готовился будущий великий живописец русского быта...»

«Горьким словом моим посмеюся...»

7 февраля 1852 года, незадолго до кончины, Гоголь ездил на Девичье поле в церковь Саввы Освященного: здесь он приобщается Святых Тайн, по его просьбе служат вечером благодарственный молебен.

Отпевали Гоголя в церкви святой мученицы Татианы Московского университета. Гроб писателя простоял там день и ночь. Бесперывным потоком подходили поклонники его таланта. Всё было усыпано цветами. У изголовья — лавровый венок.

24 февраля 1852 года Михаил Семёнович Щепкин закрыл крышку гроба. Гроб на руках несли восемь вёрст по только что выпавшему снегу до Свято-Данилова монастыря, где Гоголь был предан земле.

В 1931 году при закрытии монастыря останки Гоголя по распоряжению Сталина были перезахоронены на Новодевичьем кладбище.

В сентябре 2009 года, к 200-летию со дня рождения Николая Васильевича, на могиле Гоголя здесь, как и на прежнем захоронении, вместо помпезного памятника вновь установили православный крест с голгофой, с кратким и пронзительным изречением библейского пророка Иеремии:

«Горьким словом моим посмеюся...»

«Упаднический» памятник

Сохранилось предание, что Гоголь хотел оставить литературу и принять монашеский постриг, но старцы не благословили его.

Стать «монахом» выпало на долю его... гениального исповедального памятника работы скульптора Николая Андреева, первоначально установленного и освящённого в 1909 году в честь 100-летия со дня рождения Николая Васильевича на бульваре, переименованном в Гоголевский.

«Упаднический», охваченный покаянной думой Гоголь простоял здесь до 1951 года.

К очередной юбилейной дате – 100-летию со дня кончины Гоголя – шедевр Андреева решили заменить на памятник работы Николая Томского.

Андреевский памятник, слава Богу, не уничтожили, а сослали в Донской монастырь, где в те годы был филиал музея архитектуры имени Щусева.

Так Гоголь стал «монахом» после смерти.

А потом, в 1959-м, Гоголь-скиталец перекочевал по ходатайству деятелей культуры в проходной арбатский дворик.

Памятник как будто и был предназначен для этого места: в 2009-м году, когда отмечалось 200-летие Гоголя, на бульвар его не вернули.

Юбилей

Николай Васильевич считал, что смысл Пасхального дня состоит в том, «чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата».

Это – из «Светлого Воскресенья», заключительной главы «Выбранных мест из переписки с друзьями».

И пусть кто-то хочет, чтобы русские и украинцы, братья по крови и вере, делили гоголевское наследие между собой, 200-летие великого классика мы отмечали вместе весь год – Год Гоголя по решению ЮНЕСКО.

Двухсотлетний юбилей Гоголя – что Сорочинская ярмарка. Это – калейдоскоп мемориальных акций в России и Украине (и не толь-

ко!): всевозможные конференции, выставки, книжные издания, театральные, кино– и телепремьеры...

Самым заметным событием юбилея стал российский фильм «Тарас Бульба» с выдающимся украинским актёром Богданом Ступкой, снятый Владимиром Бортко. Его премьера в наших двух странах сразу вызвала бурные споры в прессе, на форумах, в обществе. Украинские националисты были в ярости.

Да, одни из мемориальных событий, дел гоголевского юбилея «по обе стороны границы» удались, и это – факт культуры, плод нередко совместных творческих усилий российских и украинских режиссёров, актёров, литературоведов, музейных и архивных работников.

Другие – удовлетворённое тщеславие городничих. А третьи – и вовсе гримаса политики.

Но самое главное, юбилей Гоголя – это редкостная возможность прислушаться к нему самому. И, прислушавшись, взглянуть в позапрошлый XIX век из века нынешнего, где несть числа политикам – гоголевским персонажам, всем этим «свиным рылам», «носам», «мёртвым душам»...

Так всё-таки: приблизились ли мы в Год Гоголя к пониманию его самого?!

2009-2013

*«Что даёт направление
государственному
кораблю...»*

Удивительно, но в наше время перед российским обществом стоят те же проблемы воспитания и образования — в глубоком смысле основ народного бытия, — что и во второй половине XIX века. Застарелые проблемы, которые пытался решить выдающийся русский философ, литературный критик, публицист, один из столпов почвенничества, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук Н.Н. Страхов (1828-1896). Николай Николаевич Страхов родился в семье священника. В 1851 окончил Педагогический институт в Петербурге. Преподавал естественные науки в Одессе, затем в Петербурге. С 1861 сотрудничал с Ф.М. Достоевским, был ведущим сотрудником его журналов «Время» и «Эпоха».

У Николая Страхова, которому принадлежит неоспоримо важная роль в формировании духовной атмосферы России второй половины XIX века, мы находим — в таких работах, как «О наглядно-звуковом методе обучения грамоте» («Русская школа», 1897), «Задачи и приемы обучения чтению» («Народное Образование», 1897), «О письменных упражнениях при начальном обучении» («Церковно-приходская школа», 1898) и других, — критику современной ему педагогики, рассматривавшей процесс обучения механически.

Учебные заведения, считал Страхов, подобны машине, в которой всё задано и рассчитано: определены предметы для изучения, методы преподавания, время для каждого предмета... В эту машину, «заводимую посредством жалования и других подобных средств», вводятся, в необходимом объёме, материал, ученики. Через известное время из учебного заведения должны выйти ученики, получившие определённые навыки и знания.

В основе такой педагогики, справедливо считал Страхов, лежит некая концепция человека, в которой «живые души рассматриваются как однородный сырой материал». Она не учитывает индивидуальность каждого учащегося. В этой педагогической антропологии сознание человека рассматривается как пассивный результат внешних воздействий механистического подхода к личности.

Человек же, по мнению Страхова, обладает способностью к саморазвитию, избирательному восприятию внешних воздействий. Прежде чем стать членом общества, он должен пройти процесс социализации, сформироваться как личность. Человека необходимо воспитывать, образовывать, и сложность состоит в том, что результат трудно предугадать и почти невозможно исправить.

Значительное место в широком спектре научных интересов и направлений деятельности Страхова занимала философия. До сих пор, к сожалению, не переизданы его основные философские работы, политическая и литературная публицистика, воспоминания о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом (с обоими он дружил и вёл переписку), переписка с Н.Я. Данилевским, А.А. Фетом, Б.В. Никольским, А.А. Григорьевым.

По оценке Страхова, «философия между науками есть самая высокая и трудная», она соединяет элементы строгой науки и поэтического вдохновения, что особенно занимало Страхова-литературоведа, тонкого ценителя художественного слова, друга Фета, Достоевского, Толстого.

В 1867 году Страхов редактировал «Отечественные записки» (где напечатал одну из своих лучших статей — о романе Достоевского «Преступление и наказание»). Николай Николаевич одним из первых оценил огромное литератур-

ное значение романа Л.Н. Толстого «Война и мир». В 1870 году он предсказывал, что «Война и мир» скоро станет «настолярною книгою каждаго образованнаго русскаго, классическим чтением наших детей».

В книгах «Мир как целое» (1872), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895) высшей формой познания Николай Страхов называл религию, критикуя современный ему материализм, спиритизм.

С именем Страхова связан тот период в становлении русскаго самосознания, который был назван почвенничеством. В рамках этого направления мысли обосновывались религиозно-идеалистическое воззрение на мир, неославянофильская доктрина, антропоцентрическая идея о человеке как центре мироздания.

Свою мировоззренческую позицию Н.Н. Страхов наиболее последовательно выразил в книге «Борьба с Западом в русской литературе» (1883). Основной объект его критики — европейский рационализм («просвещение»), который он определял как культ рассудка и преклонение перед естествознанием. Итогом подобнаго «идолопоклонства» становятся мировоззренческие догмы, далёкие от какой бы то ни было подлинной научности. К такого рода идеологиям Страхов относил, прежде всего, материализм и утилитаризм.

Единственным противоядием против заразы «просвещения», по мнению Страхова,

является живое соприкосновение с родной почвой, с народом, сохранившим в своём быту здоровые религиозно-моральные начала.

«Наше время, — отмечал он, — поражает... оскудением идеала... уже почти полвека в умственной жизни Запада явственно обнаружилось, и всё более обнаруживается, отсутствие руководительных начал... Определённого идеала развития, твёрдого сознания целей нет в Европе, и она мечется... она приходит к сознанию, что вовсе потеряла дорогу».

Страхов в своих статьях борется за то, чтобы вернуть русское сознание к родной почве. «Нам не нужно искать каких-либо новых ещё не бывалых на свете начал, — пишет он по этому поводу, — нам следует только проникнуться тем духом, который искони живёт в нашем народе и содержит в себе всю тайну роста, силы и развития нашей земли».

Философ-почвенник поднимает вопрос о духовной самобытности нашей Отчизны. Он подчёркивает, что в России духовный труд лишён связи с жизнью, с «нашими собственными национальными инстинктами». Мы гонимся за призрачными мнимыми целями и стремимся подогнать просвещение в нашем народе на европейский лад. Страхов считает необходимым изменить суть просвещения в России, проникнуться тем духом, который искони живёт в нашем народе, который и даёт то самое «направление государственному ко-

раблю, несмотря на ветреность кормчих и капитанов».

В своей критике рационалистического Запада Н.Н. Страхов опирался на теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, изложенную в книге «Россия и Европа». В этой теории Страхов справедливо видел блестящее научное и философское опровержение европоцентризма.

Расцвет почвенничества был одним важнейших этапов развития России нового времени, ознаменовавшим решающий переход от славянофильства (имевшего огромную духовно-историческую ценность, но ещё не изжившего «общечеловеческие» иллюзии) к самоутверждению русского духа на национальной почве. За прямое, страстное и плодотворное участие в осуществлении этого поворота Николай Николаевич Страхов ненавистен врагам России по сей день.

Есть мыслители, у которых надо не искать готовых решений, но учиться самостоятельному поиску верных ответов на самые трудные вопросы. Николай Николаевич Страхов занимает среди них почётное место.

2013

*«Где-то свидимся?»... –
Если бы в Москве!...»*

В творчестве великого русского писателя Ивана Сергеевича Шмелёва (1873-1950), возродившего православный, народный дух в отечественной литературе, раскрываются глубинные моменты русской души, создаются яркие образы людей, жизнь которых была пронизана евангельскими заповедями, духом Христовой любви и простой, детской веры.

Православная русская душа в его произведениях поёт, сияет и плачет. Это чувствуешь сразу. И, читая книги Шмелёва, радостно узнаёшь своё, родное.

Символично, что именно так – «Родное» – назван один из сборников его рассказов. Они родились вдали от отчего Дома писателя – России...

На Рождество

Однажды я встретил Рождество Христово в храме святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее.

И вот я иду по пустынному в этот час Толмачёвскому переулку, спешу, чтобы успеть до закрытия метро.

На углу с Лаврушинским переулком встречаю пожилого человека.

Почему он здесь? Какая беда у него?

В мир пришёл Спаситель. А этот такой несчастный на вид человек грустен. На его непокрытую голову падают снежинки.

Это – Иван Сергеевич Шмелёв.

Его скромный бюстик на постаменте днём едва приметен. За спиной вычурный, бездарный фонтан – неуместный здесь, в Замоскворечье, которое так любил Иван Сергеевич, так вдохновенно описал в своих произведениях.

Нередко специально приезжаю сюда, чтобы увидеть того, чьи книги нашли живой отклик в моей душе.

И теперь невозможно пройти мимо.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич!

Кладу на постамент свечу, одну из тех, что не успел возжечь в храме, нёс на память об этом Рождестве домой.

– Это Вам, Вы так любите этот светлый праздник...

Крещусь, кланяюсь Шмелёву.

Молча стою, и, кажется, уже не спешу.

Только что молился в храме, молился у одной из величайших святынь Православия – Владимирской иконы Божией Матери.

Теперь молюсь вместе со Шмелёвым.

И эта молитва, верю, будет услышана Господом.

Бюст писателя был установлен здесь, в его родном Замоскворечье, рядом с Государственной Третьяковской галереей и Государственной педагогической библиотекой имени К.Д. Ушинского в мае 2000 года, в Дни памяти, посвящённые 50-летию со дня кончины Шмелёва.

Незадолго до смерти писателя известный в Русском Зарубежье скульптор Лидия Лузановская, дружившая с его семьёй, выполнила единственный прижизненный скульптурный портрет Ивана Сергеевича. Спустя полвека на основе этого скульптурного портрета и изготовили бюст.

Символично, что взгляд пожилого, измученного страданиями и болезнями человека, обращён в сторону библиотеки.

В этом здании – бывшей усадьбе А.П. Демидова, знаменитого богача, благотворителя и железозаводчика, о чём и сейчас напоминают великолепные по красоте и технике исполнения литые ворота, – в конце XIX – начале XX века помещалась 6-я мужская гимназия, где учился будущий писатель. Шмелёв смотрит в

прошлое — в своё детство и юность. А книги его устремлены в будущее.

Крестик

Чеховских трёх сестёр жизнь обманывает, разочаровывает на каждом шагу. Их мечта о Москве, казавшаяся вначале пьесы такой близкой, легко достижимой, увы, прозрачна. Билет «в Москву» им невозможно купить по одной простой причине: это билет в несбыточное счастье. И вот бодрые надежды постепенно сменяются тоской, стон «в Москву, в Москву» — жестокой реальностью: «В Москву мы не уедем».

Образ дома, домашнего очага у Чехова обычно ассоциируется с уютом, теплом, крышей над головой. Мирный быт может защитить человека от враждебного окружения.

Но здесь, в этой пьесе, ночной пожар третьего акта символичен. Ощущение грядущей «бездомности», неприютности входит в Prozоровский дом.

У Вани, Ивана Сергеевича Шмелёва, ставшего спустя годы в один ряд с классиками русской литературы, уже в гимназические годы страсть к «сочинительству» была необоримой. И некую побудительную роль, безусловно, сыграл Антон Павлович Чехов. Для Шмелёва, познакомившегося в библиотеке с его книгами и несколько раз мельком виде-

шего писателя, он на всю жизнь остался истинным идеалом.

«Это были встречи весёлые, в духе рассказов Антоши Чехонте,— вспоминал Шмелёв в очерке «Как я встречался с Чеховым». — Чехов был тогда ещё А.Чехонте, а я — маленьким гимназистом. Было это в Москве, в Замоскворечьи...».

...Иван Сергеевич родился 21 сентября (3 октября) 1873 года в Москве, в Кадашёвской слободе Замоскворечья в большом патриархальном купеческом доме.

Думал ли тогда Ваня, что и его, как чеховских сестёр, настигнет когда-то острое ощущение «бездомности»?!

Семья отличалась патриархальностью, истовой религиозностью.

«В доме я не видел книг, кроме Евангелия»,— вспоминал Иван Сергеевич.

Неотъемлемой чертой этой патриархальности была любовь к родной земле и её истории. Патриархальны, религиозны были и слуги, рассказывавшие маленькому Ване истории об иконах и подвижниках, сопровождавшие его в путешествии в Троице-Сергиеву лавру.

Детство, проведённое в Замоскворечье, стало главным истоком его творчества, всю свою жизнь он черпал из этого неоскудевающего источника.

Жизнь, укорененная в церковности, тесно связанная с годовым кругом православных

праздников, такая естественная и органичная для верующего человека, воспитала детскую душу. Она влила в неё силы, стала той основой, которая помогла будущему писателю не только выстоять в вынужденном изгнании первой волны эмиграции, но и исполнить задачу огромной важности – сохранить для потомков душу православного русского народа: его веру, обычаи, быт.

Только вглядываясь в жизнь Ивана Сергеевича, можно увидеть, до какой степени она – сочетание пасхальной радости и страданий, несение своего креста. Крест фигурировал в жизни Шмелёва с самого детства:

«Как-то приехала матушка от Троицы. Была она у батюшки Варнавы, и он сказал ей: «А моему... – имя моё назвал, крестик, крестик...». Это показалось знаменательным: раза три повторил, словно втолковывал... «а моему... крестик, крестик!» ... – «А тебе вот крестик велел, да всё повторял. Тяжелая тебе жизнь будет, к Богу прибегай!» – не раз говорила матушка. И мне делалось грустно и даже страшно. Сбылось ли это? Сбылось».

Благословение «на путь»

В августе 1896 года студент юридического факультета Московского университета Шмелёв «случайно», как тогда казалось ему, выбрал по желанию своей невесты

Ольги – худенькой, синеглазой девушки, дочери генерала Александра Охтерлони, героя обороны Севастополя, – местом для их свадебного путешествия Валаамский Преображенский монастырь.

Благодаря её набожности Иван Шмелёв во время поездки на Валаам вернулся к своей детской искренней вере уже на осознанном, взрослом уровне, за что всю жизнь был жене признателен.

Перед отъездом они с женой направляются в Гефсиманский Черниговский скит Троице-Сергиевой Лавры – получить благословение у старца Варнавы.

«Смотрит внутрь, благословляет. Бледная рука, как та в далёком детстве, что давала крестик...

Кладёт мне на голову руку, раздумчиво так говорит: «превознесёшься своим талантом». Всё. Во мне проходит робкой мыслью: «каким талантом... этим, писательским?»

Тёплое воспоминание о встрече со старцем Варнавой, который чудесным образом провидел будущий писательский труд Шмелёва, провидел то, что станет делом всей его жизни, Иван Сергеевич пронёс через всю жизнь.

Впечатления от путешествия на Валаам были столь сильны, что Шмелёв должен был рассказать о них другим людям.

Так появилась изданная за его счёт первая книга – «На скалах Валаама». Обезобразенная

цензурой, она, правда, раскупалась плохо. Перерыв в творчестве Шмелёва затянулся на целое десятилетие.

Перед революцией

В 1898-м он окончил университет. После года военной службы Шмелёв восемь лет служит чиновником по особым поручениям Владимирской казенной палаты Министерства внутренних дел.

Годы эти обогатили его знанием уездной России.

«Я знал столицу, мелкий ремесленный люд, уклад купеческой жизни,— отмечал Шмелёв. — Теперь я узнал деревню, провинциальное чиновничество, фабричные районы, мелкопоместное дворянство».

В 1907 году, оставив службу, чтобы целиком отдаться литературной работе, Шмелёв возвращается в Москву.

Уже в 1912 году выходит первое его Собрание сочинений в 8 томах. В прозе этого периода, в том числе повести «Человек из ресторана», имевшей шумный успех, звучит идущая из девятнадцатого века тема «маленького человека», тема «униженных и оскорблённых». В «злобе дня», в общественной борьбе той поры это сыграло ключевую роль, выдвинув Шмелёва в первые ряды русских писателей-реалистов.

«Хлеб! Целая буханка!..»

Крым – одно из самых важных в судьбе писателя мест. Здесь Шмелёв не только любил отдыхать и работать, но даже мечтал иметь свою собственную творческую мастерскую.

Впервые Иван Сергеевич побывал в Алуште в 1907 году в Профессорском Уголке – на даче издателя детского журнала, своего редактора Д.И. Тихомирова. Крымская природа произвела на писателя большое впечатление. Позже это отразилось в рассказах «Под горами» и «Виноград».

В письмах к сыну Шмелёв не раз пишет, что ему хотелось бы поселиться в Крыму.

Летом 1917 года он живёт месяц на даче у С. Н. Сергеева-Ценского.

Иван Сергеевич намеревался строить дом, сажать виноград, наслаждаться чудесным Крымом...

Осенью 1918 года Иван Сергеевич и Ольга Александровна переселились из Москвы в Крым.

Шмелёвы бедствовали, голодали. В поисках заработка Иван Сергеевич часто ездил из Алушты в Симферополь. Там Шмелёв читал лекции по истории русской литературы студентам Таврического университета.

Позднее Шмелёвы жили в Алуште в собственном маленьком домике.

...Из писем, воспоминаний писателя известно, как несчастные родители пытались разузнать об участии сына-офицера, погибшего во время гражданской войны в Крыму, как пробирались они в Феодосию, как тщетно стучались во все двери.

Сергей пропал, как пропали многие и многие в той круговерти коренного переустройства жизни в бывшей Российской империи.

Иван Сергеевич тщетно искал его могилу. Сам чуть не погиб с Ольгой Александровной в 1921-м во время страшного крымского голода.

Шмелёвы зарегистрировались в коммунальной столовой, где выдавали 200 граммов хлеба в день. Но столовая уже была закрыта: хлеб кончился.

Вдруг подошёл человек и, оглянувшись по сторонам, тихо спросил:

— Вы Шмелёв? Это Вы написали «Человек из ресторана»?

Шмелёв рассеянно кивнул. Незнакомец вложил ему в руку свёрток, завернутый в белый холст.

Хлеб! Целая буханка!

Шмелёв считал эту буханку лучшим своим гонораром.

«Голод отошёл, мы остались живы. Спасибо человеку, давшему нам хлеб», — писал он в одном из писем.

На чужбину

Весной 1922 года Иван Сергеевич и Ольга Александровна возвратились в Москву. Вскоре Ивану Сергеевичу предоставили возможность поехать за границу для лечения.

22 ноября 1922 года он с женой выехал в Берлин. А из Берлина по приглашению Бунина перебираются в Париж.

Шмелёв ещё не знал, что никогда не вернётся на Родину, ещё таил надежду, что его единственный сын Сергей жив, ещё не отошёл от пережитого в вымороженной и голодной Алуште.

Правду о трагедии родители узнали только много времени спустя. Не было у Ивана Сергеевича, впавшего в состояние душевной депрессии, превратившегося в старика, более глубокой незаживающей раны, нежели эта.

Летом 1923 года Шмелёвы решают в Москву не возвращаться.

...Эмигрантская жизнь Шмелёвых в Париже по-прежнему напоминала жизнь старой России с годовым циклом православных праздников, с многими постами, обрядами, со всей красотой и гармонией уклада русской жизни.

Православный быт, сохранявшийся в их семье, не только служил огромным утешением для самих Шмелёвых, но и радовал окружающих.

**«...только о России, о русском человеке,
о его душе и сердце...»**

На чужбине писатель прожил около трёх десятков лет. Разочарованный в жизни, как чеховские сёстры, надломленный, он нашёл всё же в себе силы не просто жить — доживать свой век, но и активно заниматься творческой работой, сохраняя в своих произведениях память об особенном русском укладе жизни и быта. Шмелёв, по его собственному признанию, писал «... только о России, о русском человеке, о его душе и сердце...».

Поэтому ему удалось создать в своём творчестве, вновь обрести утерянный в жизни образ Русского Дома.

«Последний и единственный из русских писателей, — по слову А.И. Куприна, — у которого можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка».

В эмиграции Шмелёв стал широко известным. Его выдвигали на Нобелевскую премию. Произведения Шмелёва, переведённые на двадцать языков, читали во многих странах Старого и Нового Света.

«Всё — чужое. Души-то родной нет...»

Шмелёв, постоянно окружённый заботой Ольги Александровны, даже и не подозревал, на какие жертвы шла его жена. Он понял это только после её смерти.

Ольга Александровна скончалась внезапно, от сердечного приступа 22 июня 1936 года. Эта утрата окончательно подорвала силы и здоровье Ивана Сергеевича.

Шмелёвы намеревались посетить Псково-Печерский монастырь, куда эмигранты в то время ездили не только в паломничество, но и чтобы ощутить русский дух. Монастырь находился на территории Эстонии, граничащей с Родиной.

Поездка Ивана Сергеевича состоялась спустя полгода. Благодатная обстановка обители помогла ему пережить новое испытание, и Шмелёв с удвоенной энергией обратился к написанию «Лета Господня» и «Богомолья», которые на тот момент были ещё далеки от завершения. Окончены они были только в 1948 году – за два года до смерти писателя.

«Доживаем дни свои в стране роскошной, чужой. Всё – чужое. Души-то родной нет, а вежливости много», – говорил он А.И. Куприну.

Два Ивана

Чужбина подарила Ивану Сергеевичу удивительную, трогательную дружбу. Он подружился и тесно общался с великим русским философом и публицистом Иваном Александровичем Ильиным, которому Шмелёв был особенно близок духовно и который нашел собственный ключ к шмелёвскому творчеству как творчеству глубоко национальному.

На протяжении долгого времени между ними велась переписка. Сохранились 233 письма Ильина и 385 писем Шмелёва. Это – важное свидетельство политического и литературного процесса времён русской эмиграции первой волны.

Как проникновенно и глубоко сказал Ильин о Шмелёве и его творчестве!

«Шмелёв всегда стоял, – пишет он, – вне всяких литературных «течений», «направлений» и «школ». Он сам – и направление, и школа. Он творит не по программам, а по ночным голосам своего художественного видения, которые зовут его и указывают ему путь. Он может писать только тогда, когда в нём зреет, когда созревшее овладевает им, когда одержимость его творческих тайников требует развязки и разрешения. Не он «выбирает» свой художественный предмет или свои образы, а они берут его».

Чехов подарил нам трёх сестёр, а жизнь, развенчавшая их мечты, как и круто изменившая судьбу русской интеллигенции, шедшей «в народ», – двух братьев во Христе, двух Иванов, Ивана Шмелёва и Ивана Ильина.

Рядом со Святым Евангелием...

После выхода в свет «Лета Господня» Анри Труайя сказал о Шмелёве:

«Он хотел быть только национальным писателем, а стал писателем мировым».

Святая Русь, старая Москва с её раздольем, богатством, красочностью быта живут и дышат в прекрасных автобиографических повестях Шмелёва «Лето Господне» и «Богомолье», которые стали венцом его православного мирозерцания.

В «Богомолье» он внимательно и тонко рассказывает о давней русской традиции паломничества в Троице-Сергиеву Лавру.

«Лето Господне» посвящено Иву Жантий-ому-Кутырину. Название явилось из Евангелия:

«И даша ему книгу Исаии пророка; и разгнув книгу, обрете место, идеже бе написано: “Дух Господень на Мне; Егоже ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя исцелити сокрушенныя сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, отпустити сокрушенныя во отраду, проповедати лето Господне приятно”» (Лк. 4, 17-19).

Повесть «Лето Господне» Шмелёва передаёт восприятие десятилетним мальчиком Ваней православных праздников, семейных радостей и скорбей.

Сказ от лица маленького героя – великолепно найденное Шмелёвым художественное средство. Мир глазами ребенка – продолжение старой традиции Сергея Тимофеевича Аксакова, запечатленной им в его прославленной книге «Детские годы Багрова-внука».

Пережитые скорби дали Шмелёву не отчаяние и озлобление, а почти апостольскую ра-

дость. Через показ размеренной, светлой жизни глубоко религиозной семьи писателя в «Лете Господнем» и «Богомолье» нам явлена ушедшая эпоха.

Эти описания стали свидетельствами духовного и душевного здоровья нашего народа, его искренней веры, приверженности к правде и красоте. Неслучайно современники признавались, что «Лето Господне» и «Богомолье» хранятся в их доме рядом со Святым Евангелием.

Благодарственный молебен

Шмелёв, почётный гражданин Парижа, не покинул город во время Второй мировой войны.

Однажды почти в самом конце войны фашисты бомбили французскую столицу. Недалеко от дома Ивана Сергеевича упали сразу четыре бомбы, превратив два здания напротив в руины.

Обычно Иван Сергеевич вставал рано, но в то утро из-за недомогания залежался в постели. Это и спасло ему жизнь.

Он вспомнил приснившийся ночью сон. Сын обнимал его и говорил:

— Не бойся, папочка, я с тобой побуду...

Проснулся Шмелёв от адского грохота: ещё одна бомба упала на его дом, разрушила часть квартиры.

Стекла в окнах были разбиты вдребезги. Острые осколки изрешетили насквозь спинку рабочего кресла Шмелёва.

Хлопали пустые рамы, ветер гулял из угла в угол.

Вдруг маленький листок бумаги влетел в обезображенную комнату и, слегка покружив над письменным столом, опустился прямо под ноги Ивану Сергеевичу.

Он поднял картинку. Это была репродукция «Богоматерь с Иисусом» итальянского художника Балдовинетти.

Как залетела она сюда? Видимо, Царице Небесной было угодно сохранить жизнь больному и одинокому русскому писателю – эмигранту.

На следующий день в Сергиевском подворье Шмелёв отслужил благодарственный молебен.

В жизнь вечную...

Шмелёв хотел полнее проникнуться атмосферой монастырской жизни, получить благословение на продолжение работы над книгой «Пути небесные». Это – его последний роман о спасении души человеческой, который писатель посвятил светлой памяти Ольги Александровны. Шмелёв называл роман историей, в которой «земное сливается с небесным».

24 июня 1950 года Иван Сергеевич переехал из суетного Парижа в расположенную в 140 километрах от столицы тихую обитель – русский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-Отт.

В тот же день сердечный приступ оборвал его жизнь. По Промыслу Божиему Шмелёв скончался в день памяти апостола Варнавы, небесного покровителя старца Варнавы Гефсиманского, который когда-то благословил его «на путь».

Монахиня матушка Феодосия, присутствовавшая при кончине писателя, рассказывала: «Мистика этой смерти поразила меня – человек приехал умереть у ног Царицы Небесной под её покровом».

Возвращение...

Какое волнующее и торжественное слово – возвращение! Нередко люди возвращаются после долгого отсутствия домой – к семье, близким. Или в родные места – туда, где прошли их детство и юность, где покоятся их предки, где их помнят и любят.

Шмелёв страстно мечтал вернуться в Россию, хотя бы посмертно. Уверенность, что он вернётся на Родину, не покидала его никогда.

«...Я знаю: придёт срок – Россия меня примет!», – писал Иван Сергеевич.

За несколько лет до кончины он составил духовное завещание, в котором отдельным пунктом выразил свою последнюю волю:

«Прошу душеприказчиков... когда это станет возможным, перевезти прах моей покойной жены и мой в Россию и похоронить в Москве, на кладбище Донского монастыря, по возможности возле могилы моего отца, Сергея Ивановича Шмелёва».

И в «Лете Господнем» высказано тоже желание:

«А потом и в Донской монастырь... Не надо бы отбиваться, Горкин говорит, – «что же разнбой-то делать, срок-то когда придёт: одни тама восстанут, другие тама поодаль... вместе-то бы складней...»».

А задолго до этого, в 1936 году, Шмелёв писал Ильину:

«Где-то свидимся?»... – Если бы в Москве!... – Что Господь даст».

И такой посмертной судьбы удостоились два Ивана, два брата во Христе! Сначала Иван Сергеевич Шмелёв. В 2000 году, спустя полвека после кончины во Франции, останки Шмелёва упокоились в родной московской земле.

Во исполнение его последней воли в некрополе Донского монастыря, неподалеку от подлинных барельефов Храма Христа Спасителя, сохранившихся в обители, состоялось перезахоронение с кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа праха Ивана Сергеевича и Ольги Александровны.

В 2005 году в Донском монастыре обрёл вечный покой и Иван Александрович Ильин со своей супругой Наталией Николаевной.

Господь по вере исполнил их заветное желание.

Духовное наследие, сами судьбы Шмелёва и Ильина – прививка от «бездомности».

Не пора ли выздоравливать, наводить порядок в Доме?! Из общества потребления возвращаться к истинным ценностям?!

2013

«Вчера во сне я видел Чингиз-хана...»

Популярный среди разных поколений читателей нашей страны, писатель-историк В. Ян (Василий Григорьевич Янчевецкий) любил повторять пожелание Саади: «Тридцать лет я учился, тридцать лет странствовал и хотел бы тридцать лет писать!» Примерно так, по словам сына писателя – Михаила Васильевича, и получилось: «Он прожил очень разнообразную и активную жизнь, которой одной могло бы хватить для нескольких иных биографий».

Исключительную роль в жизни и творчестве писателя сыграл среднеазиатский период, который стал поистине «кладовой впечатлений», своеобразной колыбелью рождения знаменитых исторических романов о «монгольском урагане» – «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю».

Василий Янчевецкий родился в Киеве в 1875 году, юность провел в Ревеле (Таллине), где его отец, известный знаток классической древности, историк и переводчик, был директором мужской гимназии. От него будущий писатель унаследовал любовь к истории.

По воспоминаниям В. Яна, отец был переводчиком многих греческих авторов: Ксенофонта, Геродота, а также Гомера, которого, несмотря на переводы Гнедича и Жуковского, переводивших с немецкого, он самостоятельно перевел прямо с подлинника. Именно знаменитая «Одиссея» Гомера была в детстве самой любимой книгой Василия Янчевецкого и во многом определила его жизнь. Писатель-романтик признается, что приключения смелого и хитроумного Одиссея вызывали в нем желание путешествий и скитаний по свету.

«...13-летним мальчиком я даже бежал однажды на корабле, в надежде увидеть сказочные далекие страны, но был пойман и водворен обратно, дав слово родителям не пускаться более ни в какие странствия, не получив высшего образования», — читаем в воспоминаниях писателя.

Но страсть к путешествиям у юноши осталась. Когда Василий Янчевецкий окончил в 1897 году историко-филологический факультет Петербургского университета, эта страсть «вспыхнула с новой силой, увлекаая к далёким

горизонтам, в неведомые страны», где он мечтал «увидеть необычайных людей».

«Я решил выполнить свою давнишнюю мечту – отправиться бродить пешком по России, изучая фольклор, быт, язык и нравы народа». В крестьянской одежде, с котомкой за плечами он «бродил по России два года, побывал во многих губерниях». «Я видел множество удивительно интересных людей и тут я изучил простой русский народ, я понял его душу, его щедрость, его терпение».

Свои путевые заметки Янчевецкий посылал в газеты, и скромный гонорар за них помогал ему продолжать скитания. Результатом «хождения по Руси» явилась книга «Записки пешехода» (1901). И всё же Василий Григорьевич пока не думает полностью посвятить себя писательскому труду. Перед выходом своей первой книги он успевает совершить ещё одно путешествие – «чтобы увидеть Европу».

В 1899-1900 годах Василий Янчевецкий работает корреспондентом петербургской газеты «Новое время» и «Ревельских известий» в Англии. Южную часть Туманного Альбиона он объехал на велосипеде.

«В Лондоне, – вспоминал писатель, – я работал в замечательной библиотеке Британского музея и там впервые читал запрещённые в то время сочинения Герцена. Тоска по Родине заставляла меня вернуться, но вскоре я предпри-

нял новое путешествие, на этот раз на Восток, в Среднюю Азию».

Поездке на Восток предшествовало письмо, которое Василий Янчевецкий получил в Лондоне от своего старшего брата Дмитрия, уже известного востоковеда-журналиста. Он советовал ему заняться изучением Азии, предлагал свою помощь.

И вот в конце 1901 года страстный романтик и путешественник, вернувшись в Россию, выезжает поездом в Баку, а оттуда пароходом в Красноводск. Спустя почти полвека писатель так опишет эту первую встречу с Закаспием, где были задуманы (и частично осуществлены) его новые и, может быть, самые важные в жизни путешествия – по «голубым далям Азии»:

«Меня поразили необычайно нежные тона песчаных отмелей, пологих гор и моря – светлорозовые и бирюзовые... Близ скалистого берега плыли узкие черные рыбацьи лодки под ромбической формы парусами... Пароход причалил в Красноводске, бывшем тогда совсем небольшим поселением. У лавок стояли, держа на поводу коней, туркмены в красных полосатых халатах и очень высоких мохнатых папахах... Поезд медленно повез меня мимо невысоких гор... Стоя на площадке вагона, я то смотрел на лиловые тени гор, то не мог оторвать взгляда от разворачивав-

шейся с другой стороны поезда бескрайней панорамы пустыни...».

Он встретил новый 1902 год в Асхабаде (ныне столица Туркменистана – Ашхабад, где одна из улиц носит имя писателя). 14 января поступил на службу в администрацию начальника области генерал-лейтенанта Д.И. Суботича. Вот так описывает Василий Григорьевич центр Закаспийской области:

«Это был маленький, чистенький городок, состоявший из множества глиняных домиков, окружённых фруктовыми садами, с прямыми улицами, распланированными рукой военного инженера, обсаженными стройными тополями, каштанами и белой акацией. Тротуаров, в современном понятии, не было, а вдоль улиц, отделяя проезжую часть от пешеходных дорожек, журчали арыки, прозрачная вода стекала в них с гор...

Городок был одноэтажный. После нескольких землетрясений было запрещено строить иные здания, кроме одноэтажных самого легкого типа, и единственным двухэтажным зданием был городской музей. Городок просыпался и засыпал по сигналам, доносившимся из крепости. На рассвете и на закате солнца в тихом воздухе слышались звуки трубы, игравшей зорю, и протяжные голоса солдат, певших утреннюю и вечернюю молитвы.

Население городка было невеликим. Всякий желавший надолго обосноваться в Асха-

баде просил о предоставлении ему земельного участка, выдававшегося из числа нарезаемых в направлении селения Кеши, и обычно получал также ссуду на постройку».

Василий Янчевецкий был «допущен к исполнению должности младшего чиновника особых поручений при начальнике Закаспийской области», «с утверждением в чине губернского секретаря». Он также был «смотрителем колодцев в песчаных степях», что дало ему возможность объездить весь этот край. Так началась среднеазиатская одиссея будущего известного русского писателя – исторического романиста.

«Приобретя выносливого туркменского жеребца, я на нём совершал трудные, но увлекательные путешествия, – сперва через Каракумские песчаные пустыни в Хиву и Бухару, а затем в Северную Персию, вдоль афганской границы, через Сеистан и Белуджистан, доехав до границ Индии».

Из воспоминаний В. Яна следует, что Закаспий, конечно же, не стал для него тихой гаванью. Поразительная любознательность, страсть к путешествиям, желание глубже постигнуть «загадочный Восток» заставляют его предпринять опасные путешествия за пределы Закаспийской области, нередко сопряжённые с риском для жизни. Так, «командированный начальником области к Хивинским владениям для научно-статистических исследований»

этот смелый, отважный и благородный человек решает отправиться туда без конвоя, в сопровождении только одного путника – урядника туркменского дивизиона старого и опытного Шах-Назара Карабекова.

«От большого конвоя прошу меня освободить, – писал он в январе 1903 года генерал-лейтенанту Суботичу, – так как следуемых мне прогонных совершенно недостаточно для довольствия большого каравана... будучи опытным в утомительных и опасных путешествиях я не боюсь могущих встретиться препятствий, однако, я не могу взять на себя ответственность за безопасность назначенного неопытного конвоя».

К этому времени чиновник Василий Янчевецкий уже пользовался авторитетом не только у администрации Закаспийской области и Туркестанского края, но и некоторых восточных владык. В 1902 году эмиром Бухарским ему был «пожалован» орден Бухарской золотой звезды III степени. Сам факт награждения этим орденом будущего писателя В. Яна оказался весьма символичным: конечно, восточный деспот «благородной» Бухары, жалует эту высокую награду молодому русскому чиновнику, не мог даже подозревать, что перед ним человек, который через четыре десятилетия станет известным советским писателем, лауреатом Го-

сударственной премии СССР. И не подозревал «гостеприимный» эмир Бухарский, «осчастлививший» чиновника Василия Янчевецкого орденом, что в своих романах о монгольском нашествии писатель В. Ян воссоздаст трагические события того периода, происходившие в древней Бухаре, и придаст облику хорезмшаха Мухаммеда его, эмира Бухарского, черты.

Путешествие Василия Янчевецкого в марте 1903 года к «хивинским владениям» прошло успешно: преодолев пустыню, они с Шах-Назаром достигли Хивы, осмотрели древний город, ещё живший по законам средневековья, были «допущены» к владыке Хивинского ханства и его наследнику. Впоследствии писатель не раз будет подчеркивать важность того «жизненного материала», который дали ему «одни из последних оплотов средневековья в XX столетии» – Бухара и Хива.

Чо бесстрашный путешественник по Средней Азии мечтал о большем. Его влекут Персия, Афганистан, Индия... И военный министр России генерал А.Н. Куропаткин (бывший начальник Закаспийской области) в ответ на ходатайства начальника Закаспийской области генерала Д.И. Суботича и туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова даёт согласие на это путешествие. В декабре 1902 года из Петербурга в Асхабад от него поступа-

ет такая телеграмма: «На поездку на свой страх Янчевецкого согласен».

Однако обстоятельства, в том числе и назначение новым начальником Закаспийской области генерала Уссаковского, отодвинули почти на год осуществление смелых планов чиновника Янчевецкого и видоизменили их. Только в августе 1903 года Василий принял решение – совершить совместно с Эл. Хэнтингтоном, членом прибывшей в Асхабад американской геологической экспедиции Помпелли, научное путешествие в Персию, и уже оттуда (это облегчало его задачу) попытаться проникнуть в Афганистан вблизи Сеистана. Начатое в ноябре 1903 года из Серахса путешествие по Северо-Восточной Персии продолжалось более трех месяцев.

Путешественники продвигались по следам древних погибших цивилизаций и нашествий великих завоевателей – Александра Македонского, Чингиз-хана, Тимура. Но, дойдя до границ Индии, экспедиция не смогла проникнуть в эту загадочную страну: не пустили англичане. Не удался и замысел попасть из Персии в Афганистан. Янчевецкий и его спутники проехали лишь вдоль персидско-афганской границы. В его воспоминаниях можно встретить много интересных сведений об этой экспедиции:

«...Пересекая восточный угол великой персидской соляной пустыни Деште-Лут, что значит «Лютая пустыня», я был поражён обилием развалин селений и городов. В них не было ни

одного жителя. Изредка только попадались кочевья арабов и белуджей, чёрные шерстяные шатры, похожие на распластанные крылья летучих мышей. По склонам пустынных гор паслись стада баранов и коз». «Однажды вечером, во время остановки, задумчивый седобородый пастух, опираясь на длинный посох... так объяснял мне причину множества развалин:

– Ты не думай, ференги, что всегда у нас было так пусто и печально. Раньше наша страна была богатой и многолюдной. С гор в ущелья стекали чистые холодные ручьи, орошая посевы и сады счастливых мирных жителей, процветали ремесла искусных мастеров... Но через эти земли прошли ненасытные жадные завоеватели и всё залили кровью убитых мирных скотоводов и землепашцев. От горя и ужаса напитанная кровью земля сморщилась и высохла. От пролитых слёз вдовиц и детей она стала солёной...».

В марте 1904 года, после возвращения в Асхабад, Василий Янчевецкий подготовил отчёт по итогам экспедиции, представленный в штаб Туркестанского военного округа. И вновь обратился к воспоминаниям писателя:

«Тогда же зародилась впервые идея написать повести о монгольском урагане, пронёсшемся над Азией, нашей Русью и Европой и грозившем гибелью всей мировой культуре... и о более древнем периоде – вторжении в Персию и Индию Искандера Двурогого (Александра Македонского)».

В 1932 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла повесть В. Яна «Огни на курганах». В отличие от исторической традиции – в течение двух тысячелетий имя Александра Македонского «окружалось всевозможными легендами и ореолом необычайного величия и благородства» – писатель показывает его впервые таким, «каким он был в действительности – разрушителем городов, истребителем мирного населения целых районов».

Идею романа «Чингиз-хан» (опубликован в 1939 году, в 1941 – «Батый», в 1955, через год после смерти писателя, – «К последнему морю») В. Ян предложил «Молодой гвардии» 15 августа 1934 года, а уже 20 августа, подписав договор с издательством, он «связался с великим потрясателем Азии на много лет...».

Конечно, не просто было создать образ «гениального неграмотного дикаря, не умевшего подписать своё имя, создателя величайшей кочевой империи от Тихого Океана до берегов Днепра, прикладывавшего к письмам и документам золотую печать, на которой стояло «Бог на небе. Ха-хан – могущество божье на земле. Печать владыки человечества».

Не обошлось без мистики, как признаётся сам В.Ян:

«Я увидел Чингиз-хана во сне. Мне приснилось, что он сидит при входе в свою юрту богатого кочевника, разукрашенную коврами и

пёстрыми дорожками. Он сидел на левой пятке, руками схватив правое колено. Пригласил меня сесть рядом, и мы стали беседовать. Неожиданно он предложил мне с ним побороться.

– Ты же меня сильнее?

– А мы попробуем, – ответил Чингиз-хан спокойно.

Мы начали бороться в «обнимку», по-русски, переступая с ноги на ногу. И вдруг я почувствовал, что он могучими объятьями начинает гнуть мне спину и сейчас переломит хребет.

«Что делать? Как спастись? – подумал я во сне. – Ведь сейчас будет мой конец, смерть, темнота?»

Но счастливая мысль осенила меня:

«Я перехитрю его. Ведь это только сон и мне нужно как можно скорее проснуться».

Я сделал усилие и проснулся. С этой минуты образ Чингиз-хана стал для меня живым. Тогда же я начал писать сонет, но у меня вышли только четыре первых строчки:

Вчера во сне я видел Чингиз-хана:

Он мне хотел переломить хребет...

Но такова уж, видно, доля Яна:

Я всё живу, а Чингиз-хана нет».

Книги В. Яна (Василия Григорьевича Янчевецкого) продолжают волновать сердца миллионов российских читателей, пере-

ведены на многие языки мира. И каждый раз, когда мы открываем их – впервые или вновь! – как бы звучит голос писателя:

«Я считаю, что прошлое и настоящее связано крепкими узами, и в великих событиях прошлого можно найти очень много аналогичного и поучительного, которое будет созвучно нынешней эпохе».

1998-2013

В Крыму под алыми парусами

Автор знаменитых «Алых парусов» – бессмертного гимна Любви – Александр Грин (настоящая фамилия – Гриневский, 1880-1932) создал в своих произведениях «мир из выдумки и правды, мир блистающий, мир добрый».

Всю жизнь Александр Грин грезил морем и воспевал его. Ещё юнгой он совершил свои первые морские путешествия вдоль берегов Чёрного моря.

«Сочинительство всегда было внешней моей профессией, а настоящей, внутренней жизнью являлся мир постепенно раскрываемой тайны воображения», – писал Грин.

Жизнь писателя была тяжела, порой почти беспросветна. Она, казалось бы, сделала всё, чтобы убить в нём романтические идеалы, очерствить и озлобить его душу.

Установившаяся после 1917 года диктатура большевиков требовала от творческой интеллигенции поддержки пролетарской системы ценностей. Грин же, со своей ирреальной романтикой, экзотическими героями, никак не вписывался в навязываемый творческой интеллигенции соцреализм.

Критика той поры травила писателя, называя его перо «неоригинальным», обвиняли в подражании Кипплингу, Стивенсону и особенно – Эдгару По.

В 1950 году Грин, уже посмертно, обвинялся в «буржуазном космополитизме».

Однако в 1956 году, усилиями Константина Паустовского и Юрия Олеши, романтик был возвращён в литературу, и сразу его произведения стали издаваться миллионными тиражами, переводиться, с огромной скоростью распространяясь в мире.

Вспоминаются широко известные слова Константина Паустовского:

«Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе «Алые паруса», то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству».

В своей статье «Жизнь Александра Грина» К.Г. Паустовский писал:

«... Грин создал в своих книгах мир весёлых и смелых людей, прекрасную землю, полную душистых зарослей и солнца, – землю, не

нанесённую на карту, и удивительные события, кружащие голову, как глоток вина. Мир, в котором живут герои Грина, может показаться нереальным только человеку нищему духом. Тот, кто испытал лёгкое головокружение от первого же глотка солёного и тёплого воздуха морских побережий, сразу почувствует подлинность гриновского пейзажа, широкое дыхание гриновских стран».

Пакой страной обетованной стала для Александра Грина тихая солнечная Феодосия, которую он называл «городом нежных акварельных тонов».

Писатель навсегда полюбил причудливые очертания окрестных гор, лазурное море у побережья. Эта любовь питала его творчество, рождала самобытные гриновские сюжеты. Переехал он в Крым в мае 1924 года.

«Ему хотелось жить в тишине, ближе к любимому морю, — писал Паустовский. — В этом поступке Грина отразился верный инстинкт писателя — приморская жизнь была той реальной питательной средой, которая давала ему возможность выдумывать свои рассказы».

В Феодосии прошли лучшие творческие годы Александра Грина. В доме № 10 по улице Галерейной, где сейчас находится Литературно-мемориальный музей писателя, им создана большая часть произведений крымского пери-

ода. Этот маленький одноэтажный домик неизменно привлекает внимание гостей Феодосии своим внешним видом, морской экзотикой – судовой якорь со штоком, лежащий у входа, дубовая дверь, обитая медью, часть фок-мачты, свисающий фонарь...

Экспозиция музея, посвящённая жизни и творчеству Грина, оформлена необычно. Это стилизация под старинный парусный корабль. Небольшие комнаты-каюты носят своеобразные названия: «Каюта странствий», «Кают-компания клипера», «Ростральная», «Каюта капитана Геза», «Корабельная библиотека». Музей был открыт 9 июля 1970 года.

Романтическое оформление музея помогает многочисленным посетителям лучше понять бессмертные гриновские образы, внутреннюю, духовную жизнь его героев. Надолго останавливаются гости у большой рельефной карты-панно выдуманной страны Гринландии с нанесёнными на неё известными нам по произведениям писателя названиями городов, островов и проливов – Лисс, Гель-Гью, остров Рено, пролив Бурь...

В 30 километрах от Феодосии находится древний городок Старый Крым. Окружающие его ореховые рощи и окрестные горы, покрытые лесами, бьющие из-под земли ключи очаровали Александра Грина, здоровье которо-

го было подорвано тяжёлой неизлечимой болезнью.

Писатель переезжает в этот «город цветов, тишины и развалин» в 1930 году. Здесь он продолжает начатую в Феодосии «Автобиографическую повесть».

В ноябре 1931 года исполнилось 25 лет литературной деятельности писателя. В своём творчестве Александр Грин был искренен, верен самому себе.

«Когда я осознал, понял, что я писатель, хочу и могу быть им,— говорил он,— когда волшебная сила искусства коснулась меня, то всю последующую жизнь я никогда не изменял искусству, творчеству; ни деньги, ни карьера, ни тщеславие не столкнули меня с истинного пути: я был писателем, им и умру; я никогда не забывал слов Брюсова к поэту: «Да будет твоя добродетель — готовность взойти на костер»» (Из письма Н. Н. Грин).

В мемориальной комнате домика-музея Грина в Старом Крыму бережно сохраняется подлинная скромная обстановка её хозяина: простая железная кровать с барсучьей шкурой на полу вместо ковра, на стене — портрет любимого писателя Эдгара По. В другой комнате — фотографии, рассказывающие о жизни Александра Грина в Старом Крыму, документы, автографы, прижизненные издания.

Писатель скончался 8 июля 1932 года в Старом Крыму. До конца своих дней Грин оставался одержимым мечтателем, сохранившим чистоту чувств, добрые глаза и детскую улыбку.

«Я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения», – писал он.

Произведения Александра Грина и сегодня любимы читателями, ибо заставляют нас мечтать о прекрасном, учат мужеству и радости жизни.

В Крыму проходят традиционные ежегодные праздники «Гринландия», на которые собираются писатели, художники, барды, литературоведы из разных стран. Во время этих праздников в Старом Крыму над горой Агармыш поднимают 4-метровый алый парус.

2009

Потаённый Пришвин

Сергиев Посад – духовный центр России. Ежедневно сюда, в Троице-Сергиеву лавру, приезжают паломники из разных стран мира. Они молятся у мощей Игумена Земли Русской – Преподобного Сергия.

Но в этом древнем граде, жизнь которому дала Сергиева обитель, регулярно проходят и важные события в культурной жизни страны. Так, в 2013 году в «Восточном корпусе» музейного комплекса «Конный двор» Сергиево-Посадского музея-заповедника работала выставка «Весна света», посвящённая 140-летию юбилею Михаила Михайловича Пришвина.

«Весна света»

Многолетние наблюдения, как рассказали её организаторы, привели М.М. Пришвина к открытию особого явления

природы, которое он первым определил как «весну света». Приход весны по Пришвину начинается во время февральских метелей и кончается майским расцветом растений и песнями всех птиц. Это пришвинское определение бытует и сегодня. Поэтому выставка так и названа.

На выставке были представлены подлинные вещи из дома на Комсомольской (ныне Вифанской) улице Сергиева Посада, переименованного в те годы в Загорск, где с 1926 по 1937 год – почти одиннадцать лет! – жил Михаил Михайлович.

В витринах – книги с произведениями Пришвина разных лет издания, копии его рукописных дневниковых записей; на стендах – многочисленные фотографии, сделанные писателем, фотографии и портреты писателя и его окружения. Специально для выставки воссоздан макет кабинета Пришвина.

Среди многочисленных экскурсионных групп детей. Они подолгу стоят и переговариваются у стендов с чучелами животных и птиц (из Дарвиновского музея), обитающих в подмосковных лесах. Именно на таких охотился Пришвин, ярко описывал их в своих произведениях.

На выставке вы не только близко познакомились с Пришвиным – охотником и защитником природы, с бытом его семьи, но и узнавали, с кем он дружил, где бывал и что видел...

В рамках юбилейной выставки состоялась научная конференция «Михаил Михай-

лович Пришвин в культуре XX века: к 140-летию со дня рождения». В работе конференции принимали участие ведущие специалисты, изучающие творчество писателя, музейные работники, краеведы, преподаватели вузов. В докладах поднимались такие темы, как «М.М. Пришвин и В.В. Розанов», «Природа и творчество: М.М. Пришвин и Б.Л. Пастернак», «Загорск 1930 года по дневникам и фотографиям М.М. Пришвина», «М.М. Пришвин и судьба Черниговско-Гефсиманского скита. 1920-1930-е годы», «Клычков и Пришвин», «Город Сергиев Посад и его окрестности в произведениях, дневниках и фотографиях М.М. Пришвина 1926-1929 годов» и многие другие.

В завершение был показан документальный фильм о семье Пришвиных, подготовленный калужскими краеведами. Гости конференции выразили благодарность музею за интересную программу и хорошую организацию мероприятия. Было высказано единодушное мнение о необходимости установки в Сергиевом Посаде памятника М.М. Пришвину.

Сегодня мы обращаемся к потаенным сторонам личности этого выдающегося русского писателя-философа.

В Загорске

Удивительно, как Михаил Михайлович Пришвин сумел, несмотря на «неви-

данные перемены» в России после 1917 года, сохранить свой мир, своё «я»...

Считается, что годы жизни писателя в Сергиевом Посаде были периодом его творческого подъёма. За эти годы им подготовлены и изданы несколько собраний его сочинений, создаются и печатаются отдельными изданиями части романа «Кашеева цепь», многочисленные рассказы. Жизнь Загорска и его окрестностей отражена во многих произведениях Пришвина: в поэме «Девятая ель», в книге «Журавлиная родина», в рассказе «Тайны творчества», в Дневниках 1926-1937 и последующих годов.

Но тогда же, когда город преподобного Сергия был переименован в Загорск, писатель наблюдал за уничтожением колоколов Троице-Сергиевой лавры. И, как увидим дальше, не мог к этому спокойно относиться.

Когда били колокола...

Увлечение фотографией – одна из граней потаённого Пришвина. В его фотоархиве – более двух тысяч негативов.

Свою первую книгу «В краю непуганых птиц» Пришвин решил иллюстрировать собственными фотографиями. Было это в 1905-м. Тогда он впервые в жизни и взял в руки фотоаппарат. А немецкая «Лейка», большая редкость по тем временам, появилась у писателя лишь 20 лет спустя.

Он снимал природу не панорамно, а вглядываясь в какие-то мгновения.

Любимый образ Пришвина и в литературном творчестве, и в фотоискусстве – паутинка. Это – образ мира: с одной стороны – сложный, с другой – хрупкий.

Но в объектив фотоаппарата Пришвина попадает отнюдь не только природа.

В дневнике писатель, человек глубоко верующий, называет себя «свидетелем эпохи» и подчеркивает, что просто не может не снимать.

Практически все негативы он никому не показывал, хранил отдельно, в конвертиках, склеенных собственноручно из папиросной бумаги и в коробках из-под конфет и сигарет.

Писатель отлично понимал, что обнародовать большинство из этих снимков – значило если не подписать себе смертный приговор, то лишить себя свободы на многие годы.

На коробке с сотнями негативов, которые он сделал зимой 1929-1930 годов, рукой Пришвина написано: «Когда били колокола...». У этой серии снимков двойной смысл: били – звенели и били – разбивали.

Сегодня на эти снимки, где мужики сбрасывают колокола с соборов Троице-Сергиевой лавры, нельзя смотреть без боли. Рудметаллторгу были тогда сданы 19 колоколов общим весом 8165 пудов. А в дневнике писатель записывал свои мысли по этому поводу:

«22 ноября. В Лавре снимают колокола, и тот, в 4000 пудов, единственный в мире, тоже пойдёт в переплавку. Чистое злодейство...».

«8 января. Вчера сброшены языки с «Годунова» и «Карнаухова». «Карнаухий» на домкратах. В пятницу он будет брошен на «Царя» с целью разбить его. Говорят, старый звонарь пришёл сюда, приложился к колоколу, простился с ним: «Прощай, мой друг!»...».

«9 января. На колокольне идёт работа по снятию «Карнаухова», очень плохо он поддается, качается, рвёт канаты, два домкрата смял...».

«28 января. Падение «Годунова» (1600–1930) в 11 утра. А это верно, что «Царь», «Годунов» и «Карнаухий» висели рядом и были разбиты падением одного на другой. Так и русское государство было разбито раздором. Некоторые утешают себя тем, что сложится лучше. Это всё равно, что говорить о старинном колоколе, отлитом Годуновым, что из расплавленных кусков его бронзы будут отлиты машины и красивые статуи Ленина и Сталина ...».

«3 февраля. Трагедия с колоколом потому трагедия, что все очень близко к самому человеку... Страшна в этом некая принципиальность – как равнодушие к форме личного бытия служила медь колоколом, а теперь потребовалось, и будет подшипником. И самое страшное, когда переведёшь на себя: – Ты, скажут, писатель Пришвин, сказками занимаешься, приказываем тебе писать о колхозах...».

Писатель долго не мог опомниться после увиденной им в Сергиевом Посаде картины варварства. В дневнике он сделал такую запись: «1930, 30 ноября. Приближается годовщина уничтожения Сергиевских колоколов. Это было очень похоже на зрелище публичной казни».

Фотографии Пришвина помогли при возрождении лаврских звонов. Эта работа велась на рубеже прошлого и нынешнего столетия под руководством председателя общества церковных звонарей, главного звонаря храмов московского Кремля и храма Христа Спасителя Игоря Васильевича Коновалова.

Удалось восстановить колокола «Первенец» и «Благовестник» и самый большой в России и во всем христианском мире «Царь-колокол». Высота его 4,55 метра, диаметр 4,5 метра. Он весит 72 тонны, а его язык – почти тонну. В 2002 году колокол отлили на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге, а в 2004 году «Царь» наконец воссоединился с хором голосов Лаврской колокольной.

«Для изучения утраченных лаврских благовестников, – пишет Игорь Васильевич Коновалов, – впервые было проведено сканирование с большим разрешением фотографических негативов писателя Михаила Михайловича Пришвина, бывшего в Троице-Сергиевой лавре во время сброса колоколов и оставившего более 200 негативов с изображениями осколков коло-

колов, целых, стоящих на земле больших и малых лаврских колоколов...».

Уникальную работу по реанимации негативов поручили сергиевопосадскому мастеру-фотографу Николаю Соловьёву. Ему предстояло проявить негативы, после чего путём многократного увеличения сделать выставочный вариант снимков.

Позднее Николай Николаевич рассказывал, с каким волнением приступал он к этой работе, как испытал внутреннее потрясение от увиденного на снимках, как открывал для себя ещё одну грань таланта Пришвина — талант фоторепортёра.

«Пишите уж про своих птичек...»

Как «певца природы» пыталась осмыслить его критика сталинских времён. И для писателя это было не без пользы: если бы стали докапываться до основ его мировидения, литературная жизнь Пришвина оказалась бы намного сложнее.

Правда, ещё до создания в 1934 году Союза писателей он был атакован за свои воззрения как чуждые партийной идеологии со стороны представителей литературной группировки РАПП. В 1930 году в периодической печати одна за другой появились несколько статей, громивших творчество писателя. Пришвину инкриминировался уход от классовой борьбы, «преображение действительности в волшебную

сказку», «оправдание старины»... Это «один из способов борьбы против нашей советской культуры», писали критики. Затем всё как будто улеглось, хотя кто в те времена был застрахован от новых нападок.

Почему в годы репрессий, коснувшихся и выдающихся деятелей литературы и искусства, не арестовали Пришвина? Может быть, потому, что такие «идеологически выдержанные» писатели, как Фадеев, его очень уважали.

Доносы на Пришвина наверняка были. Ходу им не давал, скорее всего, сам Сталин. Рассказывают, что однажды на вопрос Сталина, не хочет ли уважаемый товарищ Пришвин написать что-нибудь о социалистическом строительстве в СССР, классик советской литературы, который уже перед революцией считался мэтром, стал что-то увлеченно бубнить о птичках.

«Ладно! – неожиданно согласился вождь. – Пишите уж про своих птичек...».

Иванов-Разумник

В своём доме в Сергиевом Посаде – Загорске он продолжал принимать людей, многие из которых были расстреляны, сгинули в ГУЛАГе.

Вот на фотографиях Михаила Михайловича семья Трубецких (их всех расстреляли), которая до ареста тесно общалась с писателем. А чтобы не умереть с голоду, – Трубецкие, как и

Пришвин, который, как известно, очень любил заниматься этим, вынуждены были охотиться.

К чести Михаила Михайловича подпись его не стоит ни под одним коллективным «облительным» письмом. Ссылаясь на то, что стар, болен, не бывал он и на показательных судах над писателями.

Зато в судьбе Иванова-Разумника Пришвин принял самое деятельное участие. Когда видный теоретик эсеровского движения, создатель литературной группировки «Скифы» (в неё входили Есенин, Андрей Белый, Блок, Петров-Водкин...) был в третий раз освобождён из лагеря, Михаил Михайлович добился, чтобы тот жил у него... легально!

Бонч-Бруевич – соратник Ленина и, кстати сказать, основатель Литературного музея – командировал Иванова-Разумника к Пришвину для разбора его архива.

За этой работой Михаил Михайлович сделал блистательный фотопортрет Иванова-Разумника – редчайший снимок, который уже в наше время отпечатали с негатива.

**«За каждую строчку моего дневника —
десять лет расстрела»**

Первые дневниковые записи Пришвина относятся к 1905 году. А последние сделаны в 1954-м – незадолго до кончины Михаила Михайловича.

Дневник писателя, посвящённый трагическим страницам истории XX века, совершенно меняет наше представление о Пришвине как «певце природы».

Впервые без всяких сокращений дневник писателя – литературный архив в 25 томов, единственный такого масштаба, который хранится в России, – публикуется отдельными книгами только в 1990-е, после отмены цензуры.

И перед нами предстал неизвестный Пришвин – современник гонений на Церковь, глубоко и остро переживавший разрушение храмов, разрушение веры, жестокость окружающей действительности...

«1918, 21 февраля. В чём же сказалась наша самая большая беда? Конечно, в поругании святынь народных: не важно, что снаряд сделал дыру в Успенском соборе – это легко заделать. А беда в том духе, который направил пушку на Успенский собор. Раз он посягнул на это, ему ничего не стоит посягнуть и на личность человеческую».

«1926, 23 ноября. Учитель, посетивший Троицкую лавру с экскурсией, сказал при виде «Троицы» Рублёва ученикам: «Все говорят, что на этой иконе удивительно сохранились краски, но краски на папиросных коробочках по маслу гораздо ярче».

Толпа каких-то уродливых людей окружила мощи преподобного Сергия, молча, разглядывая кости под стеклом, наконец, один сказал:

– Нетленные!
И все загоготали».

Ведение дневника превратилось для Пришвина в органическую потребность, в условие существования.

В самые трудные и опасные 1937–1939 годы он писал мельчайшим почерком в маленьких записных карманных книжках (записи можно прочесть только с помощью лупы).

В начале Великой Отечественной войны, осенью 1941 года, 70-летний писатель, покидая Москву, единственное, что захватил с собой, — это чемодан с рукописями дневника.

Когда враг подступал к Ярославскому краю, где Пришвин жил в деревне Усолье, писатель заклеил свои дневники в старую резиновую лодку, чтобы зарыть их в лесу на случай, если придётся уходить из окружения.

«Нёс я эти тетрадки, — пишет Пришвин, — эту кладовую несгораемых слов за собою всюду... Мои тетрадки есть моё оправдание, суд моей совести над делом жизни».

ПЕРЕФРАЗИРУЯ печально известное «десять лет без права переписки», он говорил жене:

«За каждую строчку моего дневника — десять лет расстрела».

Писатель никому, кроме жены, не показывал свои записи.

«Боже мой! — пишет Михаил Михайлович в дневнике на склоне лет. — Как нелегко жилось, как удалось уцелеть! И я хочу всё-

таки в биографии представить жизнь эту как счастливую».

«Осударева дорога»

Пришвин много ездил по стране. Из каждой поездки привозил десятки снимков. От его взора не ускользали ни Уралмаш, куда он отправился с бригадой писателей, ни строительство Беломорканала, где он фотографировал эков и куда приехал в связи с тем, что писал книгу «Осударева дорога».

При Петре I мужики тащили по каткам через Карельский перешеек в Ладугу суда, сделанные на Архангельских верфях. Для этого они проделали огромные просеки, которые назывались Осударева (Государева) дорога. А за ними двигалась виселица. За плохую работу или провинность вешали.

Самое поразительное: когда в 1930-е стали строить Беломорканал, его проложили фактически по тому же пути – по Осударевой дороге. И хотя не было виселиц, люди умирали от недоедания, от перенапряжения.

Этот факт Михаила Михайловича поразил. Он писал «Осудареву дорогу», раздумывая о том, что за 200 с лишним лет после Петра в попытках вывести страну вперёд на костях её народа мало что изменилось.

Дунино

Писателю было уже 63 года, когда распался его первый брак. В конце 1930-х Михаил Михайлович встретил Валерию Дмитриевну, дочь царского офицера, отсидевшую в лагере два года. Человек необыкновенного ума и красоты, она стала, по словам писателя, радостью его жизни. Её замечательный фотопортрет Пришвин назвал «Царица».

После Великой Отечественной до последнего года своей жизни Михаил Михайлович с Валерией Дмитриевной проводили каждое лето в деревне Дунино под Звенигородом, что в 50 километрах от Москвы на живописном берегу Москвы-реки.

В мае 1946 года Пришвин купил этот дом, образец усадьбы, сложившейся в начале XX века, близ которой в годы Великой Отечественной проходила передовая и где размещался эвакуационный госпиталь, у Н.А. Лебедевой-Критской. Семья Лебедевых-Критских была тесно связана с известными общественными деятелями России и выдающимися представителями отечественной культуры.

Дунинская усадьба с её аллеями и лугом, вековыми липами и елями, яблоневым садом была неиссякаемым источником вдохновения писателя. Именно здесь можно почувствовать истоки творческой личности Пришвина, уходящие в детство, на его родину, в материнское имение Хрущёво-Лёвшино под Ельцом.

«Усадьба Дунино пришла ко мне в точности, как замещение Хрущёва», – записывает Пришвин в дневнике.

В столовой в ранний «предрассветный час» (с 4 до 7-8 часов утра) Пришвин начинал свой день работой над дневником. Он – и это не преувеличение! – буквально жил им.

И дневник, и негативы фотографий, которые могли попасть в «нехорошие руки», Валерия Дмитриевна тщательно прятала после смерти мужа. Она занималась единственным делом: перепечатывала на машинке дневник Пришвина.

Боясь обыска, она заказала два оцинкованных ящика, и запаянный в них архив закопала.

Её стараниями была сохранена в неприкосновенности вся обстановка дома, позднее здесь был создан музей, работавший многие годы на общественных началах.

В.Д. Пришвина, при которой музей стал научным центром пришвиноведения, вела издательскую работу по творчеству Пришвина, стала публикатором новых материалов из огромного архива писателя, автором книг о его жизни и творчестве.

В 1979 году дом по завещанию Валерии Дмитриевны был передан в дар государству.

С 1980 года дом-музей Пришвина в Дунино – филиал Государственного литературного музея. Он включает кабинет писателя, столовую, веранду и комнату Валерии Дмитриевны Пришвиной.

А последняя дневниковая запись писателя появилась 15 января 1954 года – за несколько часов до кончины Михаила Михайловича:

«...мир существует таким, каким видели его детьми и влюблёнными. Всё остальное делают болезни и бедность».

Уютная, хотя и очень скромная обстановка дома, после знакомства с хранившимся в этом доме дневником Михаила Михайловича, пришивскими фотографиями, наполняется новым смыслом, свидетельствуя о внутренней свободе жившего здесь человека, о победе над временем писателя, сумевшего не подчиниться жестокому веку.

...Теперь в Дунино – высокие глухие заборы, а за ними – самые живописные места на берегу Москвы-реки, столь любимые писателем. Скромную обитель писателя-отшельника теснят особняки-монстры наступившей эпохи.... Молимся, чтобы на этом рубеже они и были остановлены...

Хочется верить, что Пришвин, которого пытаются отгородить от нас, людей неведомого ему века, новые «хозяева жизни», найдёт путь к сердцам тех, к кому относится дневниковая запись от 13 июня 1952 года, выразившая одно из коренных убеждений писателя:

«Быть русским, любить Россию – это духовное состояние».

«Мы – потомки Пушкина...»

В 1939 году, находясь в Ялте, Паустовский записал в дневнике: «Самое тяжёлое в наши дни — это стремительный рост пошлости». Интересно, что бы он сказал сегодня?!

В Кузьминки, к Паустовскому

Ча юго-востоке разрастающейся Москвы, где в последний день весны 1892 года родился будущий писатель, чудом сохранился старинный парк Кузьминки, бывшая усадьба князей Голицыных.

Этот островок живой природы в мегаполисе напоминает пейзаж средней полосы России, который с такой любовью описывал в своих книгах Паустовский (вспомним хотя бы «Мещерскую сторону»).

В доме садовника Голицыных – «Серой даче», что стоит здесь, на «лесной опушке», с конца 1980-х обосновался Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского, музей международного значения, который, несмотря на небольшой штат сотрудников, активно поддерживает связи с коллегами из музеев писателя в других странах. В «Серую дачу», где, по словам Бориса Чичибабина, «обрела своё пристанище, бродит, грустит, радуется душа Паустовского», частенько заглядывают любопытные белки, залетают птицы, прикормленные сотрудниками музея. Но главное, что сюда с утра до вечера идут почитатели таланта писателя. Взрослые и дети, москвичи и приезжие – не только из России, но и из-за рубежа. Так же, как шли когда-то к самому Паустовскому – в его московские квартиры в Лаврушинском переулке и на Котельнической набережной. Приезжали к нему гости и в Тарусу, где в 1950-е Паустовские купили домик.

Семья Константина Георгиевича часто переезжала. В детстве и юности он жил и в Киеве, и в других городах Украины и центральной России, возвращался и вновь уезжал из Москвы. А когда он стал журналистом и писателем, география его поездок ещё больше расширилась – Паустовский объездил почти весь Советский Союз, бывал во Франции и Италии, Англии и Болгарии...

Проводит музей и международные научные конференции «Жизнь и творческое наследие К.Г. Паустовского». Помимо учёных России, участие в них принимают их коллеги из Швеции, Франции, Голландии, Литвы, Словакии, Грузии, Китая...

Слависты всего мира, в том числе из Китая и Бразилии, защищают диссертации по творчеству Паустовского. Его книги постоянно переиздаются и в России, и за рубежом. Однажды музей получил из Голландии 15-е издание «Повести о жизни» – этот цикл автобиографических повестей переиздается здесь ежегодно (!).

В своё время писатель мог даже получить за эту книгу Нобелевскую премию, но не сложилось...

Поэзией Паустовского стала его проза

Чаш мир, люди и события виделись Константину Георгиевичу Паустовскому сквозь воздух мечты и вечности. В то же время он смотрел на мир отнюдь не через розовые очки, многое сумел предугадать. Как тут не вспомнить его письмо-завещание, которое заканчивается большой душевной болью за будущее России: «мы жили на этой земле. Не давайте её в руки опустошителей, пошляков и невежд. Мы – потомки Пушкина, и с нас за это спросится».

Хотя люблю Паустовского со школы, а в 1977-м защищал по его творчеству дипломную работу, многое знаю о жизни и творчестве писателя, но всегда с глубоким интересом, от корки до корки, читаю журнал «Мир Паустовского», который музей выпускает с 1992 года.

Журнал, посвящённый творчеству и личности одного человека, — редкость в отечественной журналистике. Как, впрочем, и сам факт издания музеем собственного культурно-просветительского и литературно-художественного журнала, который зовет нас в удивительный мир последнего романтика XX века. Сбылось предсказание Бунина: поэзией Паустовского стала его проза.

В «Повести о жизни» даётся объяснение тому, почему Паустовский остался в стране, раздираемой гражданской войной:

«Это — дело совести. Я считаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ».

Название очередной книги «Повести о жизни», в которой рассказывается о событиях после 1920 года, — «Время больших ожиданий» — тоже объясняет, почему Паустовский остался в России. Ему было двадцать восемь лет, он верил в то, что социализм всё-таки упорядочит захлестнувший страну хаос, «но большевизму так и не удалось освободиться от пренебрежения к личности, глухоте к чужому мнению».

«В начале неведомого века»...

В 2007 году вышел в свет специальный выпуск журнала «Мир Паустовского», посвящённый связям Константина Георгиевича с Украиной. Мало кто знает, что родословная писателя связана с именем прославленного запорожского гетмана Сагайдачного. Это и многое другое объясняет особую глубинную привязанность русского классика к украинской теме, фольклору, языку...

«Образ Украины я носил в своём сердце», — писал Константин Паустовский.

В предисловии к украинскому изданию своих произведений он заметит: «Мы не часто задумываемся над тем, как та или другая страна, где мы провели хоть часть своей жизни, особенно молодость, отражается на нашем сознании, на самом строе наших мыслей и чувств. В книгах почти каждого писателя просвечивается, как сквозь лёгкую солнечную дымку, образ родного края с его бескрайним небом и тишиной полей, с его задумчивыми лесами и языком народа. Мне, в общем-то, повезло. Я вырос на Украине. Её лиризму я обязан многими сторонами своей прозы...»

Таким красноречивым признанием и открывается украинский выпуск «Мира Паустовского».

Как указывалось в метрической церковной книге, «родители его: отставной унтер-офицер

II разряда из вольноопределяющихся, из мещан Киевской губернии, Васильковского уезда, Георгий Максимов Паустовский и законная жена его Мария Григорьевна, оба православные».

Почти четверть века Паустовский, «москвич по рождению и киевлянин по душе», прожил в Киеве. Именно здесь состоялся как журналист и писатель, о чём не раз признавался в автобиографической прозе.

В 1898 году Паустовские переехали из Москвы в Киев, где отец будущего писателя занимал должность делопроизводителя в службе движения Юго-Западной железной дороги. В 1902 году Георгий Максимович Паустовский, получив повышение по службе, стал заведовать отделом статистики Киево-Полтавской железной дороги. Это позволило семье Паустовских улучшить своё материальное положение.

В автобиографической книге «Далёкие годы» Константин Георгиевич с нежностью вспоминает о том, как его семья счастливо жила на Святославской улице до переезда два года спустя на Никольско-Ботаническую...

В 1904 году, после занятий с репетиторами, 11-летний «переросток» Костя Паустовский, который до этого был недостаточно подготовленным к вступительным испытаниям наконец-то поступил в Первую Киевскую гимназию, получив пятерки по русскому языку и Закону Божьему и четверку – по арифметике.

В 1906 году семья Паустовских распалась, Константин был вынужден уехать в Брянск к брату матери, где его определили в местную гимназию. Там он, как сам признавался впоследствии, «всё чаще с сожалением вспоминал Киевскую гимназию и задумывался над тем, как вернуться в Киев».

Осенью 1907 года Константин Георгиевич вернулся в родной, как считал, город, в котором к тому времени уже не оказалось родни... Снисходительные к подростку воспитатели гимназии опекали его, как могли, а на высшем уровне даже было принято решение освободить Паустовского от платы за учение. Иногда он занимался репетиторством, получая за это небольшие, но «лично заработанные» деньги.

Весной 1911 года в местечке Городище под Белой Церковью от рака горла умер его отец. Константин успел застать его живым, участвовал в похоронах, а затем побывал у родственников, проживавших в деревне Копани Чернобыльского уезда.

В том же 1911 году из Черкасс в Киев переехала бабушка Кости по матери Викентия Ивановна Высочанская и поселилась у младшей дочери на Лукьяновке. Там же некоторое время проживал и Константин.

В июне 1912-го закончились выпускные экзамены в Первой гимназии.

«Паустовский, — было написано в заветном аттестате зрелости, — вступив в Императорскую

Александровскую Киевскую гимназию августа 20 дня 1904 года, при отличном поведении обучался по 4 июня 1912 года и окончил полный восьмилетний курс (в подготовительном классе не обучался. — Н.Г.)».

В августе 1912 года Паустовский поступил на естественное отделение физико-математического отделения Киевского университета святого Владимира, а следующий учебный год начал на историко-филологическом факультете, куда Константина перевели по собственному его прошению. Впоследствии Константин Георгиевич перевёлся в Московский университет, чтобы быть рядом с мамой, которая проживала в Первопрестольной, однако события последующих лет не позволили ему завершить учёбу...

В декабре 1913 года в киевском журнале «Рыцарь» опубликовали повесть начинающего писателя «Четверо». Произведение открывало альманах и произвело сильное впечатление на читателей.

Первая мировая заставила Паустовского прервать учёбу. В течение года работал на металлургических заводах в Екатеринославе и Юзовке, на котельном заводе в Таганроге. В 1916 году работал рыбаком в артели на Азовском море.

Живя в Таганроге, Паустовский начал писать свой первый роман «Романтики».

Осенью 1917-го и летом 1918 года жил у матери и сестры в селе Копани под Чернобы-

лем. А затем Паустовские перебрались в Киев, на Несторовскую улицу.

То, что пережил Константин Георгиевич в 1918—1919 годы, которые ввергли Киев в самое пекло, подробнейшим образом описано на страницах блестящей автобиографической книги «В начале неведомого века».

В 1919 году, после прихода большевиков, Константин Паустовский смог устроиться корректором в газету «Киевская мысль», а затем — в Народный комиссариат продовольствия, где «ведал выпуском ведомственных бюллетеней». В начале мая 1919 года Паустовского призвали в Красную Армию. Служил он в Киеве, в караульном полку на Печерске. В октябре того же года, когда здесь хозяйничала Директория, Паустовский перебрался в Одессу, где вместе с Олешей, Катаевым, Бабелем, Ильфом, Петровым и другими литераторами печатался в знаменитой газете «Моряк»...

«Киев он любил всю жизнь, — писал литературовед Леонид Хинкулов, — хорошо его изучил, знал все его окрестности и нередко изображал их пейзажи в разные времена года. Паустовский чувствовал Киев, его специфический колорит, своеобразие его природы... Киев навсегда остался в биографии писателя городом его молодости, о котором Паустовский всегда говорил с нежностью, который хорошо знал и до конца жизни любил».

...Представляя удивительно насыщенный украинский номер «Мира Паустовского», ди-

ректор Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского Илья Комаров, к сожалению, ныне покойный, сотрудники издания отметили объединяющую миссию огромного творческого наследия Константина Георгиевича в контексте российско-украинских культурных связей.

В рубрике «Неизвестный Паустовский» здесь опубликованы рассказы киевского периода жизни и творчества писателя «Поля» и «Браво, Уточкин!». В эссе «Душа жива» доктора искусствоведения, действительного члена Академии искусств Украины В.Л. Скуратовского раскрывается непреходящая животрепетность и нравственно-эстетическая актуальность творчества Паустовского. Проникновенный рассказ киевского писателя Данилы Кулыняка «Миражи над Припятью» проводит читателя по заповедным тропам украинского Полесья, исхоженным юным Паустовским в районе Чернобыля и его окрестностей, над которыми теперь надолго опустилась пронзенная радиацией пустота безвременья. О творческих связях выдающегося русского писателя с украинскими мастерами слова А. Довженко, Ю. Смоличем, М. Рыльским, Ю. Яновским, П. Панчем, А. Копыленко и другими обстоятельно рассказывает кандидат филологических наук С. Щелокова, а молодой исследователь Татьяна Васенкина раскрывает тему «Украинизмы в произведениях К.Г. Паустовского».

«Данке шён, герр Паустовский...»

Много сил отдавал Паустовский борьбе за чистоту русского языка.

«Истинная любовь к своей стране не мыслима без любви к своему языку, — писал он. — Человек, равнодушный к родному языку — дикарь. Он вредоносен по своей сути, потому что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа».

Незаметно из выдающегося русского писателя, жившего в советскую эпоху, Паустовский стал величиной европейской и мировой культуры.

Великая Марлен Дитрих приехала в Москву в 1960-х. В ответ на приглашение выступить в Доме литераторов актриса спросила: «А Паустовский будет?». Этого ей никто не мог обещать. Последние годы писатель болел. И когда в конце того вечера он поднялся на сцену, зал замер: Марлен Дитрих опустилась на колени перед Константином Георгиевичем...

В аплодисментах почти потонули слова, которые она повторяла со слезами: «Данке шён, герр Паустовский, данке шён...».

Тарусские страницы

Особое место в его жизни и творчестве занимала Таруса, маленький приокский городок Средней России. Здесь Констан-

тин Георгиевич Паустовский поселился в середине прошлого века, провёл 13 своих последних лет, творчески плодотворных, счастливых. Писатель пользовался уважением и любовью местных жителей, стал первым почётным гражданином Тарусы. Он словно принял на себя негласное нравственное обязательство заботиться об этом уголке русской земли.

Уже через несколько лет на пустыре рядом с купленным домом-развалюхой радовал глаз настоящий сад.

Паустовский отдал много сил бытовому благоустройству калужской глубинки, сохранению исторического лица города.

Знаменитый альманах «Тарусские страницы», который он «пробил», и поныне — свидетельство свободомыслия и культурного возрождения российской провинции.

В тупичке над крутым скатом к речке Таруске — небольшой дом (ул. Пролетарская, д. 2), на котором белеет теперь мемориальная доска и где открыт музей писателя. От дома Паустовского хорошо видна белая церковь в Бёхове на другом берегу Оки — рядом с нею похоронен великий русский художник Василий Дмитриевич Полenov.

Отсюда можно отправиться вдоль берега Таруски к Ильинскому омуту, существовавшему на земле, вероятно, с незапамятных времён — новелла Паустовского сделала это место знаменитым на весь мир:

«Одно из неизвестных, но действительно великих мест в нашей природе находится всего в десяти километрах от бревенчатого дома, где я живу каждое лето. Я думаю, что слово «великий» применимо не только к событиям и людям, но и к некоторым местностям нашей страны, России... То место, о котором пойдёт рассказ, называется скромно, как и многие великолепные места в России: Ильинский омут... Оно не связано ни с какими историческими событиями или знаменитыми людьми, а просто выражает сущность русской природы. В этом отношении оно, как принято говорить, «типично» и даже «классично».

Такие места действуют на сердце с неотразимой силой. Если бы не опасение, что меня изругают за слащавость, я сказал бы об этих местах, что они благостны, успокоительны и что в них есть нечто священное».

С Тарусой связаны его поэтические эссе «Уснувший мальчик», «Городок на реке», «Избушка в лесу», «Наедине с осенью» ...

...Писатель скончался 14 июля 1968 года в Москве, прожив долгую творческую жизнь. По завещанию Константина Георгиевича, его похоронили на городском кладбище в любимой Тарусе. Место, где находится скромная могила Паустовского, — высокий холм, окружённый деревьями с просветом на реку Таруску, было выбрано самим писателем...

2008 -2015

Облака

В Тарусе по случаю 100-летия
Николая Заболоцкого

После возвращения в 1946 году из мест не столь отдалённых ему определили для жизни и работы всё же Москву, а не пресловутый 101 километр, но... И в столице, и в казалось бы тихом городке на Оке, где уже тяжелобольной Заболоцкий провёл два последних лета своей жизни – в 1957 и 1958-м, снимая дачу у Шумаевых на улице Карла Либкнехта, он, по свидетельству близких, продолжал оставаться под негласным надзором.

После осмотра юбилейной экспозиции мы, гости литературного праздника, посвященного 100-летию Николая Заболоцкого, сидим в актовом зале Тарусского краеведче-

ского музея и слушаем, как трогательно читают юные тарусяне – члены краеведческого кружка – стихотворения поэта, написанные здесь, на Оке: «Одинокый дуб», «Летний вечер», «Кто мне откликнулся в чаще лесной?», «Гроза идёт», «Ласточка», «На закате», «Не позволяй душе лениться»... Первым звучит знаменитый «Городок»:

*Целый день стирает прачка,
Муж пошёл за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.*

*А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать -
Девочке Марусе.*

*Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Иисусе!*

Образ «девочки Маруси» для многих в России и за рубежом давно уже стал визитной карточкой Тарусы. Может быть, благодаря популярной песне на это стихотворение в ярком, самобытном исполнении Елены Камбуровой. Поэтому тем русским и иностранным туристам, кто слышал эту песню и приехал сюда впервые всего на день, иногда трудно проникнуться поэтическим чувством и понять, почему не могли

опротиветь «петухи да гуси» ни семье Цветаевых, ни Виктору Борисову-Мусатову, ни Василию Ватагину, ни Святославу Рихтеру, ни Константину Паустовскому...

Медленно благоустраиваемый городок, к сожалению, может вызвать чувство разочарования у всех, кто не успел постичь его душу.

Но раз уж именно Маруся так прославила Тарусу (а городской казне деньги от развития туризма лишними не будут!), почему бы не создать ей памятник – каких только сегодня не установлено в России?! Да, э-э... «Как бы чего не вышло...» – наверное, именно так, как один из чеховских героев, рассуждает местная администрация. А тарусяне ставят меня перед чудовищным фактом: «Как же, ждите, будет ей памятник: ведь Маруся Шумаева (прообраз героини – Н.Г.) уже несколько лет сидит в тюрьме за убийство...».

После детей выступал известный тарусский бард Эдуард Мазин, к сожалению, его уже нет с нами. Он исполнял на гитаре «Иволгу» («В этой роще берёзовой...»). Эту песню, по его словам, он полюбил, как и многие, после фильма «Доживём до понедельника». И с тех пор пел.

Может быть, именно это стихотворение Заболоцкого, как и лирическая проза Паустовского, привели меня в 1985 году в Тарусу, увидеть которую я давно мечтал. И с тех пор я приезжаю сюда, когда выдаётся свободное время.

Празднование юбилея Заболоцкого стало ещё одним поводом вспомнить легендарные «Тарусские страницы». В 1961 году Константин Паустовский, душа этого «безнадежного дела», включил в сборник (подвергшийся разгрому после выхода в свет) подборку стихотворений «Памяти Н.А.Заболоцкого». Он дружил с поэтом, не раз писал о нём.

Вот, например, строки из очерка «Наедине с осенью»:

«...орали во всё горло беспокойные петухи.
«Звездочёты полей», как их называл Заболоцкий. Заболоцкий... часто приезжал на Оку к парому. Там весь день шастал и толкался речной народ. Там можно было услышать все новости и наслушаться каких угодно историй.

– Прямо «Жизнь на Миссисипи!» – говорил Заболоцкий. – Как у Марка Твена. Стоит посидеть на берегу часа два – и уже можно писать книгу».

Любуясь, как и Николай Заболоцкий, не только приокскими далями, но и небом над Окой, я подумал: не благодаря ли Тарусе в его поэзии много облаков, о которых он писал так образно и точно:

*В нежном небе серебристым комом
Облако невиданной красы.
По бокам туманно-лиловато,
Посредине грозно и светло, -
Медленно плывущее куда-то
Раненого лебедя крыло...*

К сожалению, на литературный праздник Заболоцкого не смог приехать из-за болезни его сын Никита Николаевич – исследователь творчества отца. Дочь Наталья Николаевна, которая провела с Николаем Алексеевичем два последних его лета, от волнения не могла выступить. Но сердечно поблагодарила и юных чтецов, и организаторов праздника за память об отце. А потом она внимательно осмотрела выставку и вспоминала, вспоминала...

А вот снобизм делегации ученых из Москвы и других городов России, наверное, обидел многих присутствующих в зале: поэт, видно, изрядно надоел им во время научной юбилейной конференции в ИМЛИ имени Горького. Иначе как объяснить, что они не хотели делиться своими «озарениями»?! Да и к мемориальной доске, чтобы возложить цветы поэту, творчеством которого они занимаются, потом не отправились. Ни пешком, ни на специальном автобусе, который привёз их из Москвы. Зачем же тогда приезжали? Только ради фуршета на берегу Оки?!

Из музея вместе со своими спутниками-тарусянами иду к дому, где жил Заболоцкий. Гусей пока не видно: их откормят к концу лета. Петухи же и куры вольготно разгуливают по многим улицам городка. Местные жители утверждают, что их не стало меньше: «С них

только и кормимся, да с огородов – зарплаты-то мизерные».

По Карла Либкнехта к нужному нам дому №36 нужно подниматься в горку. Некогда эта улица была центральной, а сегодня – одна из самых тихих и сохраняет облик старой Тарусы, всё чаще и чаще искажаемый в самых живописных местах вилами богатых московских дачников.

Карла Либкнехта неасфальтирована. Транспорт по ней не ходит. Как и повсюду, буйно цветут вишневые сады. Улица заросла травой, в которой, словно маленькие солнца, горят головки одуванчиков. В этот обеденный час она пустынна. Только одна женщина наводит порядок возле своего палисадника: мол, неудобно, если придут люди поклониться Заболоцкому и увидят беспорядок.

Дом же Шумаевых явно не ждёт никаких гостей: его внешний вид удручает – окна давно не красили, в фундаменте зияют проплешины от обвалившейся штукатурки. Ставим цветы в вазу из пластмассовой бутылки, прикреплённую под скромной мемориальной доской к бревенчатой стене. Фотографируемся на память.

Конечно, о том, чтобы войти внутрь, и речи нет: это не музей поэта, а частное домовладение. Говорят, что у нынешнего его хозяина – сына Шумаевых Евгения – нет средств даже на скромный косметический ремонт, чтобы предотвратить разрушение. Несмотря на то, что

молод, он нигде не работает. Это – один из больших вопросов Тарусы.

Её администрация не сочла возможным выделить хотя бы мизерные средства для спасения историко-культурного наследия – дома Шумаевых. Но как бы в насмешку над тарусянами, еле-еле сводящими концы с концами, мэр Тарусы, не удостоивший юбилейный праздник великого русского поэта своим присутствием, нашёл средства, чтобы обезобразить въезд в город помпезным особняком службы занятости. Это – скорее дворец нового русского, в то время как большинство учреждений занимают здания-развалюхи.

Да, явно не к таким «отцам города» относится крылатая мысль-заповедь Заболоцкого, которую он изрёк, глядя на необозримые приокские дали: «Смотри на мир и радуйся, что ты человек!»

*В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна...*

Это – «Вечера на Оке». Заболоцкий успел написать здесь много удивительных стихотворений о тихой и неброской красоте русской природы, так поразившей его в этих местах.

Здоровье Николая Александровича было подорвано в лагерные годы. В 1954-м поэт перенёс инфаркт, но упорно продолжал каждодневный труд. Чувствуя приближение смерти, Заболоцкий составил свод своих произведений для будущего собрания сочинений, уничтожив тексты шуточных стихотворений и поэм. Однако «Маруся» уцелела.

В 1957-м он подготовил и выпустил в свет последнюю книгу – «Стихотворения» – наиболее полный его прижизненный сборник (64 стихотворения и избранные переводы).

Прочитав эту книгу, Корней Чуковский написал Заболоцкому восторженные слова:

«Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину. Для меня нет никакого сомнения, что автор «Журавлей», «Лебеда», «Уступи мне, скворец, уголок», «Неудачника», «Актрисы», «Человеческих лиц», «Утра», «Лесного озера», «Слепого», «В кино», «Ходоков», «Некрасивой девочки», «Я не ищу гармонии в природе» – подлинно великий поэт, творчеством которого рано или поздно советской культуре (может быть, даже против воли) придётся гордиться, как одним из высочайших своих достижений. Кое-кому из нынешних эти мои строки покажутся опрометчивой и грубой ошибкой, но я отвечаю за них всем своим семидесятилетним читательским опытом» (5 июня 1957 года).

А последнее из написанных им стихотворений – «Не позволяй душе лениться...» – стало поэтическим завещанием Заболоцкого.

...Плывут, плывут в небе облака. Одно из них, может, душа поэта. Словно напоминание для нас: несмотря ни на что, нужно двигаться. К своей мечте. К совершенству.

2003-2015

«Пожар» – предвидение Валентина Распутина

Вночь с 14 на 15 марта 2015 года за несколько часов до своего 78-летия скончался русский писатель Валентин Распутин.

Он родился 15 марта 1937 года в посёлке Усть-Уда, что на берегу Ангары, в трёхстах километрах от Иркутска. Его детство прошло в этих же местах, в деревне с красивым, напевным именем Аталанка.

«Самое важное, – вспоминал писатель, – что я имел всё-таки смелость и ум родиться в глухой Сибири... В деревне, где всё ещё присутствовало – язык, и старые обычаи, и традиции, и люди, как говорится, прежней ещё формации. То есть они были совершенно не испорченные...

Отец работал начальником почты и случалась у него нехватка... Ехал на пароходе, выпил, и у него срезали сумку с деньгами. Деньги небольшие, но за эти небольшие деньги давали

большие сроки. Пришли описывать имущество... Но какое у нас было имущество? У матери – только зингеровская машинка швейная. Но деревня помогла: разнесла наше нехитрое имущество по своим избам. Описывать уже было нечего... Бедность. А потом деревня принесла больше, чем у нас было. Вот какие были отношения. Выживали вместе. Иначе было нельзя.

После смерти Сталина отец вернулся, работал в леспромхозе. Но здоровье было уже не то. На Колыме он работал в шахтах, это не так-то просто... Мы жили вместе с бабушкой. Бедно жили... Вся деревня жила бедно. Но выручали тайга и река... Я пропадал целыми днями на реке...»

Писатель считает, что именно Ангара, на берегах которой прошло его детство, воспитала его, научила профессии. И от этой великой сибирской реки он узнал сказки, которые до сих пор звучат в нём.

В прозе Распутина – и в «Прощании с Матёрой», и в «Последнем сроке», и в повести «Живи и помни», где отдалённо, но явно угадывается созвучие Атамановка, впоследствии явится нам село Аталанка. Оно попало в зону затопления, когда после строительства Братской ГЭС возникло огромное искусственное водохранилище. Люди из детства Валентина Распутина станут его литературными героями.

По слову Виктора Гюго, «начала, заложенные в детстве человека, похожи на вырезанные на коре молодого дерева буквы, растущие, раз-

вёртывающиеся с ним, составляющие неотъемлемую часть его». Об этом же писал в 1974 году в иркутской газете «Советская молодёжь» и Валентин Распутин:

«Я уверен, что писателем человека делает его детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать всё то, что даёт ему затем право взяться за перо. Образование, книги, жизненный опыт воспитывают и укрепляют в дальнейшем этот дар, но родиться ему следует в детстве».

Сразу после Великой Отечественной Распутин уехал учиться в районный центр. Позже он напишет об этом рассказ «Уроки французского», по которому в 1978 году снимут фильм.

«...За прототипом, — вспоминал Валентин Григорьевич, — далеко не надо было ходить. Этим мальчишкой был я. Там вымысел большой, конечно, был. Учительница не играла со мной на деньги. Но помогала. Посылку с макаронами отправляла... Она этого не помнит, но я-то помню...

Для деревенского парня французский язык, все эти прононсы, произношение... не всегда у меня это получалось... Но постепенно я набирал и говорил неплохо. Позже, когда был во Франции, моего языка было достаточно, чтобы объясняться... Но я очень любил... Какие-то

стихи заучивал... Я, деревенский парень, изучаю французский язык... Это поднимало меня на невероятную высоту. В XIX веке только дворяне могли говорить по-французски, а тут я изучаю... Особенность какая-то... Может, это и подвигло меня к тому, что я стал писать понемногу».

Иркутск – первый город, в который приехал молодой Распутин. Поступил в университет на историко-филологический факультет. Вспоминая те годы, писатель улыбался: мол, это было несложно, главное было отличить Пушкина от Маяковского... Он готовил себя к педагогическому поприщу, хотел стать хорошим учителем и поэтому учился столь же примерно, как и раньше, много читал. После окончания университета Распутин работал на телевидении, затем в газете. Вскоре в альманахе «Ангара» стали печататься его очерки, там же в 1961 году появился его первый рассказ «Я забыл спросить у Лёшки...».

Ча излёте хрущевской «оттепели» вместо рутинной журналистики он решил активнее работать на литературном поприще.

В 1966 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышла первая книга Распутина «Край возле самого неба». А через год его повесть «Деньги для Марии» сделала имя

молодого сибиряка известным всей читающей России. Распутина приняли в Союз писателей СССР.

Сегодня, вспоминая первые шаги Распутина в отечественной литературе, отмечают тот слог, говор, сохранение живого русского языка регионов Сибири, где обитали герои его произведений. Тогда, в далёкие 60-е, читатели с благодарностью ощутили духовную правду и исконность живого языка в произведениях Валентина Распутина.

Писатель создал в своих рассказах и повестях — таких как «Василий и Василиса», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Пожар» — картину эпохи, дав второе дыхание русской реалистической прозе. С годами в его прозе всё отчётливее становился заметен отблеск христианского взгляда на людей и на мир. В 1977-м за повесть «Живи и помни» Распутин получил Государственную премию СССР. Валентину Григорьевичу было только 40. И по тем временам он был едва ли не самый молодой писатель-лауреат.

Жизнь в больших городах — сначала в Иркутске, а потом и в Москве — не изменила Распутина. Многие его произведения постепенно составили «настоящую эпопею уми-

рающего сельского быта, умирающего, но населенного удивительными людьми, несущими в себе генетическую память о мощных корнях русского крестьянства».

Так считал один из его друзей – известный реставратор Савелий Ямщиков, которого удивило в самом начале их знакомства, «как Распутин, молодой тогда ещё совсем человек, так глубоко знает жизнь деревни и рассказывает о ней, словно не одно столетие провёл среди её жителей».

Повесть «Прощание с Матёрой» – пронзительный рассказ о судьбе островной сибирской деревни, во имя технологического прогресса после разлива Братского моря ушедший под воду вместе с вековыми домами, местным кладбищем. И вновь обратимся к воспоминаниям Валентина Григорьевича:

«Среди русских названий, самых распространённых, коренных, название «Матёра» существует везде, по всем просторам России. Есть оно и у нас, в Сибири. Я его со смыслом взял. Должно же название что-то обозначать. Фамилия должна что-то обозначать, не просто случайная фамилия. А тем более название старой деревни, старой земли.

Родина уезжала уже, родина затоплялась, – это «Прощание с Матёрой». Вот эта работа была для меня главной. Ни рассказы, никакие другие повести. Вот для этого, может быть, я и нужен был. Для этого я как-то и сберёг себя».

Писатель, литературный критик Алексей Варламов считает, что Валентин Григорьевич, написавший «Прощание с Матёрой» – «эсхатологическую повесть о времени, которое надорвалось, кончилось и исчерпало себя», «...конечно, никакой не деревенщик, как с лёгкой руки неизвестного критика назвали плеяду самых талантливых и совестливых писателей позднего советского времени – Астафьева, Белова, Шукшина, Можаяева, Абрамова...». «Валентин Распутин, – подчёркивает А. Варламов, – единственный современный писатель апокалиптического, а вовсе не публицистического склада, он из тех, кто находится на границе, на незримой меже, разделяющей жизнь и смерть, временное и вечное, отсюда истекает такой острый его интерес к теме смерти. Это писатель, наделённый глубоким даром предчувствия и прозорливости. Но здесь не только талант его, но и крест».

Если прежде Распутин стремился представить читателям благостный образ народа-богоносца, то в 1985-м, после десятилетнего «молчания», пророчески заглядывая уже в постсоветскую эпоху 1990-х, он публикует «Пожар» – страшную повесть с апокалиптической сценой массового мародерства, озлобления, взаимной ненависти, драки из-за поживы: в сибирском селе горит сельский склад, а местные жители вместо того, чтобы тушить пламя, растаскивают всё, что ещё не погибло в пламени, по домам...

Ч^аверное, не случайно, именно в 1980-е, когда уже у многих мыслящих людей было предчувствие беды, Распутин принял Православие, крестился. Тогда же писатель, выбрав путь гражданского служения обществу, включился в борьбу за чистоту Байкала – стал духовным лидером сибирских экологов, инициатором кампании за спасение озера от стоков Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Активно выступал Распутин и против проекта поворота северных и сибирских рек, который был отменён в июле 1987-го.

...После развала нашего великого государства – Советского Союза – Распутин активно участвовал в работе Всемирного Русского Народного Собора, заседания которого уже многие годы ежегодно проходят под руководством Святейшего Патриарха Кирилла (ещё когда он был митрополитом Смоленским, председателем ОВЦС РПЦ). Одним из самых памятных стало для меня выступление Валентина Григорьевича на IX Всемирном Русском Народном Соборе (2005), в котором он остро, нелицеприятно говорил об итогах демократических преобразований в постсоветское время:

«...Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не удавалось добиться на полях сражений, предательски содеялось под видом демократических реформ,

которые вот уже пятнадцать лет непрерывно продолжают бомбить Россию. Разрушения и жертвы – как на войне, запущенные поля и оставленные в спешке территории – как при отступлении, нищета и беспризорничество, бандитизм и произвол – как при чужеземцах. Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Ещё как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков – всё почти чужое, и если что позволяется своё, то в скудных нормах оккупационного режима.

Чужое настоящее... и что же? – чужое будущее? Но чужое будущее – это уже окончательно победившее, из оккупационного превратившееся в осёдлое и хозяйское своё. Вот такая перед нами перспектива, если наше сопротивление останется столь же вялым и разрозненным...»

В последние годы жизни писатель жил в Москве и в Иркутске. Появились очерки, статьи, рассказы, где писатель с болью размышлял о нынешнем «смутном» времени. Он

делал акцент на «эпохе смешения», в которой мы живём, когда зло перемешалось с добром, когда человек отделился от природы и противопоставил себя ей, когда русское слово начинает терять свои корни... Но самое главное, считал писатель, говоря словами одного из своих героев – совесть «истончается в людях».

По мнению Валентина Распутина, язык русский и национальная культура не могут существовать раздельно от русской земли. Нужно обязательно находиться на своей Родине, разделяя её тяготы, жить её чаяниями, прорасти вместе с памятью пращуров на Отчизне... Заботиться о земле, возделывать её, разговаривать с ней, касаться её руками. Тогда, как он выразился, земля «начинает работать», передавать свою энергию народу, который населяет её, помогает своему народу, делает его добрее и целостнее!

Владимир Николаевич Крупин, друживший с Распутиным 43 года, так отозвался на кончину друга и соратника:

«Как бы ни была печальна и трагична эта утрата, это прощание с человеком, писателем, есть ощущение радости в том, что он так много сделал для русской литературы и России. И то ощущение радости перекрывает горечь прощания. Какое огромное количество книг, прозы, статей им написано! Он был не только писателем, но и общественным деятелем. Я уверен, что

Валентин Распутин – ведущий русский писатель конца XX – начала XXI века. Он сохранял наследие русской классической литературы, реализма. Распутин был человеком трагических предчувствий, человеком большого предупреждающего накала – он говорил о том, как погибает Россия, что с ней творится, как она горит, как её затапливает. Но вместе с тем в его работах всегда сквозила уверенность в том, что такая страна и такой народ всегда будут бессмертны. Его главный завет – любовь к России, забота о ней и работа во имя России...».

2012-2015

«Не учить читателя читать...»

Популярное выражение о шестидесятиниках – «уходящая натура» – принадлежит известному писателю, литературоведу, культурологу, телеведущему Льву Александровичу Аннинскому.

«Я никогда не выбирал профессию, я выбирал специальность, – размышляет он. – Моя специальность – это русские тексты. Не учить читателя читать, а понять личность автора», – так Лев Аннинский определил дело своей жизни. – Литературой я согласен заниматься в любом качестве – учителя, журналиста, критика, редактора, как угодно, лишь бы находиться в царстве русских текстов».

Впервые в это царство текстов он осознанно пришёл ещё в старших классах школы, а окончательное решение остаться в нём на всю

жизнь принял, учась на филологическом факультете МГУ.

На канале «Культура» в разное время увидели свет несколько документально-литературных фильмов. Первой стала лента «Серебро и чернь», рассказавшая о 12 поэтах Серебряного века – Есенин, Ахматова, Блок, Маяковский и другие в исполнении прославленных артистов. К примеру, Игоря Северянина играет Михаил Ефремов, Бориса Пастернака – Евгений Стеблов, Анну Ахматову – Лидия Федосеева-Шукшина, Осипа Мандельштама – Виктор Сухоруков. За эту работу Лев Аннинский получил премию ТЭФИ-2004 в номинации «Сценарист телевизионного документального фильма/сериала». В 2005 году последовало своего рода продолжение рассказа – цикл программ «Медные трубы» и «Засадный полк» в 12 сериях.

Имя Льва Аннинского уже много лет пользуется авторитетом и среди коллег-ученых, и среди учеников – студентов Литературного института имени Горького, и среди читателей его книг о русской классике и русском языке, о театральных премьерах, духовном мире нашего современника.

...Лев Александрович Аннинский (Иванов-Аннинский) родился в 1934 году в Ростове-на-Дону. Родители – Александр Аннинский и Анна Александрова. Отец – по происхождению казак из станицы Ново-Аннинской. Мать – из города Любеча.

У его родителей, перебравшихся в середине 1930-х в Москву, оказалась общая дорога: ликбез – наробраз. Получив высшее образование, оба попали на ниву просвещения. Отец из преподавателей вуза перешёл в продюсеры «Мосфильма». В 1941 году пропал без вести на фронте. Мать так и осталась на всю жизнь преподавателем химии в техникуме.

Первые слова в искусстве будущего мастера русской словесности были сказаны с большого экрана в шесть лет. В знаменитой советской картине «Подкидыш» Лев Аннинский сыграл мальчика, который говорит, что будет танкистом или хотя бы пограничной собакой.

С детства у него были способности к рисованию, и он был уверен, что станет художником. Неплохо рисовал поэтов и писателей – Горького, Белинского, Гоголя...

Но и в артисты он не пошёл, и художником не стал. Уже в восьмом классе Лев Аннинский понял, что будет заниматься только литературой. «Там, на уроке русского языка, учительница задала читать пушкинскую «Песнь о Вещем Олеге». Велела читать с выражением. Я начал учить и вдруг как ухнул в ритм. Я тогда для себя понял: кем бы я ни стал, если я буду заниматься русскими текстами, уже достаточно, – рассказывает он. – Я стал посещать различные литературные кружки».

Но при всей любви к слову первая публикация молодого Аннинского оказалась «рисо-

ванной». Карикатуры были напечатаны в университетской газете филфака МГУ, где он с увлечением учился. Здесь же, в многотиражке, спустя несколько лет появилась первая рецензия: начинающий критик посвятил ее роману «Не хлебом единым» популярного в то время Владимира Дудинцева.

По окончании университета в 1956-м он был распределен в аспирантуру. Выдержал конкурсные экзамены, но затем ему сказали, что положение изменилось и теперь в аспирантуру берут только с производства. Тогда, осенью 1956 года, после событий в Венгрии, где «контрреволюцию» начали литераторы, в СССР было решено «оздоровить идеологию».

Вместо того чтобы писать диссертацию, Аннинский стал делать подписи к фотографиям в журнале «Советский Союз», откуда через полгода был уволен за «профнепригодность». Пришлось, по его выражению, «пойти в литподденщики», что и определило весь дальнейший творческий путь будущего критика.

Работал в «Литературной газете». Потом перешёл в «толстый» журнал «Знамя». После того, как Лев Александрович подписал письмо в защиту своего университетского педагога Синявского, пришлось уходить из журнала, но многим стало ясно: он никого и ничего не боится. «Когда была возможность хоть как-то его защитить, я сказал: это мой учитель, и я его защищаю», — вспоминает Аннинский.

Четыре года он работал в философских и социологических институтах редактором, а в начале 1970-х его приняли в журнал «Дружба народов», где продолжает работать и сегодня.

С начала 1990-х годов сотрудничает также со многими московскими газетами и журналами. В одной из редакций – в редакции газеты «Вёрсты», где я работал обозревателем, – мы и познакомились. То торопясь на лекции в Литературный институт или на телевидение, то по дороге в «Дружбу народов», Лев Александрович, который вёл у нас раздел «Театр», довольно часто заходил в нашу редакцию, что помещалась в одной из высоток на Новом Арбате, приносил рецензии (почему-то редко доверяя свои статьи электронной почте!).

Мы успевали поговорить совсем немного. Этаким «старичок-лесовичок» с дубродушно-лукавой улыбкой, прячущейся в короткой седой бороде, совсем не похожий на строгого знаменитого критика, каким привыкли видеть его многие на телеэкранах, фотографиях, Аннинский вскоре энергично поднимался. Он натягивал скромную курточку и вязаную шапочку, потом «водружал» за спину котомочку – рюкзак с книгами и рукописями и, прощаясь, уходил. Его ждали ещё какие-то неотложные дела, все было рассчитано у Льва Александровича по минутам.

Из пяти тысяч статей и трех десятков книг Аннинский особенно гордится одной – «Жизнью Иванова». Это описание собственного рода

в нескольких томах, которое начал ещё дед писателя, а Лев Александрович закончил для своих дочерей.

«Мой отец был донской казак, – говорит Лев Александрович, – в 1941 году пошёл добровольцем на фронт и в первую неделю войны пропал без вести. Мне тогда было 6 лет, но я уже успел его полюбить. Очень страшно терять отца в столь юном возрасте. Я был уверен, что он вернется, а со временем стал понимать, что никогда... И это определило всю мою жизнь, эта боль, эта потеря, эта невозможность примириться.

Однажды мне в руки попал манускрипт моего деда, где он написал историю нашего рода до 1917 года. Потом я решил дописать нашу родословную по рассказам сестёр матери и отца, по письмам, дневникам, конспектам, случайным записочкам...

И таким образом я воссоздавал жизнь отца: детство, взросление, студенческие годы в МГУ, работу преподавателем, отношения с тремя жёнами, период «продюсерской» службы на «Мосфильме», добровольный уход на фронт... Это было великое счастье».

Посмотришь сегодня телевизор, послушаешь радио, прочитаешь большинство российских газет – и мурашки по телу: кажется, что наша жизнь только и состоит из катаклизмов! А потом вспомнишь о его статьях, книгах, телепередачах, подумаешь: «Ничего, как-нибудь справимся! Краски-то многими СМИ сильно сгущены...»

Однажды на выставке на ВВЦ «Книги России», где была презентация его новой книги, мы беседовали с Львом Александровичем о том, что всех нас волнует, – о чистоте русского языка.

«Ратую за то, чтобы обновление, как и на протяжении столетий, в русском языке продолжалось, – отметил критик, – но при этом не было пошлости. Меня очень волнует, что будет с русским языком в бывших республиках СССР. Особенно в странах Балтии, где его всячески притесняют. Но, конечно, главная наша боль, что в самой России немало людей, которые говорят или пишут по-русски безграмотно...»

Аннинский – человек неуёмный. То он едет на очередной семинар молодых писателей или театральный фестиваль, то читает где-то курс лекций. Одним словом, постоянно в пути.

2009

Блеф-финал в рассказе Светланы Замлеловой «Рукопись»

Врассказах Светланы Замлеловой каждая деталь — метафора. Вот и в драматическом рассказе-притче «Рукопись» на свет Божий, точнее безбожный, когда после революции религия была объявлена опиумом для народа, «в бывшем келейном корпусе разорённого Благовещенского монастыря» был извлечён «ковчежец, похожий на маленького кабана».

Вряд ли «новые насельники обители — све-
зённые в монастырь московские беспризорни-
ки — граждане юные, но уже бывалые» читали
книги о старинных кладах (и вообще что-либо
читали!). Но наша земля слухами полнится.

— А вдруг это — золотишко?!

Находка, конечно же, не могла не навести
их на эту мысль. Но...

«<...> Под сдавленные восклицания из ковчежца достали свёрнутые трубкой листы. Беспокойные мальчишеские пальцы с вьевшейся в рисунок кожи грязью стащили препоясавшую листы тесьму, и свет увидела чернильная вязь.

Принялись было разбирать по складам, но не поняли ничего — писано было по-русски, но читалось с трудом. Смысл же многих слов и во все ускользал. Тогда порешили отложить чтение до вечера, чтобы, пригласив двух грамотеев, читающих поскладнее и побойчее, расположиться на пустыре за складом.

Не так давно за складом, бывшим ещё несколько лет тому назад Успенским собором, хоронили монахи своих мертвецов. А ныне волею человеческой там исчезли кресты и надгробия, а рукотворно всхолмлённая местность обратилась равниной <...>».

Вспоминаются бунинские строки:

*«Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена<...>».*

Письмена в рассказе Светланы Замлеловой, пришедшие из тьмы веков, из 16... (какого-то!) года, оказались длинным покаянным письмом многогрешного монаха Феодора Курицы, нарушавшего монашеские обеты, пьянствующего и распутничающего.

И вот после последнего своего кутежа, вроде бы очнувшись, Феодор оказался не с привычными своими собутыльниками.

«<...> народ был всё больше дикий — ефиопляне. И всё с хвостами — иные со свинными, иные с лошадиными <...>».

Всё как в кривом зеркале (точнее в той беспутной жизни, которую вёл долгое время Феодор!):

«<...> захрюкали, затыкали, заржали да заикали мои сотоварищи новые <...>».

Вот поэтому-то покаянную рукопись монаха и хранил «ковчежец, похожий на маленького кабана» как напоминание о содеянных грехах.

Повлияла ли эта история на дальнейшую жизнь беспризорников? Может, они перестали сквернословить, не будут воровать, курить, пить?! Об этом автор рассказа ничего не сообщает.

В финале своего рассказа «Землетрясение» (1930) Михаил Зощенко пишет:

«<...>Чего хочет автор сказать этим художественным произведением?

Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи — землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей!»

С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто, товарищи».

Если кто-то из четвёрки, нашедшей рукопись в бывшем монастыре, прочитает потом рассказ Зощенко или где-то на улицах (если это не выдумка писателя!) упомянутый им плакат, может, он и человеком станет, не уподобится свинье, как во время пьяных разгулов Феодора.

Но это уже совсем другая история.

Так зря или нет писал монах своё покаянное письмо?!

Да, его всё же обнаружили спустя столетия, но обнаружили в то время, когда между понятиями «свобода» и «вседозволенность» был поставлен знак равенства...

«<...> За неимением лучшего места хранения, листы снова препроводили в тайник. Вскоре приют для беспризорников перевели в другое место, а в бывших монастырских кельях разместилась милиция и КПЗ. В суете переезда о рукописи забыли <...>».

Итак, финал. Вроде бы в рассказе можно и точку здесь поставить.

Нет, это – блеф-финал!

Такой приём характерен больше для театра, чем для литературы.

Но Светлана Замлелова, чьи произведения, очень динамичные, драматичные, могли бы быть экранизированы или поставлены на сцене, – новатор, философ, человек с тонким вкусом. Она

прекрасно разбирается и в кинематографе, и в театральном, музыкальном искусстве, и в живописи... Синтез искусств и приёмов, которые в них используются, обогащают художественную палитру Светланы Замлеловой.

Для сравнения, как блеф-финал используется в театре, приведу отрывок из своей рецензии на известный спектакль в Театре-студии под руководством Олега Табакова по мотивам одноименного романа лауреата Нобелевской премии Томаса Манна «Признание авантюриста Феликса Круля» (1998), где главную роль исполнил Сергей Безруков:

««<...> И вот столь любимый и нередко применяемый в постановках Андрея Житинкина приём — блеф-финал, фальшь-финал. В момент, когда юный авантюрист уже на вершине славы, он узнаёт, что крестный, единственно близкий ему человек, покончил с собой. Герой в растерянности и, казалось бы, искренне опечален. Это подчеркивают и письма, рассыпавшиеся как листы отыгранного сценария. Что дальше? На мой взгляд, один из предполагаемых ответов таков. Трагедия через минуту может смениться фарсом: до этого, повторяю, всё было развитием мифа о Гермесе, того, чему учил Круля крестный. Блестяще, как актёр, он словно смотря в кривое зеркало, гиперболизируя, воплотил в жизни все его уроки. Вот уж поистине — «Как нише слово отзовётся?». И вот крестного нет. Как поведет себя герой завтра?! Видимо, ниче-

го святого в его душе уже и правда не осталось. И гильотина — закономерное наказание общества. Это — истинный финал, предлагаемый нам режиссером в качестве интригующей увертюры к спектаклю <...>».

Итак, в спектакле «Признание авантюриста Феликса Круля» гильотина отсекает главу того, кто посягнул на устои общества.

У Светланы Замлеловой, возможно, именно череп Феодора Курицы находят беспризорники.

На пустыре, где они собрались для чтения рукописи, обычно

«<...> курили тайком, и пепельницей, а точнее, хранилищем окурков, неизменно служил желтоватый череп, найденный кем-то по осени в зарослях высокой и спутанной, как нечёсанные волосы, травы <...>».

И два грамотея, которые помогли прочитывать рукопись, видно, были не шибко уж образованными. А будь у них «культурки» поболее, могли бы, взяв найденный череп в руки, блеснуть перед своими «тёмными» товарищами монологом Гамлета о бренности бытия:

«<...> Быть иль не быть, вот в чём вопрос <...>».

Вслед за сим торжественным актом грамотеи, возможно, предложили бы выкопать ямку и схоронить в ней череп, а не глумиться над ним.

После революции, когда Троице-Сергиева лавра была закрыта, в ней поселили семьи ра-

бочих. Их дети глумились над черепом Бориса Годунова, разорив его усыпальницу. Череп того, чьё имя обессмертил в своей драме Александр Сергеевич Пушкин, они использовали вместо футбольного мяча.

Узнав об этом варварстве антрополог Михаил Герасимов, который по черепу создал скульптурный портрет Ивана Грозного, а также благодаря своему методу портреты других известных людей разных эпох, чуть не плакал. Изучить усыпальницу Годуновых он не успел, точнее ему не дали такой возможности.

На мой взгляд, весь рассказ Светланы Замлеловой до его ёмких финальных строк – блеф-финал к истории Феодора Курицы:

«<...>И лишь недавно, когда приступили к восстановлению обители, вновь обнаружили в стене ковчежец. Он подгнил и крошился с боков. Но рукопись сохранилась неплохо. Только листы ещё потемнели. Находку передали настоятельнице. Запершись в келье, мать игуменья ознакомилась с рукописью, после чего снарядила в епархию нарочного. От Владыки пришёл ответ оставить рукопись до времени в монастыре.

Мать игуменья закрыла ковчежец в шкаф и, кажется, вовсе забыла о нём...»

Да, не будут его поминать среди «прежде почивших сестёр и братьев наших». И, наверное, права, лингвист, критик Лорина Тодорова (Болгария):

«<...>может быть, факт, что мать игуменья забыла о ларце и есть Божие наказание многогрешного Фёдора Курицы <...>».

2013

Неутомимый собиратель русского слова

Владимир Иванович Даль был человеком необыкновенной судьбы. Имя его встретишь в учебниках русской литературы и в трудах по фольклористике, книгах по этнографии и по истории медицины, даже в руководствах по военно-инженерному делу. Но для нас В.И. Даль – прежде всего создатель знаменитого и в своём роде не превзойдённого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Владимир Иванович Даль родился в Луганске в семье врача. Его отец – датчанин принял русское подданство вместе с русским именем Иван Матвеевич Даль в 1799 году. Он знал немецкий, английский, французский, русский, латынь, греческий язык, был богосло-

вом и медиком. Известность его как лингвиста достигла императрицы Екатерины II, которая вызвала Далья-старшего в Петербург на должность придворного библиотекаря.

Здесь он женился на Марии Христофоровне Фрейтаг, у них родились четверо сыновей. Владимир. Карл. Павел и Лев.

Мария Даль свободно владела пятью языками. Она была дочерью Марии Ивановны Фрейтаг, которая происходила из рода французских гугенотов де Мальи, занималась русской литературой. Известны её переводы на русский язык.

Тринадцатилетним мальчиком Владимир Даль поехал учиться в Петербургский морской корпус. После его окончания около пяти лет прослужил во флоте – сначала на Чёрном, а потом на Балтийском морях. Не обладая подходящим для морской службы здоровьем, он вышел в отставку и поступил в Дерптский университет на медицинский факультет.

Как блестящий военный врач Владимир Даль показал себя в ходе сражений русско-турецкой войны 1828—1829 и польской кампании 1831 года.

Н о настоящим призванием его стало другое. Ещё в ранней юности Владимир Иванович проявлял большой интерес к русскому слову. Даль много путешествовал, изучал

быт, нравы, говор, диалекты простого народа. Острая наблюдательность, доброта, отзывчивое сердце помогали ему в неустанных трудах.

«Во всю жизнь свою, — вспоминал В.И. Даль, — я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа... А с 1819 года, когда я на пути в Николаев записал в Новгородской губернии дикое для меня слово: замолаживает (помню это доньине) — и убедился вскоре, что мы русского языка не знаем, я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот...».

Даль знал, как говорят во всей Руси великой, какие где живут слова и как их произносят. Живую русскую речь Даль слышал, как слышит музыку большой музыкант: различая всякую мелодию в многоголосии оркестра, улавливая тончайшие оттенки исполнения.

Сколько видел и пережил за всю свою долгую деятельную жизнь, сколько важного и интересного встретил на её дорогах! Дружьями Даля были А.С. Пушкин, П.С. Нахимов, Н.И. Пирогов, декабрист Д.И. Завалишин. Владимир Иванович подсказал Н.В. Гоголю сюжет «Шинели», с В.А. Жуковским путешествовал по России. Он был одним из учредителей Русского географического общества.

В 1832 году Владимир Иванович Даль издаёт первый сборник своих русских сказок. С этого начинается его деятельность на

поприще русской литературы. Книга обратила на себя внимание передовой интеллигенции, а в Третье жандармское отделение на автора поступил донос от Фаддея Булгарина, который разглядел в сказках опасный подтекст.

Сказки были изъяты из продажи. Даля арестовали. Освободили его только после вмешательства В.А. Жуковского.

Повести, рассказы, романы Даль писал под псевдонимом Казак Луганский. Читаемый с удовольствием современниками, он получил горячее одобрение В.Г. Белинского и И.С. Тургенева.

Знакомство Пушкина и Даля должно было состояться через посредничество Жуковского в 1832-ом году. Однако Владимир Даль решил лично представиться Александру Пушкину и подарить один из немногих сохранившихся экземпляров «Сказок...».

Александр Сергеевич очень обрадовался подарку. В ответ он подарил Владимиру Ивановичу рукописный вариант своей новой сказки «О попе и работнике его Балде» со знаменательным автографом:

«Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому, сказочникъ Александръ Пушкинъ».

Когда Даль рассказал поэту о своей многолетней страсти к собирательству слов, которых уже собрал тысяч двадцать, Пушкин воскликнул:

«Так сделайте словарь! Позарез нужен словарь живого разговорного языка! Да вы уже сделали треть словаря! Не бросать же теперь ваши запасы!».

О собранных Далем пословицах и поговорках поэт также отозвался восторженно:

«Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!».

Александр Сергеевич, восхищённый сказками Даля, видел в нём великолепного знатока обычаев русского народа.

Знакомство с Пушкиным, начавшееся по инициативе Владимира Даля, позднее переросло в искреннюю дружбу, длившуюся до самой смерти поэта.

Работая над «Историей пугачёвского бунта», поэт воспользовался многими ценными советами писателя-врача, семь лет трудившегося в Оренбурге.

В сентябре 1833-го они объездили все важнейшие места пугачёвских событий.

Узнав о дуэли поэта, Даль приехал к другу, хотя родные не пригласили его к умирающему Пушкину. Владимир Иванович участвовал в лечении поэта от смертельной раны вплоть до смерти Пушкина 29 января (11 февраля) 1837 года.

Когда Даль только появился в доме, поэта окружали знатные врачи. Пушкин радостно приветствовал друга и, взяв его за руку, умоляюще спросил:

«Скажи мне правду, скоро ли я умру?»

Даль ответил спокойно:

«Мы за тебя надеемся, право, надеемся, не отчаивайся и ты».

Пушкин благодарно пожал ему руку и сказал облегчённо:

«Ну, спасибо».

Он заметно оживился и даже попросил морошки, а Наталья Николаевна радостно воскликнула:

«Он будет жив! Вот увидите, он будет жив, он не умрёт!»

«Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 томах составлялся более 50 лет. Вот задачи, которые поставил перед собой Владимир Даль:

«Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стройность, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи».

И ещё:

«Общие определения слов и самих предметов и понятий — дело почти не исполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудрёнее, чем предмет проще, обиходнее. Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры ещё более поясняют дело».

«Толковый словарь» опубликован в 1860-1866 годах. В нём – около 200 000 слов. В.И. Даль был награждён Ломоносовской премией Академии наук и в 1863 удостоен звания почётного академика.

«Правдивый Даль» – так называли его современники – писал о себе:

«Я полезу на нож за правду, за отечество, за русское слово, язык!»

Осенью 1871 года с Владимиром Ивановичем случился первый лёгкий удар, после чего он пригласил православного священника для приобщения к Русской Православной Церкви и дарования Таинства Святого Причащения по православному обряду. Таким образом, незадолго до кончины Даль перешёл из лютеранства в Православие.

22 сентября (4 октября) 1872 года Владимир Иванович Даль скончался и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Говорят, что перед смертью он сказал дочери:

«Запиши, пожалуйста, словечко...».

Может быть, это легенда. Но в ней весь Даль – неутомимый собиратель русского слова.

О Дале помнят. Его «Толковый словарь» хорошо знают в нашей стране и за рубежом.

Словарь берут в руки не только для того, чтобы найти и объяснить нужное слово. Его открывают как величайшую сокровищницу языка нашего. Как богатейшее собрание пословиц – хранилище народной мудрости. Его читают как повесть. Его изучают как своеобразную энциклопедию жизни русского языка.

1994

«Тайновидец будущего»

По значимости для России, для судеб человечества Спасо-Елеазаровский монастырь занимает особое место в мировой истории.

Пять столетий назад (около 1510 года) его игумен старец Филофей в период отнюдь не мирного сосуществования двух средневековых христианских цивилизаций – Восточной и Западной – написал послание великому князю Василию III, в котором развил уже высказанную им ранее в письмах к царскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину пророческую идею о том, что «Москва – это Третий Рим».

Биографические сведения о старце Филофее крайне скудны. На основании имеющихся данных можно лишь утверждать, что родился он около времени взятия Константинополя, то есть в середине XV века, жил в княжение Василия Ивановича и в начале царствования Ивана

IV. Можно также предполагать, что умер старец Филофей вскоре после 1547 года.

Около 1448 года в ещё только строящуюся среди псковских лесов пустыньку была принесена из Константинополя Цареградская икона Божией Матери. По преданию в Константинополь, этот образ был в свою очередь доставлен из Рима в 1051 году – накануне раскола единой Церкви и отпадения латинян от Православия.

В 1439 году в Италии на Флорентийском соборе была подписана церковная уния, которая переводила Православную Церковь под власть Папы Римского. Византия пошла на это соглашение, надеясь на военную помощь Европы в борьбе с турками-османами.

В преддверии гибели Второго Рима основатель Псковского монастыря – преподобный Евфросин, в миру – Елеазар, пешком ходил в Константинополь. Там монаха принял Константинопольский патриарх Геннадий II, который благословил пустынножительную обитель Цареградской иконой Божией Матери.

В 1453 году Константинополь – Второй Рим – пал под ударами завоевателей. Русь не признала Флорентийскую унию и крушение Византийской империи сочла небесной карой за предательство Православия. Третьим Римом, призванным сохранить Соборную и Апостольскую Церковь и явить всему миру свет Православия, стала Москва, на протяжении

веков собиравшая вокруг себя русские земли, созидающая могучее Российское государство.

На рубеже XV-XVI веков в недрах национального самосознания, родилась идея, что великому государству суждено великое предназначение.

В то время как Псково-Печерская обитель выступала за сохранение псковской независимости, в пустыньке преподобного Евфросина объединились учёные мужи, ратовавшие за собиравание русских земель вокруг Москвы.

Один из учеников преподобного Евфросина – игумен Филофей, выразитель этой идеи, в своих сочинениях заявил о решительной поддержке великого князя Василия III как «брододержателя святых Божиих престол». Суть послания старца великому князю, в котором он писал «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бытии», сводилась к тому, что Московская Русь является исторической преемницей павших Римской и Византийской империй и единственным оплотом Вселенского Православия.

Вселенской миссией Руси стало сохранение Православной Церкви. А высшей целью Третьего Рима был Небесный Иерусалим – грядущее Царствие Небесное, которого невозможно достичь вне Церкви. Государство осмыслялось как оплот Православной Церкви, как христианская держава, защищающая своей властью и силой Православие. Церковь же была не толь-

ко целью, но и основой, залогом исторического существования России.

Величественная теория исторического призвания Руси была закреплена на законодательном уровне – в решениях Стоглавого Собора. Слова старца Филофея через сто с лишним лет были почти дословно повторены в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора 1589 года, утверждавшей патриаршество на Руси и подписанной Константинопольским патриархом Иеремией.

В 1918 году гибнет Царская семья, происходит отступление от веры. И в том же году закрывается Спасо-Елеазаровская обитель, монахи вывозятся на подводах в сторону Петрограда и там принимают мученическую смерть.

К началу 1990-х годов от двух десятков строений монастыря остались только соборный храм и двухэтажный братский корпус, которые были в аварийном состоянии. Обрушилась колокольня. По стенам собора поползли трещины – здание опасно накренилось. Над обителью нависла угроза полного разрушения.

В 2000 году накануне вступления в должность президентом России было подписано распоряжение о передаче Спасо-Елеазаровского монастыря Русской Православной Церкви. И вот обитель возрождается из руин. Ныне там находится женский монастырь. Восстановлены главный собор с замечательным иконостасом,

монашеский корпус, колокольня, возведена монастырская ограда.

Восстановление обители началось под руководством энергичной, высокообразованной настоятельницы – монахини, потом игумении Елисаветы (Беляевой, 1956 – 2010), воспитанницы старцев Троице-Сергиевой Лавры и старца Дивеевской обители.

По словам игумении, благословил её на возрождение этой великой обители старец Николай Гурьянов с острова Залит, который сберёг главную святыню Третьего Рима – Цареградскую икону Божией Матери.

– Будет возрождаться обитель – будет возрождаться Россия, – напутствовал он матушку игумению.

Мать Елизавета стала душою не только материального восстановления обители, но и возрождения её духовного значения, положив начало серии международных конференций «Москва – Третий Рим». Такие конференции проводились в 2006 году в Спасо-Елеазаровском монастыре, Сарове и Серафимо-Дивеевском монастыре. В 2008 и 2009 годах в рамках Международных Рождественских чтений были организованы круглые столы «Москва – Третий Рим: единство народа, духовной и светской власти на пути возрождения идеалов Святой Руси» и «Москва – Третий Рим: роль Патриаршества в истории России».

– Концепция «Москва – Третий Рим» – пространство без границ», – утверждает серб-

ская писательница Радмила Войнович... — Мы, сербы, тоже живём в Третьем Риме. Сербия — это Южная Россия. И наши враги это знают. Поэтому они говорят: «Сербия — русский вирус, его нужно уничтожить». А охраняют нас, сербов, святые, которые стали нашими святыми, — святой благоверный князь Александр Невский, батюшка Серафим Саровский, святые Царственные Мученики... В честь них освящены построенные в Сербии храмы.

Неизвестно, был ли старец Филофей прославлен как местночтимый святой. Но, по мнениям авторитетного исследователя его наследия — Н.В.Синицыной и известного московского пастыря — протоиерея Александра Салтыкова, Филофея Псковского, подобно Серафиму Саровскому, можно причислить к пророческому чину Русской Церкви, ибо он — «тайновидец будущего, и подобно ветхозаветным пророкам, обращался к царям со строгими предупреждениями о сохранении истинной веры».

Пророческое служение старца Филофея, как замечает отец Александр Салтыков, «является исключительным во всей истории Церкви, и потому несомненно, что старец Филофей является великим святым Русской Церкви, но святость его открывается лишь ныне, во исполнении пророчеств».

— Старец Филофей приоткрыл тайну миру, и мир, не вместивший той тайны, обратил познание её себе на погибель, — считала матушка

Елисавета. — Крушение до сих пор продолжается, а после крушения мы имеем обломки, остатки, в которых до сей поры никак не можем разобраться...

2010

«Долго будет Карелия сниться...»

Карельские были

Посвящаю писательнице *Светлане Замлековой*,
детство которой прошло на берегу
Карского моря, в посёлке Амдерма

*...Так редко поют красиво
В нашей земной глуши.*

(Александр Вертинский
«Матросы»)

*М*ы сидим на каменистом берегу
реки близ небольшого карельского
посёлка Поньгома. В ожидании, когда приве-
зут на моторке вещи, делимся первыми впе-
чатлениями. Ранним утром наша студенческая
фольклорная экспедиция прибыла из городка
Кемь на станцию Кузёма. Отсюда до пункта на-

значения — посёлка на берегу Белого моря — нам пришлось идти пешком около десяти километров.

Шли мы через лес, по широкой просеке. Сосны, ели и берёзы нередко стояли плотной стеной по обеим сторонам дороги. Мы часто останавливались, очарованные этим зелёным царством, над которым был размётан голубой атлас неба, безоблачного и низковатого, с большим неярким солнцем, затерявшимся среди верхушек деревьев.

Расступается лес. Перед нами — поляны, залитые солнцем. Колокольчики, васильки мелькают в высокой траве. Но вот слева, внизу под обрывом, открывается широкая полоса воды. Это — Белое море. Оно сияет огромным куском слюды, спокойное и величественное.

Приливы и отливы — вечная игра природы. В Белом море в часы отлива обсыхает узкая, шириной в десятки или сотни метров полоса побережья. Она называется литоралью. Но вот на берег, пенясь, накатываются волны. Прилив возвращает морю его границы.

Ну, конечно же, Белое море помнит старые поморские песни. Знает их. В реве моря слышатся голоса давно ушедших поколений. Надо только прислушаться.

Через несколько дней после нашего приезда в Поньгому, мы познакомились с Серафимой Васильевной Дмитриевой.

— Хотите я вам сказку расскажу? — спросила она просто. И, не дожидаясь ответа, начала:

— Жил царь и был у него сын единственный. И вот заколдовало его чудовище. Построил для него царь красивый дворец и поселил там одного...

Это была сказка об аленьком цветочке. Но только не та, которая известна каждому из нас с детства, а один из её вариантов, бытующий в народной среде.

— Наши предки — выходцы из Новгорода, — говорила нам с достоинством — уже потом, когда сказка кончилась, — Серафима Васильевна. — Это и Фёкла Донатовна Кутчева подтвердит. Ну, Феклуша, — ласково подбодрила она свою соседку и подругу, с кем коротала годы одинокой старости. Сил, видимо, оставалось ещё с избытком. Так отчего же с редкими гостями душу не отвести?!

До поры — до времени тактично не вмешиваясь в разговор, та, к кому обращались, молчала. Лишь изредка Фёкла Донатовна поправляла концы аккуратно повязанного платка.

— Актриса, настоящая Актриса! — подумал я. — Вот сейчас, словно перед выходом на сцену, немного волнуется.

Женщины запели широко известную русскую песню — «Лучинушку», простодушно, должно быть полагая, что мы её не знаем. Нас это, впрочем нисколько не разочаровало. В песне жила неистребимая душа народная. При её исполнении голоса женщин от волнения и переживания чуть-чуть дрожали.

Мне невольно вспомнились слова Константина Паустовского о старой сказительнице из Заонежья, «чи песни рождались из северной ночи и северной женской тоски».

На пятом курсе я защищу по творчеству любимого писателя дипломную работу: «Наблюдения над образными средствами языка в пейзажах К. Паустовского», к которой будет приложен небольшой словарь его поэтического языка из метафор и сравнений.

А теперь я будто бы воочию вижу героинь Паустовского.

Когда песня закончилась, наступило долгое молчание.

— Милостью божьей Актриса, эта Феклуша! И Сима — также превосходна! — восхищённый, невольно называю их мысленно также, как они окрестили себя сами в повседневном житье-бытье.

Много песен исполнили нам в этот вечер сказительницы. Песни эти были то весёлые, то грустные. А задушевная русская песня «Лучинушка», с которой я вновь встретился через годы в Сибири, где работал директором Дома

культуры одного из районов Новосибирской области, стала тогда и нашей любимой песней.

Чад этими широтами стояли в ту пору мимолётные белые ночи. Звёзд не было. Где-то на востоке низко висела бледная луна, никому не нужная и забытая: и без неё было светло. Мы потеряли всякое представление о времени.

Засыпал посёлок. Но мы ещё долго бродили по нему, дыша этим волнующе свежим воздухом, в котором смешались непривычные для нас, бодрящие запахи можжевельника, сосен, моря.

Иногда мы ходили на порожистый плёс, который был недалеко от посёлка, разжигали небольшой костёр, чтобы спастись от назойливого комарья, и удили рыбу.

В отдельных местах каменистые берега сходились так близко, что по огромным валунам, которые гордо торчали из воды, воображая себя, наверное, островами, можно было перебраться на другую сторону.

Лес подходил прямо к реке. Порой деревья склонялись над водой низко-низко, словно желали напиться. А в самой воде у берегов росла осока и застенчивые жёлтые кувшинки. Водная гладь была спокойна и слегка серебрилась. Как в зеркале, отражалось в воде небо с его непоту-

хающей зарей и настороженно дремлющий лес.

Собравшись у костра, мы пели все дружно полюбившуюся песню об этом крае, поразившем с первого дня своей неповторимой красотой:

*Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечные елей ресницы
Над голубыми глазами озёр...*

По утрам солнце обливало тихим светом бревенчатые сероватые избы, узкие дощатые тротуары и ласково улыбалось бронзовому колоколу, отлитому в незапамятные времена в Ярославле. Этот колокол с надписями на старославянском висел возле покосившейся избы на краю посёлка, где за огородами начинался лес. «Старичок» должен был предупреждать поньгомцев о пожарах. Но их, к счастью, давно не было и он бездействовал. Впрочем, ошибаюсь, служил, преданно служил! В этом качестве — своеобразной часовенки — колокол, хранивший память о своей порушенной церквушке, был даже важнее для многих поньгомских старушек. Не за скорб они свой скромный переживали, а за души. Время было безбожное. Всякий раз, когда местные жительницы проходили мимо колокола (за мужчинами наблюдать не довелось — большинство их разъехалось летом на заработки), они обязательно останавливались. Для порядка обернувшись, старушки и женщи-

ны средних лет степенно крестились и шептали молитву. Соблюдать обычай учили и детей, внуков, если те шли с ними. Когда мы оказывались поблизости, нас не стеснялись: привыкли, как к своим. Те, кто молился, верили: леший в лесу не обидит — это раз, много ягод-грибов соберут — это два и, наконец, почитай, целую неделю лад будет — и дома во всех делах, и с соседями не поссорятся.

Северный рассвет заглядывал в каждое окошко посёлка. И деликатно проникал сквозь заколоченные ставни.

— Неужели никто больше не откроет ставни и в этом доме, и в этом?! — грустил рассвет. — Что-то всё больше становится домов, где некому радоваться солнцу...

В одном доме посёлка ставни хоть открывали, но редко. Сначала рассвет недоумевал:

— Может быть, хозяйева подались на заработки или живут теперь в каком-нибудь городе, а здесь бывают наездами?!

По своей натуре рассвет был очень любопытным. Несмотря на хорошее воспитание, ему очень хотелось разгадать тайну. Он стал задерживаться возле этого дома подольше.

— Нет, здесь явно кто-то живёт, — понял, наконец, через год рассвет: иногда ему удавалось услышать чьи-то шаги, иногда — голос или

покашливание, зимой из трубы шёл дым. — Но кто живёт в доме? Человек? Домовой?

Года через три-четыре, в то лето, когда приехали мы, рассвет увидел однажды на пороге дома хозяйку.

— Да это же одна из старейших жительниц посёлка, — узнал её вестник солнца. — Господи, а я думал померла...

Хозяйка дома протягивала обе руки к солнцу. Словно ощупывая ими окружающий мир, она, как будто не доверяла больше своим глазам.

— Ты слепа? — робко спросил рассвет, но старушка не услышала его шёпота.

— Ты слепа! — утвердился он в своей догадке, когда старожилка этих мест, взяв в руки палку, стала неуверенно спускаться по ступенькам. Рассвету стало нестерпимо жаль её. И он опять больше положенного задержался возле дома, мучительно размышляя, чем помочь несчастью.

Однажды рассвет привёл к её дому нас. Мы уже знали, что здесь живёт одна из самых уважаемых сказительниц посёлка Павла Васильевна Миккова.

Нередко местные старухи говорили нам:

— Стары мы, ничего не помним... Да и какие у нас сказки да песни здесь?! Вы бы в Кандалакшу съездили... Ну, если только к Микковой обратиться... Она много знает... А мы вам уже всё спели...

К сожалению, время не сохранило ни магнитофонной записи, ни дневника экс-

педиции. Я помню и сегодня то радостное, праздничное настроение, которое было у всех нас после встречи с Микковой. Но, пожалуй, самым изумительным из услышанного были сказки. Да и рассказывала их старая Павла умеючи, в какой-то присущей ей одной манере.

— Сколько солнца в её душе! — не раз потом восхищался я, вспоминая нашу единственную, к сожалению, встречу. — Нет, мир не безлик для неё. Наоборот, благодаря ей, незрячей, мы стали смотреть на многое, что нас окружает, другим, более пытливым взглядом.

Мы покидали Поньгому на рассвете, прожив в этом посёлке десять дней. Новый день был солнечным и безветренным. На пристани уже кипела работа.

— Пора, — крикнул нам с моторки рыжеволосый парень.

И вот наша лодка медленно отвалила от берега. Через некоторое время посёлок исчез из виду. Мы плыли вдоль лесистых берегов и испытывали в этот момент чувство грусти: не хотелось расставаться нам с этим краем, полным легенд и прекрасных песен. Не хотелось расставаться с людьми, которые помогли соприкоснуться с настоящим творчеством. И в то же время мы ощущали радость от встречи с ними и

от того, что увозили с собою частицу волшебной поэзии этого края.

...Мне не довелось больше побывать в светлом крае, где время отсчитывается иначе. Я понимаю, что жизнь нельзя повернуть назад, нужно сохранить память. Но меня всё больше и больше мучают вопросы: как вписать народную поэзию в контекст дня сегодняшнего? Как сберечь этот живительный родник для потомков? Не дай Бог лишиться самого главного — осознания своей связи с историческими корнями, а они всё подрубаются и подрубаются! Неужели то, что однажды в жизни стало так дорого, погибнет, будет являться лишь в наших снах и потом, когда уйдём в мир иной мы, станет легендами?! Когда же, наконец, будет нарушена самая грустная русская традиция: что имеем — не храним?!..

1973, 2009

Города на песке

Край березовой рощи объят пожаром. Белые лики берез стали темными. И вспомнились старые иконы, виденные мной во время давней поездки в Карелию.

Святые на этих иконах, писанных век, а то и два-три назад на потрескавшихся ныне досках – сестрах берёз, были слабо различимы. Но пока живы в отдалённых сёлах Русского Севера последние хранители очагов и дедовских святынь, перед которыми они изо дня в день благоговейно молились всю свою долгую жизнь, едва-едва теплился перед иконами, как невесёлое стариковское житьё-бытьё, огонек в лампадах. И казалось, что и впрямь, даже при этом неярком свете, видишь нимб над ликами святых.

Здесь же, в березовой роще, объятай пожаром, возле лика каждой Берёзы-Богоматери я отчетливо видел огненный нимб.

– Неужели, – тревожилось сердце, – мир наш не будет больше спасать и вот эта, гибнущая, как казалось, безвозвратно, пленительная красота одного из тихих уголков России, красота, которую самое мог в короткий миг погубить пожар?!

Дыма, от которого всегда спазм в горле, резкая боль в глазах, правда, почему-то нет.

– Что за таинственный пожар? – думаю я, и иду по главной аллее нашего дома отдыха, чтобы понять природу столь странного явления.

Тем временем у меня на глазах продолжало свершаться чудо: пожар, пощадив рощу, перебрósился на пшеничное поле. За краем этого поля садилось уставшее за день солнце. Садилось, по-стариковски охая и вздыхая, перед тем, как дать себе короткий отдых на ночь, улегшись на боковую.

Вот уже и стемнело. А я всё стою и стою возле кромки поля. Оно словно расшито-украшено васильками, похоже на обтрепанные скатёрки в карельских избах с незамысловатыми узорами, прекрасными душевной чистотой их творцов.

*М*инут десять неторопливой ходьбы, и я оказываюсь перед главным корпусом нашего дома отдыха. Вечерняя прогулка окончена. Теперь нужно найти сына, который не захотел пойти со мной. Скорее всего, опять

«прилип» к игровым автоматам. И точно: он у своего любимого автомата «Морской бой». Сын нехотя идёт за мной.

Отдыхающих не видно нигде. Должно быть, ушли в соседний дом отдыха на французский фильм. Только в холле на нашем этаже группа болельщиков смотрит футбол.

Так прошёл наш первый вечер.

И вот мы с шестилетним сыном Алёшей уже вторую неделю здесь, в этом доме отдыха на Оке.

Каждый день мы ходим купаться. По воде уже плывут жёлтые березовые листья. В районе нашего пляжа мелко, взрослому здесь по колено. Чтобы почувствовать быстрое течение Оки, нужно идти чуть ли не до середины реки. Когдаходишь в воду, она пощипывает тело. Но привыкаешь и потом после каждого купания чувствуешь себя бодрее.

Алёша, поплескавшись в воде возле самого берега, занимается изо дня в день одним и тем же полюбившимся ему сразу же делом. Он строит на песке города.

Потом мы лежим с ним рядышком на тёплом белом речном песке. А над нами, над величавой Окой, церквушкой на правом берегу, бескрайними приокскими далями в высоком безоблачном небе летят первые птичьи стаи.

Во время наших прогулок по берегу, мы то и дело встречаем в кустах, на песчаных отмелях, роднички с очень вкусной холодной водой, питающих в меру своих малых сил Оку.

Вверх по реке плывет «Заря». Скоро теплоход подойдёт к пристани Тарусы – небольшого старинного городка, где полтора десятка лет жил и похоронен замечательный русский писатель Константин Паустовский, одаривший нас, своих многочисленных читателей, удивительными поэтическими повестями и рассказами.

В библиотеке дома отдыха я взял сильно потрёпанный сборник его произведений о природе и людях средней полосы России, замечательной поре года – осени и в который раз уже стал перечитывать их.

Пейзаж Паустовский всегда рисует с предельной точностью. Открываю наугад книгу:

«...Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское. Там было пустынно и тихо. В вышине шли облака. Под ними, по зелёным холмам, по озёрам, по дорожке столетнего парка, проходили тени. Только гудение пчёл нарушало безмолвие.

Пчёлы собирали мёд в высокой липовой аллее, где Пушкин встретился с Анной Керн.

Липы уже отцвели. На скамейке под липами часто сидела с книгой в руках маленькая весёлая старушка. Старинная бирюзовая брошь была приколота к вороту её блузки. Старушка читала «Города и годы» Федина. Это была внучка Анны Керн – Аглая Пыжевская, бывшая провинциальная драматическая актриса...».

«Ай да Пушкин!» – восхищаемся мы по тому или иному поводу. Поводов много. И один из них – гениальные ученики великого русского поэта. Несть им числа.

«Ай да Цветаева!» – восклицаем, прочитав (или вспомнив) такие строки:

*Перья на востроты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!*

Дом, где жила семья Цветаевых, очень любивших Тарусу, к сожалению, не сохранился. Но дух Марины Цветаевой и её близких в этих местах жив!

Вот такой поток мыслей вызвали «Михайловские рощи» Паустовского.

«Ай да Паустовский» – восторгаюсь я теперь этим гениальным учеником Пушкина, который сам оставил после себя талантливых учеников. Как известно, Константин Георгиевич учил молодых писателей на семинарах в Литературном институте, что отдельное слово – художественное произведение. Сам он по-

разительно точно находил всегда простые, ароматные и невычурные слова, чтобы рассказать об интересном случае. Поэтому и книжка Паустовского, которую теперь держу в руках, так потрёпана. И – слава Богу! Читают... А это для каждого писателя – настоящее счастье.

Ча пляже прямо среди песка бьёт небольшой родничок. Я прокапываю от него несколько русел-канальцев к Оке. Получается модель реки.

– Неужели и Волга рождается из родничка?

– Из родничка.

Сына игра увлекает. С берегов Оки мы проделываем мысленно многокилометровое путешествие по воде и оказываемся на побережье Каспия.

Был у нас с Алёшей и наглядный урок археологии. Сын заметил, что некоторые наши русла-канальца пересохли. Города из песка на их берегах остались без воды.

– Как же будут жить здесь теперь люди?

– Переселятся в другие места.

– А города?

– Погибнут, перестанут существовать.

– И их будут раскапывать археологи?

– Будут.

– Нет, я так не хочу.

Он задумывается и соображает, как помочь городам и людям, которые в них живут.

– Нужно прорыть канал, – наконец, выкладывает он спасительное решение.

Какой-то мальчик разрушил один из песчаных городов Алёши. И сын бежит за ним вдогонку, чтобы наказать обидчика.

Я окликаю Алешу. Он останавливается нехотя, оборачивается и недоумённо смотрит: зачем я его зову. Я делаю вид, что не замечаю обиженного взгляда сына. И он опять строит свои города на песке.

Невольно ловлю себя на мысли – Алёша играет в историю человечества: кто-то разрушил его город, а сын возводит вновь.

Искупавшись в реке, снова загораю рядом с ним на песке.

К своей игре Алёша относится очень серьёзно. Иногда, чтобы выкопать «котлован» для фундамента нового дома, он обращается за помощью ко мне. Попутно со строительством мы производим с ним и «археологические» раскопки. Их результаты разочаровывают нас обоих: никаких интересных находок – всё те же раковины и водоросли, которыми усеян весь берег.

Постепенно ямка заполняется водой. И если мы не успеваем уложить камни фундамента, стенки плывут и обваливаются.

На другой день и на третий наших городов на песке как не бывало: их смывает река. Но Алёша вновь и вновь принимается за работу.

Члороду на пляже стало меньше: скоро ужин. Собираемся и мы с Алёшей.

Возвращаемся коротким путём. Сначала идём по висячему мосту, а потом по территории соседней базы отдыха.

Висячий мост – сооружение довольно необычное. Через большой овраг протянуты четыре стальных троса. На них и крепятся все деревянные конструкции.

Мы вступаем на мост, и он качается под нами, словно палуба корабля.

Алёша бежит на середину, на свой капитанский мостик. Отсюда хорошо видно всю реку – и вправо, и влево – до самого горизонта.

Потом Алёша смотрит вниз, в овраг. Солнце тоже заглядывает сюда. Его лучи попадают на опавшие листья – жёлтые и красные, – и нам кажется, что они весело вспыхивают, как огоньки в порту.

Водин из первых дней мы возвращались с пляжа через лес и заблудились – вышли не к дому отдыха, а к старинной дворянской усадьбе. От неё сохранились кирпичная арка ворот, часть стены и липовая аллея, ведущая к дому. В конце аллеи виднелось современное здание.

Никакой вывески не было. Мы зашли во двор, чтобы спросить у кого-нибудь дорогу.

Возле могучего дуба, который рос перед домом, я заметил одинокую фигуру. Издали мне показалось, что это девочка. Но как странно, повзрослому, она была одета!

«Девочка» играла с большим рыжим котом. Я стал читать Алёше стихи Пушкина: «У Лукоморья дуб зелёный...»

Когда подошли ближе, я окликнул «девочку». Она обернулась. Это была маленькая сухонькая старушка с морщинистым, как печёное яблоко, лицом. Безмятежно, по-детски, она улыбалась нам своим беззубым ртом и молчала.

Я спросил дорогу.

– Не знаю, милые, не знаю, – тихо выдохнула она и опять принялась за игру.

Пошли к дому. На полдороге я обернулся и поймал пристальный взгляд старушки, ставший теперь серьёзным и печальным.

Навстречу нам вышел мужчина средних лет в белом халате.

– Нет, это – не санаторий, – ответил он на мой вопрос, – а дом престарелых. Вон видите, одна наша пациентка возле дуба.

Освящённый лучами заходящего солнца, дуб предстал нам отсюда во всём своём величии.

Я поинтересовался, чья здесь была усадьба. Фамилии владельцев мужчина не помнил.

– Как бы своей не забыть: склеротики кругом.

Невесело усмехнулся.

– Вот моя фамилия самая распространённая – Иванов.

Вместе пошли к воротам.

– А этот дуб, – продолжал он, – наша реликвия: по преданию его сам Пётр I посадил.

Халат Иванов снял на ходу и спрятал в дипломат.

– Дойдём до села, – продолжал он. – Вам там рукой подать. Мне же в город – домой надо. Автобус наш как назло сломался. Буду попутку на шоссе ловить. А то бы подвёз.

Когда мы проходили мимо дуба, я опять взглянул на старушку. И она так же, как и в первый раз, улыбнулась нам.

Потом я не мог забыть лицо старушки несколько дней. Вот также дожил свой век в одном из подобных заведений Москвы дядя отца Василий Андреевич. Семьи у него никогда не было. Жил и жил себе в своей Малаховке. Но пришли старость, болезни.

Никто из всей московской родни старика не хотел или не мог согласиться на дополнительные хлопоты – перевезти к себе больного человека и ухаживать за ним: работа, маленькие квартиры, нужно менять, наконец, весь уклад жизни. Да и характер у Василия Андреевича был своевольный, вспыльчивый.

Искать сиделку тоже не решались. Так и ездили навещать по очереди в течение двух-трёх лет.

Потом возле Василия Андреевича остались только двое – брат отца Леонид Дмитриевич и муж их покойной сестры Анатолий Александрович. Они то и решили, к общему облегчению, судьбу своего престарелого родственника – определили в дом ветеранов войн. Со слезами на глазах просил Василий Андреевич ухаживать за садом, которому отдал много лет жизни.

В доме ветеранов бывший полковник прожил десять лет. К 90 годам, он совсем ослеп, почти не ходил, лишь изредка вставая с кровати. Но по-прежнему сохранял прекрасную память.

Постоянно его навещал только Леонид Дмитриевич. Анатолий Александрович серьёзно занялся садоводством и огородничеством в Малаховке.

С Василием Андреевичем я познакомился ещё в детстве, когда приезжал к нему с отцом. Помню, меня очень поразил большой деревянный дом. В нём было много старинной мебели, часов, фотографий, картин и превосходная библиотека. Когда я вошёл в эту домашнюю библиотеку, у меня загорелись глаза: каких только книг здесь не было. Выбрал одну из них и углубился в чтение.

В библиотеке я нашёл и большое количество различных географических атласов и карт. В моём сознании никак не укладывалось, что

страстный садовод Василий Андреевич (после войны по инвалидности он не работал) так горячо любит географию.

Несколько лет спустя, когда я впервые познакомился с книгами Константина Паустовского и обнаружил у писателя поразительную страсть к путешествиям, изучению географических карт, мне вспомнился тот наш приезд к Василию Андреевичу, и я стал расспрашивать отца о нём.

Папа охотно рассказывал о дяде (он пережил его, несмотря на невесёлые последние годы жизни). В молодости Василий Андреевич был топографом. В 1920-е – 1930-е годы он проехал на машинах, ишаках, прошагал пешком чуть не через всю Среднюю Азию вдоль южной границы СССР. Так появились многие из тех карт, что я видел в его библиотеке.

По первой встрече я помнил Василия Андреевича плохо: попав в библиотеку, я так и не выбрался из неё до самого отъезда. Взрослые же долго ходили и осматривали сад, а потом сидели возле дома, пили чай с тортом и беседовали. Поэтому облик Василия Андреевича как очень интересного, увлеченного своим делом человека у меня возник из рассказов отца.

Во время учебы в МГУ я время от времени навещал Василия Андреевича. Мы подружились. Я охотно помогал ему по саду. Потом за чаем были его обстоятельные рассказы о цветах или воспоминания о среднеазиатском периоде

жизни. Несколько карт Василий Андреевич подарил мне. И теперь это лучшая память о нём.

Иногда я привозил в Малаховку письма с приветом от деда, брата Василия Андреевича. Сам дед уже несколько лет не только никуда не выезжал, но и не вставал – был прикован параличом к постели. Братья не были похожи, но когда я первый раз пришел навестить Василия Андреевича в доме ветеранов, – он тогда ещё только переехал из Малаховки сюда и теперь привыкал к новой обстановке, – то увидел перед собой родного деда, к тому времени уже покойного. Василий Андреевич улыбался незрячими глазами и протягивал ко мне руки. Они теперь заменяли ему зрение.

В буднях домов отдыха мало каких-то значительных событий. И поэтому, когда однажды во время завтрака объявили, что сегодня мы едем в Тарусу, это известие всколыхнуло всех. Культорганизатору не пришлось долго агитировать. Через полчаса все мы уже сидели в автобусе.

Я давно хотел побывать в Тарусе. Она была хорошо видна с нашего пляжа. Меня привлекал этот старинный городок, где в разное время жили и работали писатели и художники, чьи имена являются гордостью отечественной культуры.

Но идти туда берегом вместе с Алёшей было невысказано: далеко — мальчик устанет. А рейсовые автобусы в село, рядом с которым в большой березовой роще был построен наш дом отдыха, не заходили. Оно находилось в стороне от шоссе, связывающего Тарусу с железнодорожной станцией.

...Мы миновали село. С шоссе, за большим пшеничным полем, я вновь увидел дом престарелых, во дворе которого рос дуб Петра.

После короткого рассказа культорганизатора о Тарусе и беглого знакомства с ней многие отдыхающие разбрелись по магазинам. Несколько людей почтенного возраста и мы с Алёшей пошли в местную картинную галерею, разместившуюся в перестроенном здании церкви.

ВТарусе жил старик, которого все считали чудаком. Он работал агрономом, и, выйдя на пенсию, с большим энтузиазмом, занялся озеленением улиц и пустырей.

Жители настолько привыкли видеть старого агронома постоянно что-нибудь сажающего, что относились к его делу, как к обыденному, само собой разумеющемуся, хотя никто даже не просил пенсионера об этом.

Но однажды он куда-то исчез. Это было замечено не сразу. Старик не появлялся на улицах

городка уже несколько дней, когда кто-то решился заглянуть к нему домой.

В этом году была очень сырая холодная осень. И старик, сильно простудившись, слёг. Никого возле больного не было. Вызвали врача. Женщины-соседки стали ухаживать за садовым. Большой дом – приют одинокой старости, где почему-то никто из жителей городка никогда прежде не бывал, – ожил. Почти ежедневно в нём стали появляться люди, которые признавались старому агроному в своей поздней любви и глубоком уважении.

И тут случилось чудо. Тронутый вниманием и заботой, агроном подарил родному городу коллекцию картин русских и западноевропейских художников XIX – начала XX веков, о существовании которой никто не подозревал. Об этом событии не замедлили сообщить сначала районная, а потом и областная, и московские газеты. Так в Тарусе появилась своя картинная галерея.

Агронома, оказавшегося не только страстным садоводом, но и большим знатоком живописи и истории родного края, уже нет в живых, а добрая память о нём живет.

После посещения галереи мы такой же маленькой, дружной группой отправились на могилу Константина Паустовско-

го, завещавшего похоронить его не в Москве, а здесь.

Поднялись на высокий холм. Отсюда писатель любил смотреть на Оку. Теперь в мелколестье он обрёл свой вечный покой. Долго стояли в раздумье у простой могилы Константина Георгиевича. Кажется, только здесь я понял до конца, кем был для нас этот скромный человек, неутомимый труженик, вдохновенный художник.

На речном берегу я подобрал камень коричневого цвета. Он напоминает чем-то тот, что лежит на его могиле. На этом камне-памятнике лишь даты жизни и имя, занимающее видное место в литературе. В моей коллекции есть камни из разных мест, где побывал за свою долгую жизнь Константин Паустовский – из Карелии и Прибалтики, Крыма и Закавказья, Западной Туркмении... Они всегда на стеллаже рядом с его книгами. Эти камни могли бы многое рассказать о поисках писателем – классиком XX века новых сюжетов и героев для своих произведений. Но они молчат.

Чакануне отъезда из дома отдыха мы пошли с Алёшей прощаться с окрестностями. Короткая пора «бабьего лета» давно миновала. Последнюю неделю уже никто не купался: резко похолодало, задули сильные ветры, стали моросить дожди. Всё

чаще тишина здешних мест нарушается криками перелётных птиц.

Скоро поредеют леса. Ока вспухнет от затяжных дождей и вода в ней потемнеет. Станет совсем тоскливо. Разъедутся последние дачники.

Мы долго бродили по берегу Оки и радовались как старым знакомым теплоходам, плывущим вверх и вниз по течению. Заглянули на лодочную станцию, откуда столько раз переправлялись на другой берег – в лес за грибами, побывали на обезлюдевшем песчаном пляже, прошли по нашему висячему мосту. Отсюда, с капитанского мостика Алёши, мы дружно крикнули:

– До свиданья, Ока! Мы ещё вернемся сюда, Ока!

Ветер подхватил наши слова и понёс над рекой куда-то далеко-далеко. А потом они, может быть, превратились в перелётных птиц, что отправляются из года в год на юг, их стая пронеслась над бассейнами рек Оки и Волги, отдыхала где-то на Каспии, а возможно, и осталась там на зимовку.

– Э-гэ-гэ-гэй!

Вот и вся история о городах на песке, которые, как и всамделишные, по словам Алёши, ни за что не должны погибнуть.

И если мы будем бережно относиться ко всему, что нас окружает, то, конечно же, спасём десятки малых рек России. На их берегах стоят

города, посёлки. И дети, как, наверное, и во всём мире, строят на песке свои города – города будущего, где жить будет хорошо всем...

Но это уже другие истории. Наша же с Алёшей заканчивается ранним осенним утром.

1985-2005

Любили ли мы еЁ?

Судьба «Ё», седьмой буквы русского алфавита после реформы орфографии 1918 года, напоминает судьбу Золушки.

История буквы «Ё» связана с именем княгини Екатерины Дашковой, президента Российской Академии наук. Во время обсуждения проекта «Славянского русского словаря» на одном из первых заседаний Российской Академии – 18 ноября 1783 года – Екатерина Дашкова поинтересовалась, правильно ли изображать один звук двумя буквами. Она привела в качестве примера слово «іолка» /«ёлка»/ и предложила узаконить на письме звук, который под иностранным влиянием уже вошёл в русское произношение.

Вскоре было принято решение ввести новую букву русского алфавита – «Ё». Эта буква должна была отразить фонетический переход «Е» в «О» под ударением после мягких соглас-

ных перед твёрдыми. Однако для «младшенькой» в русском алфавите не стали изобретать нового знака, воспользовавшись имеющейся буквой «Е» и поставив над ней две точки – умляют. Возможно, именно в этом и заключается секрет редкого использования буквы: не ставишь точки – экономишь время. Единственная буква с умляутом в нашем языке пострадала именно из-за своей исключительности: немцы, скандинавы, западные славяне, турки и другие не забывают различать многочисленные буквы с умляутами и без них.

Среди тех, кто впервые употребил в литературном языке букву «Ё» для «объективной необходимости наиболее полного отражения на бумаге благозвучия родной речи», были великие деятели русской культуры – Гавриил Державин и Николай Карамзин. Между прочим, на родине автора многотомной «Истории Государства Российского» – в Ульяновске-Симбирске – земляки даже установили памятник в память о том, что в нашем алфавите есть такая буква, которой некоторые пренебрегают.

Ни в XVIII, ни в XIX веке единых орфографических правил не существовало. Многие учёные не поддерживали употребление буквы «Ё» на письме. В печати царил произвол издателей и наборщиков: в типографском наборе литер «Ё» не хватало и вместо них использовали «Е», а иногда – старый диакрит «іо». Тенденция упро-

щения письменной графики стала приводить к ассимиляции «Ё» с «Е».

Мало что изменилось и в начале XX века. В 1904 году Комиссия по вопросу о русском правописании признала употребление буквы «Ё» желательным, но не обязательным.

А сколько курьёзов возникло из-за буквы «Ё»! Скажем, знаменитый русский шахматист – чемпион мира Александр Алёхин на самом деле был Алехиным. Он очень возмущался и обижался, когда его фамилию на турнирах писали неправильно. Дело в том, что он – из дворянского рода Алехиных. А обыватели думали, что его фамилия – производная от фамильярного варианта имени Алексей – «Лёха».

Процесс выдавливания буквы «Ё» из русского алфавита усугубился после революции в связи с модернизацией алфавита, а затем политикой пролеткульта тотальной унификации и уравниловки.

Буква «Ё» была вновь «официально признана» лишь во время Великой Отечественной войны. В Ставке Верховного командования из-за разночтения в названии некоторых населённых пунктов (Березина или Берёзина), в районе которых шли бои, иногда случалась путаница. Пока в 1942 году Сталин, рассердившись на нерадивость генералов, не приказал печатать «Ё» везде, где это положено. Тогда же нарком просвещения издал приказ «О введении обязательного употребления буквы «Ё» в школьной

практике». Спустя год был издан справочник о правильном употреблении буквы «Ё».

С началом хрущёвской оттепели, написание «Ё» опять стало более свободным.

В 1956 году Академией наук и Министерством высшего образования СССР были утверждены, а затем опубликованы «Правила русской орфографии и пунктуации» с параграфами о применении буквы «Ё». Однако на практике её использование продолжало оставаться не обязательным.

...В последние годы всё чаще слышатся призывы: «Верните букве «Ё» её точки!». Исходят они не только от ученых-языковедов – таких, например, как филолог и историк Виктор Чумаков, к сожалению, ныне покойный, которого в шутку называли «главным ёфикатором России», но и от любителей русской словесности. Дело в том, что точки над «Е» неожиданно начали исчезать из центральных газет, в телевизионных титрах и указательных надписях на улицах. Сам звук «Ё» остался, а буква пропала.

«Разгильдяйство, – считал Виктор Чумаков. – Я собирал коллекцию книг, газет и журналов, в которых букву «Ё» уважают, и тех, в которых – нет. В большинстве газет она или напроочь отсутствует, или печатается от случая к случаю. Логика тут нет. Просто журналистам и корректорам лень ставить две точки».

С буквой «Ё» мучаются составители словарей и энциклопедий, публикаторы литератур-

ных произведений. Как показал выборочный социологический опрос писателей Москвы, большинство из них старается всегда расставлять сакраментальные, но такие симпатичные двойные точки. Однако широкие массы русскочитающей и русскопишущей публики этого никогда не делают и даже не задумываются над тем, как себя обкрадывают.

Очередной период «гонений» на букву «Ё» связан с компьютеризацией. В связи с этим сейчас авторитетные деятели русского интернета создают благотворительный пакет ёфикаторов – программ, расставляющих букву «Ё» по местам в любом проигнорировавшем её тексте.

Дело в том, что на русской клавиатуре «Ё» откровенно вынесена из алфавитного «ядра», 32-буквенного (!) центра в некое гетто – в дальний угол слева. Более того, чаще всего «Ё» на соответствующей клавише вообще никак не обозначена. Аутсайдерское положение почти исключает применение буквы массовым пользователем. Так компьютерными компаниями Запада насильственно закрепляется новая, оскопленная русская орфография.

Понятно, что это нивелирование может постепенно коснуться и орфоэпии. И тогда, увы, столь любимая в России песня «Смуглянка» в XXI веке будет звучать так: «Я влюблЕнный / И смущЕнный пред тобой...».

Однако не всё так безнадежно. В борьбе за «ёфикацию всей страны» заметны первые ре-

зультаты. «Ё» появились в названиях станций московского метро: «Савёловская», «Семёновская», «Филёвский парк»... Её стали писать на дорожных указателях: «Щёлковское шоссе», город «Королёв», нередко в титрах на телевидении.

Буква «Ё», ты олицетворяешь собой всё живое, что есть в нашем языке: весёлое, зелёное, курьёзное, лёгкое, мудрёное, надёжное, серьёзное, скрупулёзное, смышлёное, твёрдое, тёплое, тяжёлое, ядрёное...

Коли ты прописана в русском алфавите под счастливым числом семь, с тобой будет всё в порядке и тебе суждены ещё многая лета.

2003-2013

О, бедный русский!

В 1918 году в советской России была введена новая орфография, которой мы пользуемся до сих пор. Большевики не были оригинальны. Они использовали старую идею (переделывать орфографию начали ещё при Петре I), преследуя при этом и чисто политические цели: книги, журналы, газеты, изданные до революции, люди, обученные новой орфографии, могли читать только после определённой подготовки. Для большинства людей оказались чуждыми основа основ прежней жизни – Православие и огромный пласт дореволюционной литературы, истории, политики.

Длительные научные и общественные дискуссии по поводу возможной реформы русского языка совпали с периодом

подъема революционной волны и волны террора в начале XX века.

Большинство отечественных языковедов реформу правописания не только не поддерживали, но решительно отвергали. Среди противников этой идеи был, например, известный русский языковед, автор знаменитых лекций по «Истории русского языка» академик Алексей Соболевский. А Лев Толстой по этому поводу писал:

«По-моему, реформа эта нелепа... Да, да, нелепа... Это типичная выдумка учёных, которая, конечно, не может пройти в жизнь. Язык – это последствие жизни; он создан исторически, и малейшая чёрточка в нём имеет своё особое, осмысленное значение... Человек не может и не смеет переделывать того, что создает жизнь; это бессмысленно – пытаться исправлять природу, бессмысленно».

Хранителем чистоты русского языка выступал и император Николай II. Как свидетельствуют современники, государь весьма отрицательно реагировал даже на необоснованное употребление иностранных слов. «Русский язык так богат, – говорил он, – что позволяет во всех случаях заменять иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка».

Чо в 1917 году Временное правительство одобрило новшества в орфографии, узаконенные в следующем году большевиками. После публикации в газете «Известия» декрет Совнаркома РСФСР «О введении новой орфографии» стал руководством к действию. Срочно перейти на декретное правописание обязаны были все типографии, издательства, учебные заведения.

На радость корректорам и нерадивым ученикам из русского алфавита изгнали, казалось бы, ненужные, мертвые буквы «ять», «фиту», «и десятеричное» (і) и «ижицу», а также потеснили «Ъ». Изменения коснулись написания прилагательных, причастий и местоимений.

Как отмечалось в декрете, всё это делалось «... в целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания».

Довод о преимуществах облегчения и упрощения языка очень зыбок и небедителен. На это очень остроумно откликнулся в статье «Заключительное слово о русском национальном правописании» выдающийся русский философ, правовед, публицист Иван Александрович Ильин:

«Это наглядный пример того, когда «проще» и «легче» означает хуже, грубее, примитив-

нее, неразвитее, бессмысленнее или, попросту, — слепое варварство. Пустыня проще леса и города; не опустошить ли нам нашу страну? Мычать коровой гораздо легче, чем писать стихи Пушкина или произносить речи Цицерона; не огласить ли нам российские стогна коровьим мычанием? Для многих порок легче добродетели и сквернословие легче красноречия... Вообще проще не быть, чем быть; не заняться ли нам, русским, повальным самоубийством? Итак, кривописание не легче и не проще, а бессмысленнее».

Как пример «кривописания», введенного новой реформой, И.А. Ильин приводил выражения: «пока у нас ещё есть, что есть» или «я люблю ее собаку». В старой орфографии было бы: «я люблю ея собаку», то есть собаку женщины, а не женщину-собаку, как следует понимать из «кривописания».

В этой же статье философ отмечал: «Была энергичная группа формалистов, толковавших правописание как нечто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни со смыслом, ни с художественностью, ни даже с историей языка и народа». По словам И.А. Ильина, те, кто затевали реформу, отличались формальным, недуховным мышлением, но были чрезвычайно активны и напористы.

Упрощения дали мощный импульс к искажению и дальнейшему уродованию великого языка наших предков, языка просветителей славянских — святых равноапостольных братьев

Кирилла и Мефодия, больно ударили по тонкому, органичному, создаваемому веками организму русской грамматики.

Как писал в своей статье «К вопросу о старой и новой орфографии» архиепископ Аверкий (Таушев), «грамоту дала нам наша св. Православная Церковь, и потому недопустимо, помимо Церкви, решать вопросы орфографии, произвольно признавая те или другие буквы нашего алфавита устаревшими и «ненужными». По словам архиепископа, только старая орфография и есть в собственном смысле «орфо-графия», или правописание, а та порча русского правописания, которая насильственно введена в употребление большевиками в России в декабре 1918 года, не может и не должна претендовать на то, чтобы именоваться правописанием, а есть только искажение правописания.

С введением новой орфографии превратились в бессмыслицу многие выражения, поговорки, пословицы, крылатые фразы. Даже большевистский лозунг «Миру мир» в своём написании стал выглядеть кричаще абсурдным. Однако это несколько не смущало ревнителей новой культуры, ратовавших за то, чтобы вычеркнуть из истории и Пушкина, и прочих «отживших». Масса несуразностей возникла с написанием омонимов. Теперь такие слова, как «ели» (деревья) и «ели» (употребляли пищу), стали писаться одинаково. То же относится и к другим омонимам: осел, мел, лечу, еду, слез, есть...

Сопротивление реформе русского языка было и до, и после 1918 года, – и в большевистской России, где такое сопротивление приравнялось к контрреволюции с соответствующими последствиями, и в русском зарубежье. Среди противников реформы в послеволюционные годы были Марина Цветаева, Иван Бунин, Иван Шмелёв, Александр Блок, Михаил Пришвин, Иван Ильин, Вячеслав Иванов, Марк Алданов, Дмитрий Лихачёв... Михаил Пришвин сделал горькую запись в своём дневнике:

«Да, три лёгкие буквы отменили, а три твёрдые дали.

– Какие же твёрдые?

– Скверные буквы: Гэ, Пэ, У».

Почти все представители первой волны русской эмиграции сохранили верность прежнему правописанию. Иван Бунин высказывался по этому поводу так:

«Невежда и хам ни с того ни с сего объявил заборную орфографию: опять покоряйся, пиши по ней! Я отвечаю: не могу, не хочу – уже хотя бы потому, что по ней написано за эти десять лет (революции) всё самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на земле».

Некоторые издательства русского зарубежья и по сей день пользуются исключительно старой орфографией.

Тлумление над традициями русского языка продолжается и в наши дни. Особенно усердствуют в этом телевидение, некоторые периодические издания. Они словно соревнуются в хулиганском обращении с языком. Вседозволенность выражений, засилье иностранной терминологии, блатные словечки стали, увы, не просто делом обыденным, но даже привлекательным и престижным.

Россию захлестывает мат – наряду с хамством, бескультурьем, пьянством, наркоманией, разбоем...

Дожили! В 2004 году в одном из московских клубов прошёл открытый чемпионат... по сквернословию.

Это состязание, устроенное между «мужским» и «женским» праздниками, как бы подчёркивало: оба пола в современной России равны и ничто гадкое им не чуждо.

Первый (хотелось бы надеяться, что и последний!) открытый чемпионат столицы по мату и графомании невозможно назвать иначе как гнусной провокацией кучки неких поэтов и прозаиков, которые употребляют в своих произведениях ненормативную лексику, и их покровителей.

«Языковая распущенность – одна из причин падения культуры в нашем обществе, – утверждает доктор филологических наук, профессор Всеволод Троицкий. – Это симптомы глубо-

кой деградации как личностей, так и общества».

В последние годы Москву, увы, трудно чем-либо удивить. Култ насилия, порнографии, сквернословия прорывается на улицы, развращая нашу молодежь, через чуждую русскому человеку рекламу, бульварные издания, блатные песни, звучащие буквально из каждой торговой точки. На отвратительном жаргоне воспитываются наши дети. Кто защитит нас от дурнословия?

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», – восклицал Фёдор Тютчев.

Мат разрушает личность человека, особенно в юном возрасте. И, растлевая подрастающее поколение, литераторы-сквернословы тащат Россию в пропасть нравственной деградации и духовной опустошённости.

Неужели остаётся только молиться Богу, чтобы уберёг Отечество наше от скверны?

Сейчас, похоже, начинается движение за возврат к традиционному русскому правописанию. Это нашло отражение в названиях православных издательств, некоторых предприятий, изделий.

Даже не в православных изданиях всё чаще можно встретить написание слова «мір» (в значении планеты, вселенной) с десятеричной буквой «и» (і), как это было принято в старой русской орфографии.

Наконец, всё громче раздаются голоса ревнителей русского языка, говорящих о катастрофическом положении нашего правописания, об убийственной деградации разговорной речи в России.

Знаковым стало появление обществ за возврат к традиционной русской орфографии. На сайте одного из них – «Движеніе за Возрожденіе Дореволюціонного Правописа́нія» – его создатель петербуржец Алексей Журавлёв опубликовал своего рода воззвание с программой действия. Он ведёт переписку с читателями.

Вот ответ одному из них: «Я всегда боролся за то, чтобы исконно русские слова не вытеснялись иностранными, тем более в том случае, когда необходимое русское слово существует. Согласен: надо провести тщательную «русификацию русского языка». Нечто подобное предлагалось и в других странах (например, в Германии век назад) против засилья слов французского происхождения. Теперь пришло время ограждать язык от наплыва английских слов. Если в русском языке нет подходящего слова или выражения, то на помощь придут другие славянские языки или церковно-славянский язык. Например: итальянское слово «фреска» можно заменить болгарским словом «стенопись».

Александр Журавлев считает, что к церковно-славянскому языку надо относиться с большой любовью. Его должны преподавать во всех

школах. Стыдно не знать основ языка, который до сих пор используется Церковью и который подарил современному русскому языку столько прекрасных слов и выражений.

И можно только гордиться тем, что наши предки придумали не одну, а несколько азбук. Кириллица вытеснила глаголицу естественным путём, тогда как реформа правописания 1918 года была, по сути, навязана. Именно поэтому и возникло движение за возврат к старому правописанию.

...То, вокруг чего ломали копья наши деды и отцы, теперь волнует и их детей, и внуков. Язык, как и вся Россия, ждёт своего возрождения.

2007

Александровский Версаль

И вновь в переполненной электричке спешу по живописной дороге на север, где чередой выстроились старые русские города. Спешу на встречу с древней Александровской Слободой.

Пригласил меня сюда Евгений Николаевич Усанов. В прошлом – геолог, а ныне – художник, бессменный директор и один из организаторов Александровского художественного музея.

На протяжении веков славу Александра составляли зодчество, иконопись, золотое и серебряное дело, резьба по кости и дереву, шитье, литье и изготовление изразцов, лаковая живопись, гончарное производство... Городу с такими традициями давно был необходим художе-

ственный музей, которому и передали усадьбу Первушиных.

В эту усадьбу только однажды можно попасть случайно. Каждый следующий раз она манит многоликостью, особой красотой и гостеприимством. Стены старого купеческого дома могли бы рассказать множество историй.

Александров впервые упоминается в XIV веке в грамоте Ивана Калиты под названием Александровская Слобода.

Ему было суждено стать одним из оживлённых перекрестков русской истории. Древний город – «Русский Версаль», созданный здесь Василием III, стал политическим, экономическим и культурным центром России при Иване Грозном, чья знаменитая библиотека, по мнению ряда московских и александровских краеведов, затерялась именно тут.

В 1729 году в Слободу была сослана цесаревна Елизавета Петровна. Будущая императрица прожила здесь десять лет.

Существует легенда: Елизавета Петровна любила посещать своих подданных. Первым удостоился этой чести Жихарев. В связи с этим событием семья стала носить фамилию Первушины. Она жила на том же месте, где в XIX веке правнук Жихарева – купец Алексей Первушин – построят усадьбу.

Личность яркая, самобытная, он сразу же оценил значение «чугунки» для России, ратовал, чтобы железная дорога пришла и в его родной город.

Алексей Первушин славился хлебосольством и добрыми делами. Он построил в селе Карабанове богадельню для престарелых служащих Троице-Александровской мануфактуры.

Музей принял усадьбу в самом плачевном состоянии. Шаг за шагом идёт её реставрация. Средств явно не хватает. Несмотря на то, что свою лепту вносят и меценаты, отдельные любители искусства.

На втором этаже особняка после реставрации открыта анфилада трёх парадных залов. Воссоздана атмосфера быта русской городской усадьбы рубежа XIX – XX веков.

В памяти всплывает фраза отца Павла Флоренского: «Прошлое не проходит!» Ощущение такое, что Первушины и их гости незримо находятся где-то рядом с вами, будни и праздники продолжаются так, как заведено хозяевами дома. Кажется, что слышишь шелест платьев и чьи-то шаги по восстановленному в залах уникальному наборному паркету конца XIX века.

В советские годы Александров был закрытым городом. Ныне его включили в «Золотое кольцо России». Власти округа взяли курс на развитие туризма. И это, увы, чуть не сыграло злую шутку с музеем, который едва не выкинули на улицу, чтобы освободить особняк для VIP-гостиницы. Слава Богу, общественность смогла противостоять этому.

Кроме академических экскурсий сотрудники музея предлагают посетителям театрализованные программы, помогающие окунуться в атмосферу жизни, быта купечества XIX века. В основе каждой из них – подлинные факты из дневниковых записей Алексея Михайловича Первушина «Потомству моему», другие архивные и краеведческие материалы.

Так, программа «Вечер в купеческом доме» включает в себя знакомство с экспозицией музея, концерты классической и народной музыки. Тема провинциального купечества, как и всякая другая, связанная с историей, неисчерпаема.

«Затаенный уголок ушедшей светлой Руси. Всё дышит здесь теплом, уютом, покоем того светлого времени. Как необходимо нам пройти по комнатам купеческого старинного дома и... коснуться тёплого света, который светит издалека, из прошлого», – такую запись оставила в книге отзывов Елена Бочарова из Москвы.

Александровская жемчужина – усадьба Первушиных – стала благодаря музею одним из символов возрождения лучших традиций русского предпринимательства, благотворительности и меценатства. В экспозициях и культурологической деятельности музея сделан акцент на прочные духовно-нравственные и психологические основы русского народа, его созидательный характер.

Русский Гомер

Милость Божия

«*М*ой путь был определён и цель ясна ещё в юности... Живопись, и только это, — единственно правильная дорога, которую я определил для себя».

Так писал в одном из писем наш герой, который мечтал о том, что станет профессиональным художником, его работы будут экспонироваться на выставках.

Родился он в 1918 году в Серпухове. Его отец был директором школы, мать работала в театре. В Серпухове окончил среднюю и художественную школы, а в Краснодаре — художественное училище. С 1940-го его картины демонстрировались на выставках в Москве.

И вот — война. Красноармеец-связист и артиллерийский разведчик в истребительном противотанковом, а затем миномётном дивизионе, фронтовой художник...

Ю.К. Авдеев. 1942 г.

Фото из семейного архива О.Ю. Авдеевой

В результате контузии почти потерял зрение. Похоже, что после столь тяжёлого ранения и мечтать уже ему, инвалиду первой группы, лишённому возможности на любую трудовую деятельность, не о чем.

Так случилось, увы, со многими. Но только не с ним.

Тихо Ангел пролетел. Господь оказался милосердным к нему, дав не только дело благое, нужное людям, но и другое зрение – духовное.

Чем дальше, тем больше понимаешь: именно в таком, казалось бы, совершенно безнадёжном и беспомощном состоянии он совершил свой незаметный подвиг, главный «солдатский подвиг» – возродил подмосковную чеховскую усадьбу. Благодаря этому и стал широко известен, нашего героя полюбили многие.

Однако директор Государственного музея – заповедника А.П.Чехова Мелихово Юрий Константинович Авдеев, а речь именно о нём, не считал подвигом то дело, чему посвятил почти 40 лет жизни.

Сегодня, в нынешней России, этих качеств – скромности, самоотверженности, бескорыстия – так не хватает всем нам, идущим вслед за фронтовиками. Увы...

«Грозный вид имели наши мосфильмовские гаубицы...»

В октябре 1941-го он ушёл добровольцем на фронт. Попал в 3-ю Московскую коммунистическую стрелковую дивизию, защищавшую столицу.

Из воспоминаний Юрия Константиновича: «1941 год. Октябрь. Ленинградское шоссе, деревня Химки. Самолёты забросали Москву листовками, в которых говорилось, что фашисты войдут в Москву 10 октября. Собирается народное ополчение. Кажется, что на сегодня это последние резервы. Из общего строя отде-

лили группу, назвали её первой батареей, выдали обмундирование и привезли на окраину Москвы, к Речному вокзалу на канале. Обмундирование — с бору по сосенке. На мне — кавалерийский казакин, буденовка времён гражданской войны. В руках — канадская винтовка. Никакие мы не красноармейцы: не умеем ни ходить, ни стрелять и пушки видим первый раз в жизни. Впрочем, те пушки, которые дали нам на батарею, получены из реквизита Мосфильма. Возможно, что мы их видели в кино. Меня зачислили во взвод управления, в связисты, и я срочно осваивал систему полевого телефона.

При каждом удобном случае командир учит нас строевой подготовке. Никто из нас кадровую не служил. Все мы люди разного возраста, и простое дело — ходить строем — не клеится. Хорошо бы ходить с песней, а мы их тоже не знаем. Да не только мы. Не было до войны маршевых песен, разве только «По долинам и по взгорьям». Младший сержант Гриша Данилочкин, бывалый солдат, запекает странную песню, с которой, наверное, ещё при Суворове ходили:

— *Вы, не вейтесь, чёрные кудри,
Над моею больной головой..., —*

Он запекает, а мы вторим:

— *Вы, не вейтесь, чёрные кудри...*

И после этой фразы непременно надо выкрикнуть:

— Дунька!

Это ни к чему, но зато весело. Только в одном куплете «Дунька» звучит по делу:

*— Из друзей моих верных, наверно,
Уж никто не пойдёт провожать.
Только ты лишь моя дорогая — Дунька!
Слёзно будешь над гробом рыдать...*

Запевал Гриша и ещё более старую песню:

*Под зелёною раkitой
Солдат раненый лежал,
Он к груди своей пронзённой
Крест свой медный прижимал...*

Осваивались мы быстро и недели через две походили на что-то дельное.

А по Ленинградскому шоссе с утра до ночи шли в Москву беженцы. Шли они с севера, от Калинина и Клина, уже занятых немцами. Везли на телегах детей и какой-то самый нужный скарб. Гнали скотину целыми стадами. Наш ездовой и повар, стоявший в самой деревне, загнал двух коров, неделю доил их и поил нас молоком.

Затем потянулись одинокие красноармейцы и небольшие группки отступающих из разных частей. На Стромынке их собирали и вновь отправляли на передовую. Везли в Москву подбитую и искалеченную технику, а из Москвы к фронту шли английские танки, полученные от союзников. Строились они для войны в Африке, в Сахаре, с вентиляцией от африканской жары,

а попали на русские морозы. «БМ-7» — звали их танкисты, что означало «Братская могила на семь человек». В них было много оружия и совсем слабая броня.

Артиллерийскую канонаду стало слышно из Химок. Приближалась наша очередь, а мы ещё не умели стрелять.

— Не бойтесь, ребята! — учил нас Гриша Данилочкин. В винтовке частей не больше чем у бабы. Сейчас мы быстро разберёмся...

На стрельбах моя канадская винтовка стреляла точно, но стрелять я мог только в положении лежа. Правый глаз не видел мишени, из-за этого я был годен только к нестроевой службе, а с левого плеча рука была не в силах держать винтовку на прицеле. Одним словом — «ополченец»... Зато все марки полевых телефонов я освоил досконально и азбуку Морзе принимал на слух.

На линии нашей батареи копали глубокий противотанковый ров, рядом с нами тренировались огнемётчики. Грозный вид имели наши мосфильмовские гаубицы. Эти укрепления казались мне непреодолимыми, и я в полной уверенности писал домой, что в Москву немцы не пройдут. В те дни, когда тянулись беженцы, а московские учреждения опустели и эвакуировались, наши ребята, артиллеристы, принесли в мою землянку кучу книг из брошенной библиотеки. Командир взвода приказал, чтобы я ни на минуту не отлучался от телефона и всё

время держал трубку возле уха, принимая команды без зуммера. Привязывая трубку к уху, можно было читать книжки. Среди них был иллюстрированный учебник по гинекологии. Изучая по картинкам женские болезни, я со страхом смотрел на девчонок, копавших противотанковый ров. Иногда они забегали в землянку попить воды, и я боялся заговорить с ними, представляя чудища из гинекологического учебника.

Однажды вечером в конце ноября нас собрали по тревоге и построили на Ленинградском шоссе весь дивизион. Первая батарея стояла первой, но командиры посовещались и пропустили вперёд вторую батарею. Они ушли, а мы разошлись по своим землянкам. На другой день прибежал фельдшер из второй батареи и рассказал, что, не доехав до Солнечногорска, они наткнулись на немецкий десант. Наша пехота была далеко впереди, и появление десанта было неожиданным. Артиллеристы успели развернуться и дать несколько выстрелов. Они подбили три немецкие бронемашины и несколько десятков фашистов, но и сами все погибли. В живых остались только фельдшер и политрук. Я знал всех ребят, и добрые отношения связывали меня с комбатом, лейтенантом Вентскевичем. В своём альбоме я сделал за это время всего один рисунок — портрет этого лейтенанта. Теперь их никого не осталось. Так появились наши первые потери.

В декабре неожиданно мне дали отпуск на один день в Москву. Съездить к матери в Серпухов было невозможно, и я просто бродил по знакомым московским улицам. На Кузнецком мосту, совсем как в мирное время, была открыта художественная выставка «Пейзажи нашей Родины». На стенах висели маленькие идиллические пейзажи с голубыми небесами, тихими речками и полями, залитыми тёплым сияющим солнечным светом. Никакая война в эти места ещё не заглянула. Вспомнилось, что и сам я ещё в июне-июле писал то же самое, не задумываясь о том, что где-то горит земля, рушатся города, гибнут люди. Об этом нельзя писать, если сам не пережил, если жизнь воспринимается плавно, спокойно, без нерва. Вспомнилось, как Чехов писал о Левитане: «Это лучший русский пейзажист, но, представьте себе, уже нет молодости. Пишет не молодо, а браважно... Пейзаж невозможно писать без пафоса, без восторга, а восторг невозможен, если человек обожрался. Если бы я был художником-пейзажистом, то вёл бы жизнь почти аскетическую». Эти слова я вспоминал и потом, когда на выставке увидел портрет Алексея Толстого, написанный Кончаловским в 1942 году. Толстая масляная физиономия за столом, заваленном окороками. Дата — 1942 год — звучала кощунственно. Какая уж тут аскетическая жизнь, да ещё в пору, когда люди умирали с голоду.

Впрочем, тогда, на Кузнецком мосту, я запомнил два пейзажа Ясной Поляны, написан-

ные незнакомым мне художником Шолоховым. Мрачные, чёрные, написанные с нервом, они передавали время и заставляли думать о том, что знаменитая усадьба находится в оккупации. Посещение выставки разбудило во мне желание писать, и я купил там же в магазине альбом и акварельные краски, надеясь, что они пригодятся мне в новой военной службе/.../».

На Северо-Западном фронте

Когда враг был отброшен от Москвы, их воинскую часть реорганизовали в кадровую 130-ю стрелковую дивизию и направили на Северо-Западный фронт.

Из воспоминаний Юрия Константиновича:
«/.../Дивизию переводили на Северо-Западный фронт и, доехав до Осташкова, мы шли пешком по направлению к Старой Руссе. За прошедшие месяцы мы закалились, могли спать где угодно — в самых неподходящих условиях. В этом первом походе, когда останавливались в уцелевших крестьянских избах, я сразу забивался под стол: в единственное место, где можно было спокойно провести ночь. Проходили мы за день в полной выкладке не меньше двадцати вёрст. Питание на нашем фронте ухудшалось с каждым днём, и при большой физической нагрузке нам приходилось нелегко. Гриша Данилочкин наставлял нас:

— Помните три солдатских заповеди. Первая — не отставай от кухни, вторая — не попадайся на глаза начальству, третья — при неясной обстановке ложись спать...

Переход закончился 22 февраля в деревне Липье. Назавтра, в день Красной Армии, вступали в бой. Впервые, с того дня, как вышли из Москвы, помылись в деревенской бане. Оделись чисто, выдали новое бельё. Кто-то буркнул про себя — «смертное». Это было очень похоже на правду. Не было ни малейшей уверенности в завтрашнем дне. Была отрешённость. Все молчали. Каждый думал о своём. Я прощался с прошлым. Позади школа, художественное училище, планы, надежды, розовый туман. Ещё не было любимой девушки, не успел... Впереди страшная реальность, встреча с глазу на глаз со смертью. Спасти от неё мог только счастливый билет в лотерее, где выигрывает один номер на тысячу. В деревне оставил всё лишнее, краски, альбом и сапоги. Зачем тащить, если в пути иголка — пуд весит...

Вышли на рассвете. Первая неожиданность — вдоль дороги стоят в снегу голые человеческие фигуры. Кто они? Говорят, что это убитые немцы, а потому успели их раздеть. Затем — силуэт большого села со следами затухающего пожара. А перед селом, уткнувшись носами в снег, лежат пехотинцы в новеньких шинелях с вещмешками за спиной. Они не дошли до села, и война для них закончилась.

Пехотинцы взяли село. На улицах везде лежали трупы немцев. Некоторых немцев смерть настигла, когда они, не успев одеться и натянуть штаны, выходили на улицу. У обгоревшей колокольни трупы прикованы к пулемёту. Это наши штрафники. Местные жители прятались в домах. Мы остановились в центре села, на развилке дороги. На другом краю — стрельба, оттуда бьют по селу пушки. Совсем рядом со мной снаряд попал в избу, и передняя стена вывалилась, обнаружив совсем невредимых хозяев дома. В другой избе, большой и крепко срубленной, лежат убитые старик и старуха.

Время остановилось, неизвестно, проходят ли минуты или часы, пока мы ждём команду. У нас уже есть потери. Убиты и лошади. Зимний день короток, и мы в сумерках начинаем вновь двигаться.

/.../Батарее нужно развернуться в лесу, а нам, двум связистам, наладить связь от батареи до ближайшей избы, где расположился штаб. С катушкой еду на лыжах от избы под горку к лесу. Кто-то кричит в след:

— Куда тебя понесло? Там минное поле!

Но я проскочил. В след за мной отправился миномётчик. Ему оторвало ступню, и он был отправлен в санбат. Парень был из здешних краёв. Однажды я составлял список миномётного расчёта, и он по всем правилам армейской дисциплины откозырял:

— Товарищ помощник писаря, разрешите обратиться!

Это присвоенное мне звание насмешило и запомнилось.

Впервые мы ночевали на снегу в тридцатиградусный мороз, нарубили под себя еловый лапник...».

Новая «боевая» задача – рисовать портреты героев

Ух 130-я стрелковая дивизия освобождала Новгородскую и Ленинградскую области, Прибалтику. Авдеев сначала был связистом, а потом артиллерийским разведчиком в истребительном противотанковом, а затем минометном дивизионе. Награждён солдатской медалью «За отвагу». Её он очень ценил.

Когда выдавалась свободная минута, Авдеев рисовал.

Из воспоминаний Юрия Константиновича:
«...когда я услышал свою фамилию в невнятном разговоре на линии штабного телефона, то первой мыслью было – это не к добру.

Скоро в трубке послышался строгий голос комбата:

– Красноармейца Авдеева вызывают в политотдел дивизии.

– За что? – спросил я, не скрывая тревоги.

– Там скажут, – с ехидством прозвучал ответ.

...Этот хмурый сентябрьский день был необычайно трудным.

На рассвете нас послали перетаскивать мины. С ними нужно было идти по колено в болотной жиже несколько верст. Тащили по две, по пуду в каждой. А сам я весил тогда не два, но и не три пуда – 44 килограмма.

Потом отчаянная перестрелка. Я принимал по телефону команды с НП и передавал их командирам орудий. В горячке боя закопченные и оглохшие минометчики не сразу поняли, что немцы их засекли и тоже стали обстреливать. Одним ближним разрывом был убит заряжающий Васильев и контужен мой напарник связист Евставьев. Он ходил ошалелый, пытался что-то объяснять, но не мог, и лицо его становилось виноватым. В этот момент я и получил непонятный приказ явиться в политотдел...

– Товарищ старший... батальонный комиссар! Красноармеец Авдеев явился... по вашему вызову, – доложил я, запинаясь, когда еле разглядел в полутьме землянки одутловатое лицо человека и три его шпалы в петлицах.

Он кивком показал на табуретку у стола, порылся в бумагах и положил передо мной две открытки.

– Это Вы рисовали?

На столе лежали мои рисунки.

...Всем нам как-то выдавали подарки, присланные москвичами.

В стандартных посылках каждому приходилось по чекушке водки, флакону одеколона, по носовому платку, катушке ниток с иглой, по карандашу и десятку почтовых открыток, которым я был рад особенно...

Зимой сорок второго, в день Красной армии, перед первым своим боем я никак не рассчитывал протянуть до осени. Поэтому, помывшись в какой-то деревенской баньке, я оставил там и краски, и альбом, и даже сапоги, чтобы не тащить ничего лишнего на тот свет. И на следующий день убедился, что поступил правильно, когда на окраине деревни, взятой нами, увидел уткнувшихся в снег лицом ребят в новеньких шинелях, с сидорами за спиной...

Получив открытки из плотной, чуть желтоватой бумаги, я снова до боли захотел рисовать...

– Да, это я наших ребят рисовал. Просили, чтобы домой послать, вместо фотографии, – ответил я комиссару.

– Ну вот, мы решили использовать вас для рисования портретов отличившихся бойцов и командиров.

...До войны по окончании художественного училища я много работал в жанре портрета, ставя перед собой чисто живописные задачи. А здесь я рисовал разведчицу Соню Кулешову, притащившую в мешке через линию фронта здорового немца, нужного командованию языка. Рисовал минометчицу Лизу Валяеву, спайпера Машу Поливанову, вскоре посмертно

ставшую Героем Советского Союза. Но портреты не удовлетворяли меня, потому что за стандартной гимнастеркой и пилоткой, при мимолетной встрече за час я не успевал приглядеться к натуре, понять ее. Первое время я, наверное, не отличался от парикмахера, добросовестно выполнявшего свои обязанности.

Однажды, когда я «остриг» очередную партию героев дня и собирался идти на свою базу, меня задержали у штабной землянки. Комиссар порка пригласил к себе, угостил блинами, а потом попросил:

– Нарисуйте нас с командиром. А то фотографию некому сделать...

/.../С этих пор исчезла скованность, и даже рисунки стали получаться лучше. Приветливого комиссара полка я рисовал несколько раз. Портреты получались похожими, но не было в них изюминки. Он напоминал шолоховского Григория Мелехова – стройный, подтянутый, с кудрявым чубом, орлиным носом, словом, внешность, вполне соответствующая облику героя.

Бывало так: человек отличился в бою, я по свежим впечатлениям рисую его портрет, а у него лицо бухгалтера из заготконторы. Да и мои возможности художника, только что со студенческой скамьи, были невелики. Мне хотелось изобразить настоящего героя войны, влюбившись в него, нарисовать так, чтобы на бумаге чувствовалось мое, совсем равнодушное отношение.

Однажды я мимоходом заглянул в политчасть полка. Комиссар был свободен, сидел в хорошем настроении, блиндаж был залит ярким радостным светом.... Я попросил комиссара позировать. Наконец, и для меня пришла минута удачи, которую называют громким словом «вдохновение».

Когда портрет был закончен, изумленный комиссар бережно взял рисунок и побежал показывать его своим друзьям:

– Смотрите, как получилось!..

А через полчаса комиссара не стало. Шальной снаряд угодил в него прямым попаданием. Что-то мистическое было в моей творческой удаче. Гибель комиссара совпала с началом немецкого наступления.

Делать рисунки в стрелковых полках становилось всё труднее. Как-то раз во время сеанса мы попали под обстрел и едва успели спрыгнуть в окоп, оставив наверху шинель и планшет. Когда стрельба утихла, оказалось, что планшет с рисунками был весь в дырках, а шинель изорвана в клочья...

В политотделе, посмотрев на мой «живописный» вид, сказали:

– Отправляйтесь в арtpолк. Там, должно быть, потише...

Артиллеристы меня встретили радушно, устроили в пустом блиндаже и обещали с утра организовать работу. Но утром оказалось, что я совсем один в лесу. Не было ни людей, ни ору-

дий, ни указателей. За ночь арtpолк куда-то ушёл, а обо мне забыли.

Лес был глухим, дорожные колеи незнакомыми. Я брёл, куда глаза глядят, пока не встретил трёх связистов, тащивших рации. Подозрительно оглядев меня, они проверили документы. Потом лаконично сообщили, что немцы прорвали линию фронта, и дивизия, чтобы не попасть в окружение, отошла на новые рубежи. Нам пробраться к своим можно лишь по обрывистому берегу Ловати. День и ночь мы шли, ползли, карабкались по кустам, переходили вброд притоки реки. В одном месте Ловать делала крутой поворот, и перед нами расстился широкий луг. Перебегали поодиночке. Круживший в небе «Мессершмидт» гонялся за каждым из нас и бросал, не жалея, по несколько бомб. Наша группа распалась, и дальше пришлось добираться одному.

К счастью, скоро встретились старые знакомые из противотанкового дивизиона, накормили, обогрели меня, объяснили обстановку.

Я и раньше любил заглядывать к ним. В этой части в сорок первом году для меня началась война под Москвой. И недавно, накануне немецкого прорыва, я ночевал у них.

/.../Все дороги, переправы были забиты искореженными повозками и орудиями, трупами людей и лошадей.

Опустел и штаб дивизии. Начальник политотдела лежал в медсанбате, и мне посоветова-

ли идти к нему, во второй эшелон. Он, кажется, даже обрадовался моему появлению – за короткое время он привязался ко мне, уже не отдавал приказы, а обсуждал мои творческие замыслы, высоко ценя удачи. Зная это, политрук Малинин вынес из окружения мои рисунки вместе с партийными документами.

– Поработайте пока здесь, во втором эшелоне, – сказал начальник политотдела, – идите в клуб, к музыкантам...

Целый год я пробыл на передовой и ни разу не слышал звука оркестра, даже не знал о его существовании.

По штатному расписанию дивизии полагается духовой оркестр в двенадцать человек, но редко уважающая себя часть ограничивалась этим количеством. Наш оркестр был вдвое больше положенного. Были здесь и скрипачи, и саксофонисты, и не какие-нибудь, а из оркестра Большого театра, из Радиокомитета, из джаза Утесова. Капельмейстером был известный еще до войны Виктор Николаевич Кнушевицкий.

По утрам, после завтрака Кнушевицкий собирал свою команду в каком-нибудь заброшенном сарае, и начиналось священнодействие. Из сарая доносилось кваканье, уханье – как из сказочного болота, их перекрывали протяжные трубные звуки, то высокие, то низкие, передразнивающие друг друга. Затем звуки сливались, становились стройнее и превращались в бетховенского Эгмонта. Внезапно они обрывались, а

после недолгой паузы возникали снова, с большой уверенностью и стройностью.

Но бывало это не часто. На войне все музыканты могли жить по совместительству. Один музыкант был шофером и водил киномашину, другой был парикмахером, третий чинил часы, четвертый плясал в агитбригаде. При необходимости все работали на погрузке снарядов, но, главное, во время наступления – в медсанбате. Санитары из них получались первоклассные. Они помогали врачам при операциях, таскали раненых, делали перевязки.

/.../Фактически во втором эшелоне музыканты были единственным регулярным воинским подразделением. Медсанбат почти целиком состоял из женщин, авторота всегда в разъездах, почта и хлебопекарня слишком малы. Поэтому иногда совсем не воинственным музыкантам приходилось отражать внезапные проникновения немцев в тыл дивизии.

Как-то второй эшелон тянулся по лесной просеке за продвигающимися вперед частями. А невдалеке, по параллельным просекам, двигались немцы. Заметив отставших благодушных тыловики, немцы с воздуха стали бомбить их, а на земле завязалась перестрелка. Только расторопность и смелость музыкантов и агитбригады спасли дивизию от большой беды».

...Ежедневно Авдеев рисовал по несколько портретов бойцов. Рисовал на обрывках бумаги,

на тряпках. Краски, которые мать однажды чудом смогла прислать ему, разводил керосином. Иногда ему удавалось находить время, чтобы писать этюды.

Среди писем с фронта сохранилось и его удостоверение:

«Выдано настоящее гвардии сержанту товарищу Авдееву Георгию Константиновичу в том, что он в настоящее время работает художником при клубе 53 Гвардейской Краснознаменной Стрелковой Дивизии. Товарищу Авдееву разрешается производить зарисовки с натуры во фронтовой полосе. Действительно по 31 декабря 1943 года. Начальник клуба 53 ГКСД Гвардии старший лейтенант М. Алексеева».

Из воспоминаний Юрия Константиновича:

«...Я ходил по полкам, занимаясь своим делом, и в клубе бывал не часто. Если случалось застревать, то меня по самую завязку загружали, может быть, очень нужной, но непривычной работой. Срочное задание – в одну ночь изготовить флаги с надписями «За Родину», «За Сталина», «Вперед на Запад», и сделать это нужно при полном отсутствии красной материи и каких-либо красок. Приходилось изобретать покраску медсанбатовской простыни красным стрептоцидом, а надписи делать зубным порошком на каком-то медицинском клее. Расписывал фургон киномашины, ширму для агитбригады, красил грузовик или писал очередной портрет Сталина /.../. Помня, как меня забыли при от-

ступлении, я старался на марше непременно быть со своим клубом.

Дороги Северо-Западного фронта прокладывались в лесах по непроходимым болотам. Делались они из бревенчатого наката, и в лучшем случае на накат клались еще два ряда досок для проезда автомашин. На перекрестках стояли столбы, на которые прибивались многочисленные стрелки. Стрелки указывали путь к Нестеренко, Пономареву, Чернусскому или к кому другому, фамилию которого знали только свои бойцы. Потом стали прибивать указатели «До Риги – 400 км», «До Мемеля – 600 км», «До Берлина...».

На пригорках и в сухих местах когда-то стояли деревни. Еще в древней Руси располагались здесь вотчины Великого Новгорода. Ни тевтонские рыцари-завоеватели, ни татаро-монгольские набеги не доходили сюда. И стояли деревни много веков нерушимо, защищенные со всех сторон болотами и лесами. А теперь на месте этих деревень остались только дорожные знаки с названием, которое определялось по карте. Разве что когда-нибудь археологи определяют признаки былой жизни, но сейчас везде, где проходила линия фронта, была пустыня. Только таблички с надписью: «Веревкино», «Козлово», «Сутоки», «Медведево», «Пинаевы Горки», – и никаких следов строений, ни печей, ни фундаментов, ни жителей. Деревни остались лишь в названиях на

старых топографических картах. Было ясно – их некому восстанавливать.

На поле у бывшей деревни Веревкино стояли сорок восемь разбитых танков, и все поле было усеяно трупами. Чтобы поставить там пушки нашей противотанковой батареи, нужно было сначала стащить трупы в воронки. Кто-то сказал, что здесь погибла целая дивизия, переброшенная со Сталинградского фронта...

Стоят после войны памятники воинам-победителям, но нет памятника солдатам, погибшим ни за понюшку табаку, никто не вспомнит мирных жителей, удобривших кровью родную землю...

Всю жизнь не стирается в памяти, проходит во сне страшным кошмаром первый для меня бой за село Новая Русса. Потом все ощущения притупились, глаза привыкли к трупам, слух – к разрывам снарядов, в сознании главным стало представление о неизбежности. Друзья нарекли меня «Факиром» за мое равнодушие к фронтовым опасностям. Но и теперь еще, много лет спустя, стоит в глазах трагическая картина первого боя: на окраине села лежит убитая девушка, мы проходим мимо, освещая фонариком ее застывшее, строгое лицо. Позади, на дороге, сотни, может быть, тысячи убитых, но в память врезалась только эта девушка, только она, как символ величайшей жестокости войны.

Летом сорок третьего года, когда мы вернулись в места первых боев на отдых, мне дове-

лось делать памятник на могиле этой девушки. Ее звали Анна Жидкова, была она кандидатом исторических наук.

...Землянки в валдайских болотах нельзя было копать, скорее они напоминали сараи с плоской крышей. Делали их на склоне оврагов, чтобы одна сторона была в земле, и по привычке звали такие убежища все-таки землянками.

Жизнь была суровой. Вши заедали нас. Они появились после первых боев. На батарее мы раздевались донага и складывали одежду в большой котел, заливали его водой и кипятили на костре, пока сварившиеся насекомые не всплывали толстым слоем белой кашицы. Но на другой день вши появлялись в прежнем количестве. Стали устраивать жарилки: в маленькой землянке вешали белье и докрасна топили печку. Распаренные вши лопались от жары, но все-таки не пропадали. Когда во втором эшелоне поставили специальный автобус баню, мы стали мыться регулярно, но и тогда почесывались. Ночью я вставал, снимал рубаху и гладил ее о раскаленную печь. После такой процедуры несколько часов можно было поспать спокойно. Не брал проклятых «бемолей» (так называли вшей музыканты) даже прославленный дуст. А пропали они так же внезапно, как и появились. Когда после долгой, изнурительной обороны дивизия перешла в успешное и быстрое наступление. Недаром солдаты говорили: «Вши появляются от забот и огорчений».

В ноябрьскую стынь 43-го года дивизия двигалась в лесах около Старой Руссы, вдоль берегов Ловати. На ночлег облюбовали себе одну большую землянку с длинными нарами из нетёсанных жердей, покрытых лапником. Места хватило всем: лежали вместе, тесно прижавшись друг к другу. Засветло сумели поставить железную печурку, и вскоре прорези в печной дверце замигали веселыми огоньками, а железные стенки покраснели, и стали пригревать солдатские сапоги...

Неожиданно из самого дальнего угла доносился голос Пети Петрова. Это был скромный альтист, никогда не вступавший в споры. Мастеровой парень, он все свободное время занимался починкой музыкальных инструментов.

*Ох, летят утки, – запел Петя, –
Летят утки, – подхватили соседи, –
И два гуся!*

Кого люблю, кого люблю, – загремело в землянке, –

Не дождуся...

Перед наступлением к нам прислали нового командира дивизии, генерала, участника гражданской войны. Разрабатывая план операции, он решил блеснуть – применить психическую атаку. Впереди пехоты должны были идти музыканты парадным строем и играть воодушевляющий марш.

В условиях валдайских лесных болот, да еще в местах, где немцы более двух лет строили укрепления, план генерала не мог увенчаться успехом. Мне пришлось потом познаться с немецкой линией обороны. Это был многокилометровый крепостной вал. Две бревенчатых стены в пять метров высотой и в метре друг от друга были заполнены землёй. Перед валом метров триста были заминированы. Между обгорелыми стволами деревьев, на которых осколками снарядов были сбиты все суки и верхушки, стояли сгоревшие танки, навечно остались лежать шедшие в наступление солдаты.

Нет, там нужны были не музыканты, а танки, авиация и артиллерия. Начальник политотдела отстоял музыкантов, но с тех пор начался у него конфликт с комдивом. Вскоре начальника политотдела отозвали в Москву.

Мой непосредственный командир, начальница клуба, при знакомстве с генералом предложила, чтобы дивизионный художник нарисовал его портрет для будущего музея боевого пути дивизии.

— А какое звание у художника, — поинтересовался генерал.

— Сержант...

— Сами понимаете, не могу же я сидеть и позировать перед сержантом...

Перед наступлением пришло указание отчислить сержанта Авдеева для прохождения

дальнейшей службы в истребительном противотанковом дивизионе.

Через месяц, в госпитале, в глубоком тылу, совсем ослепший, я получал много писем почти от всех музыкантов. Каждый по-своему старался поддержать...

Война продолжалась. Жизнь шла своим чередом...».

«...донести свой крест до конца»

Когда читаешь воспоминания и фронтовые письма Юрия Константиновича, то поражаешься тому, как они отличаются от того стереотипа, который сложился под влиянием книг и фильмов о Великой Отечественной. Во взгляде Авдеева на войну нет ничего героического.

... Адресат его писем – мать Мария Ивановна Авдеева. В начале войны она осталась одна в прифронтовом Серпухове, под ежедневной бомбёжкой – без мужа и трёх взрослых сыновей. Один из них Владимир погиб в первые месяцы войны.

Мария Ивановна не смогла сохранить письма сына Юрия с передовой. Те, что остались, рассказывают о следующем этапе его военной биографии, когда Авдеев был направлен командованием в дивизионный клуб. Вот несколько отрывков из писем Юрия Константиновича к матери:

17. 12. 42. «/.../Дал я вам неудачный адрес, в то место, где бываю довольно редко. И вот не был месяц, а тут за это время целая куча писем накопилась. Посылка тоже пришла очень давно, но я её еще не получил, вышло так, что пришел сюда за ней, а ее только что переслали мне туда, где я был; так что я теперь ее получу не раньше, чем дней через десять, как раз к новому году. За посылку большое спасибо, чтобы там ни было — все это дорого, потому что это из дома. Память о доме, — о нем мы вспоминаем каждый день. Но вообще вы насчет этого не беспокойтесь. Мне сейчас ничего не нужно. Но вот, если вы сможете устроить посылку из моих материалов, то сделайте это, пожалуйста, и поскорей, потому что посылки будут принимать, кажется, только до нового года.

Посмотрите там кисти, особенно акварельные, мягкие, круглые и плоские, и несколько щетинных, мелких и средних. Это мне очень нужно, а их достать невозможно здесь. Очень нужны акварельные кисти, но их, кажется, у меня дома не было. Если там где-нибудь найдется, клей столярный или казеиновый. Такие вещи мне нужны в первую очередь. А там, если <зачеркнуто> успеете, то положите из масляных красок — белила, яркие желтые — кадмий, хром, стронциановая, охра, сиена натуральная. Что-нибудь из зеленых, красных и ультрамарин. Также альбом мой, там, кажется, только один с желтой бумагой, и если найдутся, то кусочки

грунтованного холста и картона, хоть маленькие, даже записанные старые, все равно.

Я вообще живу хорошо, пользуюсь авторитетом у начальства, но если у меня будет материал, то можно будет развернуться и показать, на что способен. Тогда авторитет еще больше увеличится /.../.

Можешь поздравить. Я теперь гвардеец, звание нам присвоили 9 декабря в центральных газетах. Подал я в партию. Неудобно работать в политотделе и быть беспартийным. После чуть ли не целого года на передовой, мне сейчас о большем и мечтать нечего. Еще летом был представлен к награде, но потом мы перешли на другой участок фронта, и так это дело затерялось. Но об этом тужить нечего. Лучшая награда это принести домой свою голову целой /.../».

29.5.43. «/.../Посылаю сейчас тебе свою фотографию последнюю и статью обо мне/.../».

8.7.43. «/.../Можешь меня поздравить. Получил правительственную награду — медаль за «Отвагу». От вас я очень давно не получал писем, стал беспокоиться /.../».

5.10.43. «/.../Ты просишь меня писать подробней. Но что? Ведь день изо дня — одно и то же. ...Ездить я люблю. Сколько впечатлений получаешь на дорогах, особенно сейчас, на фронтовых дорогах — «на дорогах войны»!

Один мой альбомчик — дневник в рисунках — я так и назвал. Машина идет по ровному, бревенчатому настилу. В этих местах грунтовых

дорог нет — кругом непроходимые болота. Вся дорога — гигантский мост. Кругом избитый, поломанный, пораненный осколками лес. Сворачиваем на настоящую довоенную булыжную дорогу. По этой дороге вообще машины не ездят. Она не так давно отбита у немцев, и сейчас они находятся неподалеку. Дорога простреливается. Мы едем лишь потому, что у нас всего три машины, едем в виде разведки, а этой дорогой мы проедем вдвое ближе. Основные колонны идут обходом. Воронки кругом, и вдоль шоссе, и на шоссе. Посреди дороги дзоты, их трудно объезжать тяжелогруженым машинам, да ещё с прицепленными пушками. Кругом следы недавних боев, подбитые и сгоревшие танки. Наших больше. Лес настолько сильно иссечен, что деревья стоят как телеграфные столбы, одни совершенно голые стволы. Подъезжаем к мосту. Здесь схватка была особенно жаркой. Один наш танк пересек реку, взобрался на берег и уперся в дзот, и, наверное, подорвался. Дальше дорога уже совершенно заросла, по ней уже совсем не ездят. Здесь немец от нее не больше, чем в 1,5 км. Кругом мелкий кустарник, вдали лес, там — немцы. С дороги свернуть нельзя ни на шаг — там минные поля. Машина рвет так, что вода кипит в радиаторе. Проехали. Начались неполадки — то пушка отвязалась, то машина ерундит. Добрались к вечеру. Когда-то тут был крупный населенный пункт, сейчас от него нет и следа. Лишь голые, обгоревшие деревья, уса-

женные вдоль дороги аллеей, говорят о том, что здесь было село. Останавливаемся в лесу. Здесь до нас стояла часть, с которой мы обменялись местами. Они здесь отдыхали, но солдатский отдых, это отдых от пуль и снарядов, а в остальном это усиленная, напряжённая работа. Видно, что люди поработали здорово. В лесу — целый городок. Везде, тут и там в кустах, прячутся маленькие домики. Мы их занимаем. Устраиваться будем, когда придет основная колонна — завтра, после завтрака. А пока закутываемся в шинели, забираемся в палатку, сумку под голову и спать. День кончился. А завтра? Завтра немного иначе, но в основном — то же, война, жизнь солдатская. Все в руках судьбы. Как она повернет, предугадать нельзя/.../».

2/XI–43. «/.../ Наконец удалось выполнить твоё желание, сфотографировался, и получил — очень жаль, что только единственную фотографию, которую и посылаю тебе. Распоряжайся ей на своё усмотрение, хочешь — оставь себе или в музей. Эта фотография в известной степени польстила мне, ибо вид я имею более ободранный.

Сейчас я опять пока в клубе, но временно. Делаю всякое оформление. Праздник, да ещё бестолковщина создают массу работы. Вчера, например, приказали все оформление из офицерского клуба снять. А ночь темная, за два шага даже силуэта не видно. Кое-как добрались до него с керосиновым фонарём, сняли. На обратном

пути фонарь потух. Насилу дошли по колено в грязи. Но раз сняли, то, мы думали, что, наверное, снова переезд. Поэтому утром собрались идти на бывшую немецкую оборону этюды писать. Я уже написал там несколько этюдов — характернейший пейзаж фронта. А утром приказ: повесить всё снова. Весь день был занят этим. А работы и кроме этого масса. Погода же так и тянет к краскам. Прекраснейшая осень, даже здесь на севере и то вторично набухли почки. Всё покрыто легким туманом и лишь последние чёрные листья траурным знаменем развиваются по ветру. Никогда раньше мне не приходилось писать осень в полной мере, а сейчас она настолько отвечает моему настроению, что больно терпеть без пользы даже один день. Но, впрочем, это уже область искусства /.../».

4.11.43. «/.../ Послал тебе вчера письмо и фотографию, а сегодня получил от тебя. И ещё раз прошу тебя — не беспокойся, не трать нервов. Ведь этим ничему не поможешь, а в известной степени твои страхи напрасны. Если ты будешь так реагировать на письма, то придётся и мне писать так же, как отец:

— «Жив, здоров, Иван Козлов».

То, что тебе рассказывал Трофим, правда, но это прошедшее, пережитое, и сейчас всё уже другому. 42-ой год и 43 — две вещи разные. Приходится, конечно, всего хлебнуть, но уже не в такой степени. Условия стали несравненно лучше, и если мы в прошлом году считали свой фронт

паршивым, то сейчас наоборот: для нас будет хуже, если попадём на другой. Да и за два года здесь уже все места сроднились. Несмотря на тяжёлый груз пережитого, я, пожалуй, чувствовал бы себя обездоленным, если бы пришлось пройти мимо этого. Война отняла у меня много, но много и дала. Она помогла мне понять себя, установить мирозерцание, очистила душу от всякой накипи, заставила понять в жизни главное. Она обогатила меня как художника /.../».

5.11.43. «/.../Какие огромные средства вкладываются в войну. И что? Сейчас у нас успех только потому, что страна сказочно богата. И как противоположность — в столь богатой стране — народ всегда был нищий /.../».

22.1.44. «/.../Когда же это все кончится? Действительно большая сила нужна, чтобы донести свой крест до конца. Крепись! — говорю я себе/.../».

6.2.44. «/.../Сегодня наш фотограф поехал в Москву. Я передал с ним свои этюды, он должен их передать жене Петра Ивановича. Жалею, что очень спешил, не успел написать никакого объяснения к этюдам, как хотел раньше/.../».

16.3.44. «/.../Пока остановились, и стоим на том же месте, где писал последнее письмо, недавно <зачеркнуто цензором>. Но со дня на день начнутся опять бои и, конечно, опять предстоит движение. Опять в дни перерыва между боями занимался портретами. В такие дни всегда весь наш клуб работает, несмотря ни на какую обста-

новку. А обстановка для нас в последнее время была тревожная. <...> Наша часть единственная, имеющая такой коллектив. Сегодня, например, давали ребята концерт — большой успех и благодарность от генерала всему составу. А я с Петром Ивановичем тоже составная часть их программы, — наши декорации и портреты героев, с которыми они выступают в литмонтаже. <...> О творческой работе, конечно, думать не приходится. Все время радуюсь, что хоть те этюды отослал, а то бы здесь пропали. Кстати о них. Повез их наш фотограф — Семен Кириллович Галадж. Но у него было столько поручений, что к жене Петра Ив<ановича> он их снести не успел, и они остались на квартире у его матери. Живет она в Москве, Софийская набережная, д. 28, кв. 9. (вход со двора, направо), но для того, чтобы застать ее, надо прежде договориться по телефону К-4-30-30, доб. финотдел. Спросить Галадж Марию Артемьевну.

/.../ сейчас, несмотря на блестящие успехи, на материальное благосостояние армии, прекрасное питание и пр., все просыпаются и ложатся с одним вопросом, — когда же? Всякой веревочке конец бывает, а эта, сделавшись петлей для миллионов людей, всё ещё тянется /.../».

4.4.44. «/.../Работы столько, что и спать некогда. Начались действия, а в такое время мы все работаем санитарями в санбате. Работаем почти по 20 часов в сутки, придешь оттуда, не

успеешь сесть, как заснул. Да и сон-то удивительно крепкий — что там пословица: «хоть из пушки стреляй». Такие выстрелы меня вообще не будят, а тут недавно где-то рядом разорвался снаряд очень сильный, даже в землянках все попадало и стекла вылетели, все проснулись, и лишь я один спал сном праведника. Обстановка тяжелая, но пока все благополучно. Может быть, дай Бог, скоро из этой каши выберемся и вздохнем спокойней. От судьбы не уйдёшь, и живи так, как судьба распорядится. Пока она меня не подводила/.../».

14.4.44. «/.../Нам дан буквально приказ — участвовать на выставке художников-фронтовиков в Ленинграде. Некоторые из отосланных этюдов могли бы с успехом быть использованы, но, может быть, лучше, что их нет, это дает толчок извне к творческой работе. <...> Живу не плохо, хоть в паршивом, но доме, и даже давно забытая роскошь — подушка — под головами имеется. Удивительна сила привычек. Привык вместо подушки класть шапку под голову, и сейчас даже на подушке без шапки спать неудобно/.../».

18.4.44. «/.../Ты меня очень обеспокоила своим предложением выставки. Этюды эти — материал для будущих работ, как самостоятельные единицы из них могут фигурировать только два-три. А потом, что они могут представлять без моей личной обработки, — ведь даже и названия им дать без меня правильно никто не сможет/.../».

22.4.44. «/.../Я сделал эскиз картины «Возвращение» — солдат вернулся с фронта домой, и не нашел ничего. Разрушен дом, ни семьи, ни друзей, и стоит он на фоне безотрадного пейзажа, у черной, как могила, ямы на месте бывшего дома. Впечатлений для этого больше чем достаточно, и зрительных, и внутренних. Каждый из нас похоронил в какой-то могиле часть своего прошлого, и пока еще надеяться не на что. Выхода еще нет, и хотя показался на горизонте лоскуток светлой зари, но тучи еще не очистили небо. <...>

В доме обстановка для работы мало подходящая, у хозяев большая семья, куча детей, весь день крик, плач, суета. Нравы здесь достойны удивления, страшно режет уши мат, принятый за обычное в домашнем обиходе, ругаются и мужчины, и женщины, не считаясь ни с посторонними, ни с детьми. Но в то же время, несмотря на всю свою бедность, они гостеприимны, и в материальном отношении живем мы неплохо, впервые за три года хоть пожили в человеческих условиях/.../».

25.4.44. «/.../Отвечаю на твои доводы в пользу выставки. Все это совпало для меня с моментом душевного разлада, когда я, как никогда, переосмысливаю все — в том числе, и себя. Для того, чтобы видеть изображение, нужно расстояние. Поэтому я уверен в том, что моему поколению не суждено создать «Войны и мира». Этот Толстой еще не родился... Мое поколение подобно ущербной луне/.../».

В Михайловском, у Пушкина

В июле 1944-го Юрий Константинович с горечью увидел, как фашисты испога-нили заповедник Александра Сергеевича Пушкина в Михайловском.

...Пушкинский край был захвачен врагом в июле сорок первого. В начале войны, отступая к Новоржеву, наши части оставили Пушкинские горы без боя, чтобы не нанести урона заповеднику. Там не оставалось ни вооружённых сил, ни военных сооружений.

Однако фашисты бомбили заповедник. Были сброшены бомбы и на Святогорский монастырь. Одна легла неподалёку от пушкинского надгробия, оставив глубокую воронку. Несомненно, целили в могилу поэта.

В музее-усадьбе Пушкина поселился карательный отряд. Немцы варварски уничтожали величайшие ценности. Библиотека поэта служила карателям для растопки печей. В Германию были вывезены мебель и картины, другие экспонаты.

В феврале сорок четвёртого с территории Пушкинского заповедника, превращённой немецкой армией в укреплённый район, были выселены практически все русские. Михайловское немцы превратили в минное поле. В окнах дома великого поэта торчали пулемёты.

Во время боевой операции по освобождению Пушкиногорья наше командование дало

строгий приказ ни в коем случае не стрелять по Михайловскому, чтобы не повредить и не уничтожить его памятники.

Святогорский монастырь (1569) в годы Великой Отечественной войны был полностью уничтожен. При отступлении фашисты и здесь заложили почти 4 тысячи мин. Они также намеревались взорвать могилу поэта.

Потом в заповеднике и монастыре почти пять лет работали сапёры.

...Времени было немного, но Авдеев успел сделать рисунок заминированной могилы поэта.

На ней была табличка с надписью: «Могила Пушкина заминирована. Входить нельзя. Ст. лейтенант Старчеус».

Когда рисовал, Юрий Авдеев вспомнил фразу Л.Н. Толстого: «Чехов – это Пушкин в прозе».

Спустя годы Юрий Константинович стал для чеховского Мелихова таким же ревностным хранителем, как другой бывший фронтовик – Семён Степанович Гейченко для пушкинского Михайловского. Авдеев и Гейченко переписывались.

Слепота

Последнее, третье, ранение, полученное Юрием Константиновичем в Латвии осенью 1944-го, было самым страшным.

Как-то на берегу Рижского залива рядом разорвалась мина. Авдеев очнулся в госпитале и понял, что стал слепым.

Из воспоминаний Юрия Константиновича:

«/.../Годы войны и фронта, изломившие душу и тело, в то же время дали большой жизненный и творческий опыт. И вот в момент, когда, собрав весь нужный этюдный материал, я уже приступил к осуществлению своих замыслов, вдруг катастрофа – ослеп / .../».

Жажда жизни была настолько сильной, что ему помогали даже те методы, в которые не верили сами врачи.

После пяти лет лечения в госпиталях (1944-1949) зрение частично и ненадолго вернулось. Восстановилась точка в центре левого глаза, которая, по словам Юрия Константиновича, позволяла ему четко различать в книге две-три буквы.

Зная, что улучшение носит временный характер, он использует это время для чтения книг, в основном А.П. Чехова.

Пытался писать рассказы. Было вроде бы и не плохо, но до конца не доводил.

В «госпитальные» годы боковым зрением правого глаза он стал видеть цвет почти так же, как прежде. Цветом он и стал насыщать свои новые картины.

«Подвижники нужны, как солнце...»

Чеховская усадьба заросла бурьяном. В полуразрушенном флигеле, где была написана «Чайка», висел портрет Сталина да несколько фотокопий. От столь любимого Левитаном сада уцелели лишь несколько лип и тополей.

Ещё в 1929 году обрушился усадебный дом. Он был разобран на хозяйственные нужды колхоза. На месте чеховского дома, где так любили гостить многочисленные друзья писателя, проходила дорога...

Грустные руины, какие Авдеев видел на дорогах войны. Но здесь был тыл. И это притом, что ещё в 1944 году правительством было принято решение о восстановлении мелиховской усадьбы.

Из воспоминаний Юрия Константиновича:

«/.../ Перед войной я писал портрет Чехова для только что организованного в Мелихове филиала Серпуховского музея. Тогда мне всерьез предложили поехать в новый музей директором. Но я испугался деревни, отрыва от художественной жизни, одиночества.

Теперь бы такое предложение было желанным. В самом деле, музейный работник должен понимать искусство, иметь развитый художественный вкус /.../».

В 1951 году он пешком пришёл в Мелихово и стал работать директором музея.

В 50–70-е годы прошлого столетия в СССР возрождались многие мемориальные музеи-заповедники: А.С. Пушкина в Михайловском, Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове, М.Ю. Лермонтова в Тарханах, А.П. Чехова в Мелихове...

Одни обрели жизнь после легкомысленного забвения и опустошения, другие восстанавливались после разрушений в годы войны. Ни раньше, ни позднее столь массового возвращения к жизни музеев-заповедников отечественная история не знала.

Из воспоминаний Юрия Константиновича:

«/.../ А люди шли и шли, спрашивали, почему от усадьбы великого писателя так мало осталось, спрашивали требовательно, как будто именно мы и виноваты в этом.

Много лет спустя, когда все было восстановлено, когда /.../ посаженный нами молодой сад успел постареть, я пришел к мысли, что люди шли не за тем, чтобы посмотреть фотографии и книги или даже рукописи, /.../ а шли, чтобы поклониться земле гения, заглянуть в зеркала прудов, которые он видел, подышать тем же воздухом /.../».

Именно Антона Павловича Л.Н. Толстой когда-то назвал «несравненным художником жизни» и добавил:

«/.../ Достоинство его творчества в том, что оно понятно и близко не только каждому русскому, но и всякому человеку вообще /.../».

Век минувший подтвердил эти слова. Чехов – самый читаемый, самый переводимый русский классик в мире.

В Мелихово писатель провел семь плодотворных лет жизни (с 1892 по 1899), создав более 40 литературных произведений, среди них «Палата № 6», «Дом с мезонином», «Мужики», «Человек в футляре», «Черный монах», «Моя жизнь», «В овраге», «Ионыч», «Чайка», «Дядя Ваня»...

Но кто тогда, в трудные послевоенные годы, мог поверить, что Юрию Константиновичу и его жене – главному хранителю музея Любови Яковлевне Лазаренко, которая на многие годы стала глазами Авдеева, удастся не только возродить чеховское Мелихово, но и сделать его всемирно известным?

Нужно было провести огромную работу: изучить письма, дневники и записные книжки Чехова, собрать воспоминания современников, найти экспонаты для музея, создать экспозицию. Чеховские реликвии поступали в мелиховский музей отовсюду – от родных, друзей и знакомых.

Многие детали и подробности мелиховского быта сообщила сестра писателя Мария Павловна. Благодаря ей удалось собрать немало вещей, вывезенных из Мелихова: письменный стол, за которым работал здесь Антон Павлович, его кровать...

Полную обстановку столовой, от обеденного стола до посуды и салфеток, а также фото-

графии и документы передал музею племянник писателя Сергей Михайлович Чехов.

Мария Павловна и Сергей Михайлович обнаружили также в семейном архиве план имения.

Выдающаяся русская советская актриса, вдова А.П. Чехова Ольга Леонардовна Книппер-Чехова в письме, присланном к открытию в 1951 году памятника Антону Павловичу в Мелихове, писала:

«/.../ Мелихово, которое оставило большой неизгладимый след в жизни писателя, которое он так любил и был привязан всей своей большой поэтической душой. В его повестях, рассказах и письмах много раз возникает дорогое сердцу Мелихово, которое было предметом его самых сердечных забот и беспокойств, касался ли вопрос воспитания деревенских ребятишек или медицинской помощи, он сам сердечно и скромно помогал созданию первой школы в Мелихове и сам заботливо лечил всех приходящих к нему больных.

Как писатель он нашел в Мелихове богатый источник огромных жизненных наблюдений. Здесь в Мелихове он вновь хорошо узнавал русскую жизнь, русскую природу, русских людей, которых он бесконечно любил /.../».

В 1954 году, к пятидесятилетию со дня смерти А.П. Чехова, усадьба приняла опрятный вид. Восстанавливались флигель и сад. В служебном здании была открыта литературная

экспозиция. Стали проходить экскурсии по территории заповедника и по местам, связанным с жизнью Чехова в Мелихове.

Мелиховский дом возводили вновь на старом фундаменте. И вот в январе 1960 года, когда отмечалось 100-летие со дня рождения А.П. Чехова, в нём наконец-то зажглись огоньки. Восстановительные работы в усадьбе полностью закончились.

Именно о таких самоотверженных людях, как Авдеев, Антон Павлович Чехов писал:

«В наше больное время... подвижники нужны, как солнце... Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что... есть ещё... люди подвига, веры и ясной сознанный цели... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав».

Талант Авдеева, как свидетельствуют очевидцы, ярко проявился в том, что он стремился «незамузеить музей», одухотворял предметную экспозицию, оживлял в ней дух чеховского времени.

В 1961 году Мелиховский музей был реорганизован в Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А. П. Чехова.

Узнавал по голосам...

Юрий Константинович не мог самостоятельно читать. Но как дар

судьбы у него – феноменальная память. Помнил наизусть все рассказы Чехова, 12 томов его писем, всю бухгалтерию музея, телефоны.

Авдеев – автор первого путеводителя по музею-заповеднику «В чеховском Мелихове». Возможно, именно тогда, во время работы над путеводителем, впервые проявились его незаурядные литературные способности. Член Союза писателей СССР, он написал 12 книг о Мелихове и других чеховских местах Подмосковья, воспоминания и о Великой Отечественной, и о возрождении музея-усадьбы.

В воспоминаниях он признаётся, чего ему стоил писательский труд:

« /.../ Процесс письма вслепую мучителен до головной боли /.../ ».

Но на конференциях Юрий Константинович, который ходил в больших толстых очках, всегда очень уверенно держался, замечательно говорил.

И мало кто подозревал, что этот удивительно скромный человек практически ничего не видел. Он старался, чтобы не замечали его слепоты.

Лишь немногие ведали: Юрий Константинович узнает их только по голосам...

Музей-театр

В истории Мелиховского музея 1982 год отмечен рождением новой тради-

ции. В естественных декорациях чеховской усадьбы актёры Липецкого театра драмы поставили спектакль по пьесе А.П. Чехова «Чайка». Получила реальное воплощение совершенно новая идея Авдеева – соединение музея с театром.

С тех пор театральный фестиваль в Мелихове проводится ежегодно, обрёл популярность в стране и за рубежом.

Известный театровед, друг Авдеева и мелиховского музея Татьяна Константиновна Шах-Азизова, вспоминала о Ю.К. Авдееве:

«Тихий, неторопливый человек, с палочкой, негромко говорящий на изумительно вкусном русском языке, который уже и не сохранился (разве что у эмигрантов). Он принимал всех, кто приезжал в Мелихово, как родных. И обаяние Мелихова было в этой дивной патриархальности, которая теперь уходит из нашей жизни и из Мелихова тоже».

«Обрывки этой тёплой жизни становятся дорогим воспоминанием, – рассказывала Татьяна Константиновна. – Приехал из Москвы автобус, переполненный мхатовцами. Помню Олега Ефремова в авдеевской избушке, который говорил, что он никуда отсюда не поедет, ни на какую конференцию, он хочет жить тут. Они удивительно сдружились с Ю.К. Авдеевым».

«Знаменитая страница жизни Мелихова связана с Липецким театром, – вспоминала Шах-Азизова. – Приехали провинциальные ак-

тёры, немножко с апломбом. В ту пору, может быть, даже не слишком культурные. И что-то Авдеев с ними сделал. Зрительно помню этот тёмный вечер, непогоду. Все набились в избу. Авдеев тихо о чём-то говорил с актёрами. Потом Владимир Пахомов плакал. Что называется, «человека перевернуло»: что-то с ним случилось. С той встречи началась огромная полоса в русской культуре, когда провинциальный Липецк стал чеховской столицей России. И с тех пор каждый год, без перерыва, они приезжали в Мелихово к Авдееву, а потом в память о нём».

Т.К. Шах-Азизова считает, что нуждается в анализе тема «Авдеев и Чехов», потому что «Авдеев много сделал для Чехова»:

«Их встреча – не случайна. Авдеев принадлежал к типу людей, любимых Чеховым, – к подвижникам».

Символ Родины

Характерная особенность творчества Авдеева-художника: писал ли он про войну или совершенно мирные сюжеты, он старался повсюду изобразить цветущий иван-чай.

Это видим и на этюде с иван-чаем и солдатскими касками, и на большом полотне «Иван-чай», над которым Юрий Константинович работал долгие годы. Отгремела война. Художник знал, сколько в лесах и болотах под Старой Рус-

сой и Ленинградом осталось не похороненных однополчан. По словам его близких, часто говорил об этом.

Об этом и картина «Иван-чай». На поляне – сгоревший танк, поколенные деревья, рядом с землянкой лежит забытый всеми солдат. Место его гибели заросло полыхающими цветами иван-чая. Всё тленно, но природа вечна.

Авдеев вспоминал, что иван-чай сопровождал их всю войну. Его сиренево-розовые цветы первыми появлялись на развалинах и пожарах. Скромное это соцветие у Юрия Авдеева стало символом упорства и целеустремленности, скорбной фронтовой памяти и страстной жажды жизни, символом её возрождения.

Да, у каждого из нас – свой образ Отечества.

И для меня, как и для фронтовика Авдеева, иван-чай, простой цветок, который в нашей стране так широко распространён, символизирует Россию, её жизнестойкость, красоту.

Ощущением «с чего начинается Родина» (моё послевоенное поколение любило эту песню!) ненавязчиво одарила меня сама природа. Оно возникло ещё в детстве и, к счастью, осталось с годами неизменным.

Сколько раз горела Россия – и в огне отечественных войн, и в огне междоусобных распрей!

Но Бог милостив: никакие враги никогда не смогут сжечь Россию дотла. Она – бессмертна! В это я твёрдо верю.

Россия спасается и возрождается из века в век. И из века в век одним из первых на гаях, руинах вырастает иван-чай, заживляя раны Русской Земли.

Иван-чай – живой и вечный символ. Он олицетворяет многовековую историю Отечества.

В огне пожаров одного из самых трагических для Отчизны лихолетий – Великой Отечественной войны нередко гибли и леса. Казалось, что никогда не вырастет тут, на этой чёрной, страшной земле, ни кустика, ни травинки...

Но там, где ещё недавно всё было выжжено, почти сразу вырастал иван-чай. Широко разливался вокруг, обживая вчерашнее пепелище, нежный малиновый цвет. Как свидетельствуют очевидцы, не успел оглянуться, а иван-чай и вырос...

Спасибо ветру! Семена цветка-новосёла на пушистых парашютиках приземлялись то на одном, то на другом пепелище.

Однако недолго лилово-розовые цветы иван-чая были в одиночестве на выжженной земле. Под их защитой поднялись, затем зашумели листьями на ветру берёзы, осины, сосны. Иван-чай проложил дорогу новому лесу.

Не случайно Константин Георгиевич Паустовский, произведениями которого зачитывается не одно поколение читателей во многих странах мира, назвал иван-чай самоотверженным цветком, цветком-защитником.

Не только на селе, но нередко и в городе иван-чай подступает к самым окнам наших домов.

Что же он хочет пожелать нам, живущим в России, обустроившейся на пепелище 90-х годов прошлого, XX века?

Наверное, видеть в окружающем нас мире побольше доброго, светлого и не опускать руки перед трудностями.

Жертвуя собой, иван-чай служит нам, как и нашим предкам, прекрасным целебным напитком. Он вновь и вновь напоминает:

«Люди, берегите Россию, родную природу, и они защитят не только вас, но и ваших потомков!»

Сегодня разрушаются отечественная культура, образование, наука, медицина, социальная сфера, сельское хозяйство. То и дело горят леса. Нашей стране грозит демографическая катастрофа.

Враги России потирают руки.

А что мы? Кто-то в бессилии их опускает, кто-то протестует... А кто-то тихо жертвует собой, как иван-чай, чтобы людям стало немного теплее. Тем, кто пытается возродить Россию.

Это – делатели. Как и всегда, их немного. Но ведь и каждый из нас, кем бы он ни был, может приносить в нашу жизнь что-то доброе для города, села, где он родился или живёт, а значит, и для всей России.

Живи вечно, иван-чай! Живи вечно, Россия!

Художник, открывающий нам мир

Несколько лет назад мне довелось познакомиться и побывать в доме дочери Ю.К.Авдеева – литературоведа Ольги Юрьевны Авдеевой-Усковой, которая живёт в подмосковном городе Чехове. Она показала мне фотографии, воспоминания, книги, документы отца, его фронтовые письма, этюды и наброски, картины, посвящённые Великой Отечественной.

В семейном архиве сохранилось несколько военных этюдов и два десятка рисунков.

Из воспоминаний Юрия Константиновича: «/.../Думал ли я тогда, что фронтовые этюды будут подсобным материалом для дальнейшей творческой работы?!

Но судьба распорядилась иначе – они стали самостоятельными, как документы эпохи /.../».

Самые лучшие из военных этюдов Авдеева были взяты на выставку художников Северо-Западного фронта и не вернулись. Целый ящик из-под снарядов, набитый этюдами и рисунками, погиб под обстрелом.

В домашнем собрании и в музеях сохранилось лишь полсотни этюдов, которые в 1943 году вывез в Москву его друг-кинооператор Семён Кириллович Галадж. После войны их много раз показывали на выставках.

Сейчас большая часть фронтовых работ Авдеева находится в Государственном истори-

ческом музее, много этюдов – в Новгородском историческом музее. Тусклые, потемневшие от времени, они приближают к нам суровые военные годы.

– Искусствоведы говорили мне, – рассказывала Ольга Юрьевна, – о том, что в довоенном автопортрете Авдеева, в глазах художника – предчувствие трагедии. Это верно. Он будто предвидел, что придётся пережить нечто более страшное, чем даже смерть.

О цене нашей Победы Авдеев размышляет и в послевоенных работах – например, в картине-фантазии «Георгий Победоносец», столь не характерной для атеистических советских лет. В удивительно ярких, чистых красках ликует полнозвучие цвета, поёт любовь и... чувствуется горечь потерь.

По словам Ольги Юрьевны, музей-заповедник, по которому Авдеев так любил водить экскурсии, забирая у него много душевных сил и времени.

Но при всей занятости Юрий Константинович в первую очередь всегда оставался художником. Несмотря на недуг, с каждым годом он писал всё больше – оставил почти триста картин.

Особенно часто рождались пейзажи Мелихова, где Авдеев знал каждый уголок. Но этими границами его творчество не замыкалось – жизненные впечатления фильтровались и являлись на холстах сложившимися образами. Одна из

причин: тяжёлая контузия, необычайно обострившая внутреннее зрение, направившая волю художника на выражение этической и эстетической сущности, а не на внешнее обличие созерцаемого. Другая причина – приятие Авдеевым существа художественного метода Чехова.

– В среде искусствоведов нет единого мнения о творческой манере отца, – говорит Ольга Юрьевна. – На мой взгляд, правильно поняла суть эволюции, произошедшей в его живописи Е.В. Орлова: от академической манеры к своей, найденной в мучительных поисках. Чем старше он становился, тем смелее писал, опираясь только на свет и цвет.

Авдеев-художник – замечательный художник-философ, безгранично влюблённый в Чехова и природу родного Подмосковья, – явление ещё в полной мере не оценённое: ведь при жизни у него не было ни одной персональной выставки в столице. Да и вообще о том, что Юрий Константинович – профессиональный художник, знали лишь самые близкие люди. Он мало кому показывал свои работы.

Видение духовного смысла, а не цветовая красивость – вот задача художника. Философский подход, экспрессивность языка делают неповторимыми, самобытными многие работы Юрия Константиновича, как в выражении, казалось бы, импрессионистических мотивов («Дождь», «Цветёт сирень», «Весна», «Хоро-

вод»), так и в трактовке православных образов и сюжетов.

Поэтому-то он часто пишет храмы как символ духовности. Строгостью цветовой гаммы и композиции отличаются авдеевские картины «Мелиховская церковь» (1967), «Храм Рождества Христова» (1970).

Наиболее полно, глубоко эти мотивы ощущаются в «Прощании». На этом полотне, законченном в 1986-м, за год до кончины Юрия Константиновича, на фоне тревожного заката изображён мелиховский храм, который отражается в тёмных водах озера.

Какие мысли рождались у художника, когда он давал картине такое название? Печальные они были или светлые? Это осталось тайной.

...Ряд его послевоенных картин приобрётён Гуманитарным центром «Преодоление» имени Николая Островского (Тверская улица, д. 16). Этот необычный музей, выживший в самом центре Москвы, дважды – в 2004 и 2008 годах – устраивал выставки мелиховских пейзажей и фронтовых рисунков Юрия Авдеева.

В 2005 году музей издал альбом «Опалённые войной» (в серии «Богатыри духа»), одним из героев которого стал Ю.К.Авдеев. Когда была учреждена медаль Николая Островского, Ю.К. Авдеева (посмертно) наградили ею одним из первых.

**«...с нового года я начну аккуратно отвечать
на письма»**

В 1987-м, после кончины Юрия Константиновича, фонды Мелиховского музея-заповедника насчитывали 17 тысяч единиц хранения.

Авдееву удалось не только восстановить чеховский дом, флигель-кухню, сад, но и отреставрировать церковь и две школы, построенные Чеховым, организовать четыре филиала музея.

В здании школы, построенной Чеховым в Мелихове, при Авдееве разместилась экспозиция «Земская школа конца XIX столетия». На стене классной комнаты можно было видеть выданный ученику Ивану Стопкину похвальный лист, на котором стоит подпись попечителя школы А.П. Чехова.

Готовясь к 150-летию А.П. Чехова, реставраторы раскрыли обшивку, более 100 лет защищавшую школьное здание в Мелихове. Как, увы, у нас водится, они ... бросили, не довели дело до конца. Ныне там полная катастрофа: подлинная чеховская школа разваливается. И эта школа сегодня, когда целенаправленно разрушается и вся система традиционного отечественного образования, поистине трагический символ.

В здании другой бывшей школы одной из окрестных деревень – Новоселки при Авдееве создан ещё один филиал музея-заповедника, где

экспонируются картины Николая Павловича Чехова, брата писателя. Этому филиалу повезло больше. К юбилею Антона Павловича его отремонтировали, правда, только поверхностно, но открыли здесь новую, неплохую литературную экспозицию.

В деревне Крюково, куда А.П. Чехов часто выезжал к больным, при Авдееве появился филиал музея — «Медицинский пункт доктора Чехова». Сейчас этот филиал вообще закрыт. Экспозицию из Крюкова перенесли в Мелихово, где открыли якобы чеховскую амбулаторию, которой прежде не было. Теперь посетители думают, что у Антона Павловича было отдельное здание для приёма больных.

Обозреватель одного из телеканалов в дни юбилея тоже выражал прямо в эфир своё недоумение: мол, как это Павлу Егоровичу, отцу Чехова, могли мешать больные, если амбулатория находится так далеко от дома.

На самом деле Чехов принимал больных в своем кабинете в усадьбном доме, а потом и во флигеле. Больные ждали приёма в усадьбе с пяти утра и, конечно, мешали...

В 2001 году в подмосковном Чехове — бывшей Лопасне — в рамках Дня города состоялось открытие памятной доски, посвященной Юрию Константиновичу Авдееву. Скромную, но благородную доску из белого мрамора повесили на стене здания «Музея почты» — филиале Мелиховского музея-заповедника.

Этот музей находится в здании где, 2 января 1896 года, по инициативе А.П. Чехова было открыто Лопасненское почтовое отделение.

«/.../ С нового года у нас открывается почтовое отделение (Лопасня, Моск. Губернии) с ежедневной выдачей корреспонденции; стало быть с нового года я начну аккуратно отвечать на письма», — писал А. П. Чехов редактору журнала «Нива» А. А. Тихонову 28 декабря 1895 года.

В мелиховские годы (1892—1899) у Чехова было около 400 корреспондентов. Им было написано более 2 тысяч писем (известных и опубликованных), в основном доставленных через Лопасненскую почту.

— Этот деревянный дом, которому перевалило за сто лет, — рассказывает Ольга Юрьевна, — стал последним музейным детищем отца. Смертельно больной, Юрий Константинович сумел сохранить для отечественной культуры этот памятник городского быта и реалию чеховской биографии — добился отселения жильцов, провёл реставрационные работы, создал мемориальную экспозицию.

Отечество Небесное

Авдеев возглавлял музей до последнего дня своей жизни. Он похоронен с супругой Любовью Яковлевной у левого придела храма Рождества Христова в Мелихово.

...Храм был построен из ели в 1757 году и 16 марта 1759 года освящён в честь Рождества Христова.

К концу XIX века храм пришёл в ветхость. В 1892 году в Мелихово поселяется Антон Павлович Чехов с семьёй. Писатель принял деятельное участие в обновлении храма. В 1896 году, по просьбе крестьян, Чехов его расширил: были обновлены два придела, построена колокольня с «зеркальным крестом, видимым за восемь вёрст».

Антон Павлович здесь пел на клиросе вместе с отцом и родственниками, жертвовал значительные средства, часто упоминал храм в переписке с друзьями.

В 1930-е годы храм и чеховские постройки в усадьбе были разрушены, брёвна растащены... От храма сохранилась лишь старая часть.

Новейшая история храма началась в 60-е годы XX века, когда усердием Авдеева, внучатого племянника А.П. Чехова художника Сергея Сергеевича Чехова храм был отреставрирован.

В 1994 году шла очередная реставрация. Но под праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы храм сгорел.

В 1999 году на старом фундаменте по старым обмерам он был вновь построен. Основным материалом, как и для прежнего храма, была взята ель.

26 августа 2007 года Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский, Патриарший

наместник Московской епархии, совершил великое освящение возрождённого Христорождественского храма в селе Мелихово. Архипастырь передал в дар храму образ Божией Матери «Неопалимая Купина».

Затем митрополит Ювеналий направился на приходское кладбище, где возложил цветы к надгробиям С.С.Чехова и других родственников писателя и Ю.К.Авдеева. Владыка пропел им «Вечную память».

27 января 2010 года в Мелихово прошло торжественное мероприятие, посвящённое открытию юбилейного года, на котором присутствовали губернатор Московской области Б.В. Громов, члены организационного комитета по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения А.П. Чехова, Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, руководители чеховских музеев, исследователи творчества писателя.

Гости возложили цветы к памятнику А.П. Чехова, на могилы потомков писателя, Ю.К. Авдеева, присутствовали на литии в храме Рождества Христова.

Перед богослужением Владыка обратился с кратким словом к собравшимся:

«Церковь по-своему отмечает даты людей: в первую очередь — молитвой. Это святое место неразрывно связано с жизнью Антона Павловича Чехова, его благочестивым отцом. Здесь, на клиросе, вместе с отцом Антон Павлович Чехов

молился, здесь рядом похоронены близкие Антона Павловича и те, которые создавали этот музей. Поэтому сегодня для нас радостный, светлый день со-работничества Церкви и культуры. И благодарим Господа, что он даёт нам радость совместной молитвы». Митрополит Ювеналий свою речь закончил словами Чехова: «Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать её места шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своей совестью». И ещё: «Человек или должен быть верующим, или ищущим веры, иначе он пустой человек».

И когда пели «Вечную память», Отечество земное и Небесное незримо становились ближе друг к другу. Голоса Чеховых словно присоединялись к поющим.

Летописец великой эпохи

Каждый век рождает своих биографов, сказителей, летописцев, скромно работавающих свою «ниву», не гонящихся за славой.

Такие самоотверженные, безкорыстные энтузиасты всегда были, есть и будут и в нашем земном Отечестве.

Вот и Юрий Константинович Авдеев, подобно легендарному слепому греческому поэту Гомеру, автору дошедших до нас эпических поэм «Илиада и Одиссея» об одной из великих войн древности – Троянской, до сих пор оста-

ётся в сознании посетителей мелиховского музея, зрителей, читателей пламенным борцом за сохранение исторической памяти и культуры, певцом русской природы. Одним из рядовых участников эпохального подвига нашего народа, суровых боевых будней, прошедших через души людей. Свидетелем, ставшим в своих воспоминаниях и картинах летописцем великой военной эпопеи XX века.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почётный гражданин города Чехова – так оценён вклад Юрия Авдеева. Да и без этих высоких званий ясно: его заслуги перед нашей культурой огромны.

Как же похож Юрий Авдеев и на парижского мусорщика Жанна Шамета из «Золотой розы» Константина Паустовского, где есть, между прочим, глава о Чехове.

Оба они, Шамет и Авдеев (в прошлом волею судьбы – солдаты), нашли в повседневной реальности красоту и гармонию, которую не видели другие.

Шамет собирал годами золотую пыль. Он надеялся, что роза, выкованная из собранного с таким трудом слитка, принесёт счастье его воспитаннице Сюзанне.

Авдеев же разыскивал повсюду распылённое революцией и войнами чеховское наследие.

Юрий Константинович воспринимал Чехова как близкого ему человека, современника. Он сверял по нему каждый шаг.

Поэт-фронтовик М.И. Камшилин посвятил Ю.К. Авдееву такое стихотворение:

*Я написал о Чехове поэму,
О благородном чеховском пути.
Мне эту нестареющую тему
Пришлось в трудах Авдеева найти.
Я рад, что довелось соприкоснуться
С ним, чудом не убитым на войне.
Ведь он когда-то побудил проснуться
Стихи, давно дремавшие во мне.*

Чеховский музей, живопись и литература – три призвания, в которых проявился талант Юрия Константиновича. О них, как о любимых детях, сказал он в заключительной фразе последней редакции книги «В чеховском Мелихове»:

«/.../Прошли годы. Я сижу за столом у большого окна. За окном беспрерывно вереницы людей движутся в музей. На столе рукопись последней книги. Может быть, я её увижу. На стенах мастерской – картины. Это мои любимые дети. Пока они при мне, но как-то они заживут самостоятельно. Это меня тревожит, но никому не дано предвидеть будущее. Я верю, что они должны жить/.../».

Дай-то Бог, чтобы Мелихово пощадили надвигающиеся сегодня со всех сторон безвкусовые, помпезные особняки. Под угрозой уже охранные зоны, которые при Юрии Авдееве были

расширены и законодательно закреплены за музеем-заповедником.

Пусть очарование этих мест, «мелиховский колорит», сохранится не только в музее-усадьбе и окрест, на картинах, в воспоминаниях, книгах Русского Гомера, но и в жизни, в наших душах, останется потомкам.

2010

«Русский театр уничтожить нельзя...»

Он воплотил на сцене и в кино удивительные судьбы «героев нашего времени». Ибо герои этого великого русского актера, полюбившиеся миллионам зрителей в России и во многих странах мира, – всегда наши современники, независимо от того «родились» ли они в эпохи минувшие, когда создавались произведения русской и зарубежной классики, или в годы начала его творческого пути. Но самая главная роль народного артиста СССР, актёра и режиссёра, профессора Театрального училища имени М.С. Щепкина Юрия Мефодьевича Соломина вот уже более двух десятков лет – художественный руководитель Малого театра. И чтобы не происходило в Отечестве нашем на протяжении четверти тысячелетней истории России, этот прославленный театральный коллектив, где Юрий Мефодьевич с 1957 года,

всегда по праву называли «вторым университетом»: ведь артисты здесь говорят на чистом, родниково-чистом русском языке, а произведения классиков играют не по мотивам. Сегодня, когда нищета духа страшнее бедности народа, это важно как никогда.

Выбор профессии для нас труден всегда. А для юноши, что живёт за тысячи километров от «столиц», нелёгко вдвойне. Судьба распорядилась так, что понятие Малый театр вошло в жизнь юного Юрия Соломина с детства.

Ещё в Чите Юрий увидел фильм «Малый театр и его мастера», сделанный к 125-летию театра. Тогда же он узнал и о Щепкинском училище. В 1953 году, после окончания школы, сразу отослал документы в «Щепку». Потом был долгий путь в Москву, экзамены, радость, что принят в класс Веры Николаевны Пашенной, великой русской актрисы.

Сегодня в его рабочем кабинете висят портреты В.Н. Пашенной и её учителя А.П. Ленского.

Соломин любит вспоминать один из рассказов Веры Николаевны. В годы Великой Отечественной войны их фронтовая бригада ездила на Север, на нашу военно-морскую базу. Спектакль «На бойком месте» Островского они сыграли специально для трёх летчиков, которые готовились лететь бомбить Берлин.

«Вот что такое искусство!» – с гордостью восклицает Юрий Мефодьевич. – И ещё Вера Николаевна всегда повторяла: «Ты должен оставить кусочек своего сердца на сцене». Именно ради этого и стоит работать. К сожалению, сейчас многие актёры считают, что достаточно выучить текст, надеть костюмы, загримироваться и грамотно говорить. Но без «кусочка сердца» настоящего русского театра не будет, мы превратимся в определённый тип западного театра, который может каждый день в течение месяца давать спектакли по контракту...».

Ныне у него – более пятидесяти ролей в родном театре: от Ревизора и Сирано де Бержерака, Войницкого и Фамусова до Фёдора Иоанновича и Николая II. И не меньше в кино – Телегин в «Хождении по мукам», капитан Кольцов в «Адъютанте его превосходительства», Арсеньев в «Дерсу Узала»... Работу с Курсовой Соломин считает одной из самых важных в жизни.

А первый «гонорар» – кусочек сахара, что получил за выступление в госпитале в своей родной Чите в годы Великой Отечественной войны, Юрий Соломин запомнил на всю жизнь.

Возможно, именно в годы его военного детства, а затем в годы учёбы в «Щепке» и сформировалось профессиональное кредо будущего мастера сцены и экрана:

«Талантливый человек должен нести ответственность за свой талант. В творчестве есть своя честь».

Этому кредо мастер верен уже почти шесть десятилетий.

Малый называют не только «вторым университетом». Александр Николаевич Островский, замечательный памятник которому мы видим перед театром, по мере того, как создавал свои пьесы, право первой постановки отдавал в прославленную труппу, был с ней в большой дружбе. Не случайно поэтому ещё при жизни великого драматурга за театром, где впервые увидели свет рампы едва ли не все его 47 пьес, закрепилось и другое почётное название – «Дом Островского».

Сегодня Малый проводит фестиваль, посвященный великому драматургу. В нём участвуют только региональные театры. Это как бы по желанию самого Александра Николаевича, который лучшие свои пьесы — «Лес», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые» — посвящал актерам русской провинции, а у себя в Щелыково даже дом для них отдельный построил, чтобы они приезжали и играли для него.

«Островский — живой и вечный, — подчёркивает Юрий Мефодьевич. — Он уже сто лет «репертуарный» и в провинции, и в Москве. Тут одна причина — его гений. Как удивительно точно в его пьесах выписаны психологические взаимоотношения! Когда купец даёт слово, то

никаких бумаг не надо, все знают – он выполнит обещанное. Так было».

Но выбор пьес драматурга в зависимости от времени меняется. Сегодня в Малом более всего востребованы «экономические пьесы» Островского – «Свои люди – сочтёмся», «Волки и овцы», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Трудовой хлеб»...

В советское время они принимались по-другому. Замечательные! Но ... как бы не про нас. Частных банков тогда не существовало. Кредитов под проценты никто не брал, долговых бумаг не подписывал. Землёй тоже не торговали. Да и денег больших у людей не было.

«Когда Леонид Андреевич Волков, – вспоминает Юрий Мефодьевич, – ставил в Малом театре «Свои люди – сочтёмся» с Любезновым, Анненковым, Владиславским, Белевцевой, Эллой Долматовой – я там слугу Тишку играл, – пришлось экономиста приглашать. И он нам долго втолковывал, что такое закладные, проценты, долговая яма... А мы ничего не понимали. Многие сцены пришлось вымарывать, потому что и зритель не понимал.

Сегодня, когда появились и банки, и грандиозные аферы, и долговые ямы – тюрьмы для олигархов, не уплативших налоги, всё стало понятно. Сцены, которые раньше вымарывали, теперь самые интересные. Зрители спрашивают в антрактах: «Неужели это Островский написал: так давно, но так точно сказано про нашу жизнь?!».

У Островского что ни пьеса, то кладезь поговорок, оборотов, метафор. Какая музыка в любой фразе драматурга! Её произнести-то сейчас одно удовольствие...

«Играя Островского, – говорит Соломин, – мы не собираемся угождать десятку театральным умников – «образованцев», а обращаемся к тысячам людей, которые идут в театр, чтобы получить наслаждение, нравственное очищение, сделаться душевно лучше.

Как сказал Островский ещё в XIX веке, «без театра нет нации». Театр – это слово. Театр – это мысль. Театр – это музыка русского языка».

Соломина иногда спрашивают: почему вы не ставите современную драматургию?

А он в ответ:

«А про что ставить современное?».

«Про любовь», – отвечают.

«Но, погодите, – возражает Юрий Мефодьевич, – есть же Островский! «Гроза», «Бесприданница» – какие страсти там бушуют!».

«Про политику», – продолжают.

«Политика? – парирует Соломин. – Его исторические хроники о Василии Шуйском, Лжедмитрии».

Новая популяция критиков в замешательстве:

«Так что же, у Островского всё есть?».

«Всё есть! Так зачем же я буду брать полуматерщинные сцены, когда можно без мата сказать то же самое хорошим русским языком!»

А ведь Малый со времён Щепкина и Островского называют и хранителем эталонного русского языка.

«Наши актеры, слава Богу, – с гордостью подчёркивает Соломин, – по-прежнему говорят на великолепном русском языке. Многие иностранцы приходят в Малый, чтобы научиться правильно говорить по-русски. Малый этим гордится».

Нужны или нет кардинальные меры по сохранению русского языка?

«Нужны, и ещё как! – считает мастер. – Ведь буквально через несколько лет наше общество, возможно, будет говорить совершенно на другом языке. Поэтому, думаю, нужно ввести контроль, особенно в средствах массовой информации. Мне кажется, что в СМИ число людей, которые свои мысли выражают не русским языком, удручающе велико. Бороться надо не с толпой, а с теми, кому дана возможность, – скажем, на телевидении или радио, – говорить неправильно. Сегодня они, увы, законодатели мод».

Современный русский язык изменился, увы, и по звучанию. Соломин согласен с этим утверждением интеллектуалов – учёных, педагогов, писателей, Русской Православной Церкви...

По его наблюдениям, «речь стала короткая, очень быстрая. Порой невозможно понять – о чём люди говорят и ... на каком языке!».

«Как педагог с сорокалетним стажем, – сетует он, – как человек, имеющий дело с клас-

сической литературой, я чувствую, что даже мои студенты не могут произнести написанное. Строй речи стал совершенно иным. Сленг, жаргон теперь, к сожалению, общеупотребительны. Даже члены правительства и депутаты Государственной Думы иногда одаривают нас такими словечками! Не говорю уже о народившемся слое людей богатых, но не очень образованных, которые с детства разговаривают на таком «языке»».

Может быть, любой язык идёт в сторону упрощения?

«А для чего нужно это упрощение и нужно ли оно вообще? – недоумевает Соломин. – Считаю, что мы должны препятствовать этому. Жизнь ныне – трудная, жестокая. Но наш язык остался таким же «прекрасным и могучим», каким и был! Как же можно переделывать язык Пушкина, Лермонтова, Островского?».

По мнению Соломина, «дефицит добрых чувств в нынешнем обществе болезненно ощущают многие. Тянутся за этими чувствами в театр, но, увы, зачастую не находят.

Для юношей и девушек прежних эпох классический театр значил очень много. Он воспитывал, побуждал к поиску нравственных ориентиров. Наконец, просто служил достойным способом развлечься.

Что значит классический театр для молодёжи сегодня?

«В наше время души молодых дезориентированы, – считает Юрий Мефодьевич. – Изобретены орудия влияния на сознание, многократно превышающие потенциал драматической сцены. Происходит выхолащивание отечественной культуры.

Мы кричим: «Наркотики!» Но забываем, откуда они появились. Нам показывали западные фильмы и говорили: это демократия! Наше общество такую «демократию» и переняло».

По мнению Юрия Соломина, «для того чтобы воспитать поколение, нужно хотя бы десять лет».

«В семье привить любовь к ценностям отечественной культуры, нравственной в самом широком смысле слова, ныне очень трудно, – сетует мастер, – потому что в каждом доме есть... телевизор. Большинство передач, мне кажется, какие-то криминализированные, сексуально-озабоченные, и их авторы пытаются эту озабоченность вселить в тех, кто их смотрит. С экранов телевизоров исчезли, увы, герои русских народных сказок, Пушкинских сказок».

Как и телевидение, театр всё больше развлекает, нежели трогает сердце, душу. А искусство, если оно без души и не доходит до сердца людей, вряд ли их улучшит».

С болью говорит Юрий Мефодьевич о таком поветрии:

«Кто имеет, скажем, право ставить спектакли «на тему» Гоголя, Островского, Чехова... Нередко берут и меняют названия произведений великих драматургов, переводят их в иной жанр, продолжают, изобретают новые финалы. Например, ставят «Без вины виноватые» Островского, где все персонажи раздеты донага. Но Островский ничего ведь такого не писал. Или как-то я смотрел «Вишнёвый сад» Чехова в одном театре. Там есть два персонажа – слуги. И они занимаются на сцене тем, чем публично заниматься не принято. Для чего это? Ведь Чехов не писал о том, кто с кем живёт. У него совершенно другая тема. А в том спектакле она не прочитывается, оказывается вытесненной».

Несколько лет назад Юрий Соломин сидел на спектакле «Нужна драматическая актриса» и думал:

«Если пьесу Островского «Лес» назвать «Нужна драматическая актриса», то это, я считаю, нарушение экологии культуры. Всё равно, что реку повернуть вспять. Повернуть реку Островского! Кто дал право? Но ведь школьники, что пришли в театр, уверены – они смотрят пьесу Островского «Нужна драматическая актриса». Им в школе возразят, что такой пьесы у Островского нет. Но они же её «видели»...

Позиция Соломина тверда и неизменна: «не нужно делать из произведений классиков шоу на тему сегодняшней жизни. Ибо они намного выше всех предчувствовали, предвидели

будущее. Недаром во всём мире знают Достоевского, Толстого, Островского, Чехова...».

«У классиков можно найти всё, созвучное сегодняшнему дню, – подчёркивает Юрий Мефодьевич. – Они отвечают на все вопросы – я вам гарантирую! Даже на вопрос о прибавке зарплаты учителям. В чеховской «Чайке» учитель Медведенко говорит Тригорину: «Вы бы написали пьесу об учителях. Ведь они получают 23 рубля – и то не вовремя. И для них всё равно: круглая Земля или квадратная»... Зал моментально реагирует на это. Меня потом спрашивают: «Это что – вы сами придумали? Это Чехов?» – «Это – Чехов!». Или в спектакле «Царь Фёдор Иоаннович» по драме Алексея Толстого Шуйский, отвечая царю Фёдору, говорит: «Мне в Думе делать нечего, когда дела вершит не Дума, а шурин твой...». И зритель тут же откликается. Мы не намекаем на сегодняшнюю Думу – избави Бог! Текст пьесы воспринимается каждым зрителем по-своему».

Поклонники русского искусства каждый вечер заполняют основной зал театра и его филиал, а это в общей сложности полторы тысячи мест. Соломин считает похвалой, когда его театр называют музеем. Ведь в Малый, как в Эрмитаж или в Третьяковку, ходят смотреть на старое, традиционное искусство.

«Таких, как мы, артисты Малого театра, которые отстаивают экологию культуры, некоторые критики называют «вчерашним днём», –

улыбается мастер, – ну, это, мол, традиционное... И в слово «традиционное» вкладывают такую интонацию нехорошую. «Это – традиции, ну чего вроде бы...».

Но это же – традиции, созданные предками! Они же не придуманы вчера, а складывались столетиями... Хотя такая позиция требует от нас определенного мужества, Малый театр её отстаивал, отстаивает и будет отстаивать всегда.

Соломин счастлив, что «вторым университетом» называют именно его родной, Малый театр, «у которого свой зритель и своя ниша в искусстве – ниша русского национального театра».

«Нередко нас называют русофилами, националистами, – говорит художественный руководитель Малого. – Ничего подобного! Мы – традиционалисты, сохраняющие традиционную русскую культуру. И наше место в театральной палитре никто никогда не займёт. Своим искусством мы продолжаем воспитывать у общества патриотизм, пытаемся защитить гордость русского человека».

Когда страна слабеет, беднеет, её полпредами в мире становятся деятели искусств. Но, как только положение чуть-чуть налаживается, власти забывают, чем они обязаны мастерам сцены, других видов искусств.

Поэтому отрадно, что в начале 1990-х, во времена нового смутного времени, вышел Указ Президента России о национальном достоянии, куда вошли 17 объектов культуры, в их числе были два театра – Большой и Малый. Некоторые коллеги Юрия Соломина из других театров тогда возмущались. Худрук Малого на язвительные замечания отвечал так:

«Не сердитесь, господа! Вы – лучше! Но у нас просто люстр больше».

«Насчёт люстр, – улыбается он, – чистая правда...».

Уже два десятка лет кричат: «Давайте поднимем экономику!».

Соломин считает, что её можно поднять только тогда, если прежде развить науку, образование, медицину и культуру.

«В этом, на мой взгляд, – национальная идея! – подчёркивает он. – Необразованный, больной, малокультурный человек не может создать экономику высокого класса. Поэтому дело ещё и в мозгах, совести чиновников, разваливающих эти сферы. Да и бизнесменов. Пока они не возьмут себе за образец меценатов прошлого – наша экономика будет безнравственной».

Ныне будущее отечественного театра (да и всей отечественной культуры!) во многом зависит от закона об автономных учреждениях.

По мнению Соломина, его принятие «это – катастрофа! Культуру выталкивают в рынок, на самовывживание, а это для неё губительно. Мно-

гих театров, как и музеев, библиотек, школ, мы можем просто лишиться».

Общественность бьёт тревогу: государство снимает с себя бремя финансовой поддержки образования, здравоохранения, культуры...

«Пока удалось лишь оттянуть срок введения в действие этого крайне опасного закона, – говорит Юрий Мефодьевич. – Но ряд его положений надо менять в принципе. Если общими силами не добьёмся этого, я уверен, будет огромная беда. Нет, нельзя ломать то, что создано народом и за века оправдало себя. Однако в окончательную катастрофу я не верю. Русский театр уничтожить нельзя. Будем бороться!».

Перед 65-летием Победы в Малом театре открыли мемориальную доску, посвящённую лётчикам эскадрильи, которая была построена на личные средства коллектива театра.

Малый подготовил гастрольный тур – три недели в июне ездил с концертами по городам Поволжья: Ярославль, Волгоград, Иваново, Казань, Кострома, Самара, Саратов и Нижний Новгород... Концерты с песнями военных лет и спектакли были бесплатными.

«Никакой материальной выгоды мы от этих гастролей не получили, – рассказывает Юрий Мефодьевич. – Это не бизнес – это сердце. Это

память, о сохранении которой мы так много говорим и так мало делаем. Мы хотим, чтобы эта память осталась не только у ветеранов, но и у их внуков».

Сегодня, увы, молодёжь мало или вовсе не читает, плохо знает нашу историю.

Стыдно, когда накануне 9 Мая у молодёжи на Красной площади спрашивали про памятник Жукову: знают ли они, кто это такой? Ребята начинали глупо улыбаться.

А на одном из телеканалов «поколение, выбравшее «пепси», отвечало на вопросы в преддверии Дня Победы:

«Что сегодня отмечают?» — «Победу!» — «А кто победил?» — «Не знаем...».

Такое больно слышать: нельзя быть Иванами, родства не помнящими...

«То, что победили именно мы, ясно всем, даже врагам нашим, — говорит Юрий Соломин. — Второй фронт был открыт лишь в 1943 году. А наши войска всю Европу прошли. «И на последней улице название прочли». Эта гениальная песня не с неба же свалилась — она была написана автором, который сам исколесил фронтовые дороги. Поэтому не надо умалять наши заслуги! По-моему, Россия себя слишком скромно ведёт. Надо жёстче со всеми разговаривать!».

2010-2012

Поэт кинематографа

Александр Петрович Довженко (1894-1956)... Сегодня, к большому сожалению, имя этого мастера поистине мировой величины современному поколению граждан России и Украины говорит всё меньше и меньше. В лучшем случае ассоциируется с одноимённой киностудией в Киеве. В фильмографии классика всего семь игровых и три документальных ленты, неравнозначных по художественному воплощению, но неизменно грандиозных по масштабу авторского замысла. Величайший поэт кинематографа, человек, всею душой желавший превратить мир в цветущий яблоневый сад, — он сблизился с властью, чтобы превратить свои идеалы в реальность.

«Я был очень мечтательным мальчиком, – писал Довженко в «Автобиографии» 1939 года. – Мечтательность и воображение были столь сильными, что порой жизнь, казалось, существовала в двух борющихся аспектах – реальном и воображаемом, но казавшимся как бы осуществлённым».

И позже режиссер не утратил эту способность верить в собственную выдумку и щедро черпал образы из воспоминаний детства.

Довженко знал о родной земле, которую поэтически показал в своих фильмах, не понаслышке. Он рос в бедной семье в деревне и видел её красоту: мудрые старики, покой, дожди, поля, ласковый ветер, умытые спелые яблоки...

Из четырнадцати детей в их семье выжили только двое – он и сестра Прасковья.

Александр Петрович всю жизнь считал (и писал), что родился 30 августа (11 сентября) 1894 года в селе Вьюница, которое было предместьем маленького уездного городка Сосницы Черниговской губернии. Дотошные биографы докопались, что родился он накануне, а 30 августа – день его крещения.

Сашко учился легко, особенно ему нравилось читать и рисовать. Он окончил приходское училище, а затем Сосницкое городское училище. Чтобы сын поступил в институт, отец Пётр Семёнович, который подрабатывал извозом и смолокурением, пошёл на большую жертву:

продал одну из семи десятин кормившей семью земли. В 1911 году Александр поступает в Глуховский учительский институт (Черниговская губерния). Окончив его в 1914 году, Довженко получает назначение в Житомирское высшее начальное училище.

Первая мировая война обходит Довженко стороной: врачи нашли, что у него больное сердце.

Осенью 1917 года Довженко переезжает в Киев. После установления советской власти работает в должности секретаря губернского отдела народного образования, одновременно ему поручают заведование отделом искусств, комиссарство в Театре имени Шевченко, организацию профсоюза работников просвещения.

Вскоре он переходит на дипломатическую работу. Служит первым секретарем советского консульства в Берлине. Однако дипломатическая карьера не привлекала Довженко. Пребывание в Берлине он использовал для занятий живописью и графикой, рисовал едкие карикатуры.

В августе 1923 года в Харькове Довженко работал художником-карикатуристом в газетах и журналах.

Летом 1926 года Довженко неожиданно для многих отправляется в Одессу, где начинает учиться кинопроизводству. По его признанию, в тот момент он не имел ни малейшего представления о профессии, которая впоследствии стала делом его жизни, не ведал о своём будущем режиссера.

Довженко пришёл в кино уже зрелым человеком – в 32 года. Ему повезло, и довольно скоро на Одесской киностудии он снял комедии «Вася-реформатор», «Ягодка любви» и «шпионский» фильм «Сумка дипкурьера».

«Время для «Илиады», а делаем «Пинкертона», – сказал как-то Довженко.

Настоящим кинодебютом Довженко считается полнометражный фильм «Звенигора» (1928). В кинополотно Довженко вместил три века истории Малороссии-Украины – от казачины до большевиков. Рассказывая древнюю легенду о Звенигоре, он движется из столетия в столетие и обратно. Причудливо переплетались эпизоды истории со сценами Гражданской войны.

Позже режиссер скажет:

«Я не сделал картину, а пропел её, как птица. Мне хотелось раздвинуть рамки экрана, уйти от шаблонной повествовательности и заговорить языком больших обобщений».

Следующий фильм «Арсенал» о восстании киевских рабочих (1929) по его сценарию принёс Довженко поистине мировую славу.

«В «Арсенале» я в условиях тогдашней украинской обстановки выходил в первую очередь как политический боец, – говорил режиссер. – Я поставил себе две цели: я в «Арсенале» буду громить украинский национализм и шовинизм, с другой стороны, буду поэтом и певцом рабочего класса Украины, совершившего социальную революцию».

По словам Довженко, «это было творчество радостное, лёгкое и, казалось, бездонное. У меня была крылатая душа, и ум, и сердце. Всё гармонично сочеталось во мне, и творчество моё радовало людей. И сам я радовал людей своим видом и характером».

Во время работы над «Арсеналом» Довженко познакомился с актрисой Юлией Солнцевой. Это была любовь с первого взгляда. Вскоре он предложил ей руку и сердце.

У вот Довженко создал свою «Илиаду». Это была «Земля» (1929) – поэтический гимн преобразованию деревни. Но он не подозревал об этом и продолжал строить планы на большее.

«Земля» снималась в большом селе Ярески, расположенном на реке Псёл. Почти все в съёмочной группе Довженко были не только его единомышленниками, но и знатоками народной жизни. После окончания съёмок жители Яресек предложили режиссеру стать председателем организуемого ими колхоза.

«От руки убийц, — писал об этом фильме известный искусствовед Ростислав Юренев, — падает молодой тракторист. Он умирает, ликуя от предощущения грядущей новой жизни — счастливой, справедливой. Хоронить убитого выходит всё село. Мощная новая песня летит над колышущимся морем пшеницы, преследует, загоняет в землю обезумевшего от злобы и страха кулака. На сады и нивы проливаются тёплые, плодотворные дожди. Женщина рождает ребёнка. Новое — неотвратимо, как смена времён года, сказал Довженко своим философским, поэтическим фильмом».

Фильм «Земля» с восхищением смотрели во многих странах, а в советской России долго сомневались, «правильная» ли это картина. Картина оказалась настолько необычным по форме произведением, что на Родине её просто не поняли. Прозвучали обвинения в недостаточном показе роли компартии, в неточности политических оценок.

Довженко, идеалисту чистой воды, вписавшему новый строй в природу, словно переход зимы в весну, такое отношение было непонятно

и обидно. Он ведь старался, красиво всё снял, с идеей. Убеждал, что нужны колхозы.

А ему в ответ: «Сочная жизнь на экране такова, что не поймешь, зачем эти люди стреляют друг в друга. Ведь именно от плохой и тяжёлой жизни люди идут в колхозы!» Так высказывался, например, писатель Александр Фадеев, с которым Довженко потом придумает сюжет другой своей картины под названием «Аэроград».

Пролетарский поэт Демьян Бедный встретил выход «Земли» едким фельетоном «Философы», назвав её «контрреволюционной, похабной» картиной.

«Я был так потрясён этим фельетоном, – напишет Довженко в «Автобиографии», – мне было так стыдно ходить по улицам Москвы, что я буквально поседел и постарел за несколько дней. Это была подлинная психологическая травма».

В дневнике Довженко, опубликованном после его смерти, есть запись, помеченная 14 апреля 1945 года: «Недавно в кремлевской больнице престарелый Демьян Бедный встретил меня и говорит: «Не знаю, забыл уже, за что я тогда выругал вашу «Землю». Но скажу вам – ни до, ни после я такой картины уже не видел. Это было произведение поистине великого искусства»».

Уже после кончины Довженко – в 1958 году на Брюссельском кинофестивале (в рамках Международной выставки) вместе с «Броненосцем «Потёмкиным» Эйзенштейна и «Матерью»

Пудовкина «Земля» вошла в число двенадцати лучших фильмов всех времён и народов.

Символом и важнейшей стройкой не только Украины, но всего Советского Союза был Днепрогэс. Довженко сделает его местом действия своего следующего фильма. Сценарий он напишет за двенадцать дней и практически без подготовительного периода начнет снимать. Результатом станет «Иван». На Первом венецианском международном кинофестивале 1932 года фильму был оказан восторженный приём.

«Нам стало ясно – таков один из отзывов итальянской прессы, – что мы ещё не знали до сих пор, что такое гений кинематографии, могущий выдержать сравнение с гениальными музыкантами и представителями других смежных искусств... Довженко доказывает нам, каким великим может быть экран, когда он освещён мыслью гениального художника».

На Украине же «Ивана» встретили неприязненно. После жесткой критики фильма Довженко обратился с письменной просьбой о помощи к Сталину – и был поддержан. Он переезжает в Москву, поступает режиссером на «Мосфильм».

В начале 1933 года Довженко подаёт заявку на фильм о Дальнем Востоке, оговаривая, что сценарий напишет с Александром Фадеевым. Заявку утвердили. Довженко, Юлия Солнцева и Фадеев четыре месяца провели на Дальнем Востоке. Режиссёр мечтает о новом городе на берегу Тихого океана, которому находит место и имя Аэроград.

Режиссёр пишет второе письмо вождю с просьбой о содействии в связи со съёмками «Аэрограда». Довженко был лично принят Сталиным. Съёмки получили режим особого благоприятствования. Сталин предложил показать на карте место, где бы тот построил город. В 1930-е годы Дальний Восток был краем государственных интересов, военных и экономических. Новый фильм рождался на пересечении поэзии и идеологии.

Сталину фильм понравился, и в январе 1935 года Довженко был награждён орденом Ленина. На встрече членов Политбюро с кинематографистами Сталин бросает реплику в сторону Довженко: «За ним долг – «украинский Чапаев».

«Щорсу» отдал я весь свой жизненный опыт, – отмечал режиссёр. – Все накопленные за двадцать лет работы знания

нашли в этом фильме своё полное выражение. Я делал его с любовью и предельным напряжением всех своих сил».

«Щорс» был украинским революционным эпосом. Напряженность борьбы в нём раскрывалась через яркие живые образы, во многом необычные для стиля Довженко. Все действующие лица кажутся предельно жизненно достоверными.

Сталин предполагал, что там будет выведена его руководящая роль. Однако в «украинском «Чапаеве»» – «Щорсе» – о вожде не упоминалось. Это был удар по самолюбию «вождя народов». Фильм вышел на экраны в 1939 году, а в 1941-м режиссер всё же получил за него Сталинскую премию первой степени.

Несмотря на усталость и недавно перенесённую болезнь сердца, Довженко не собирался отдыхать. Он первым из мастеров кино надел военную форму. Произошло это 17 сентября 1939 года, когда Красная армия двинулась на земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Довженко возглавлял фронтовую киносъемочную группу. Однако режиссер не мог полностью рассказать о том, что увидел и узнал в этом походе. Фильм «Освобождение» делался в соответствии с требованиями руководящих инстанций.

В июле 1941 года вместе с женой Довженко эвакуирован в тыл, в Уфу. Затем их переводят в Ашхабад, куда была перемещена Киевская киностудия.

Довженко просится на фронт, ведь он не только кинематографист, но и опытный журналист. В феврале 1942 года в звании полковника его отправляют на Юго-Западный фронт. Довженко пишет рассказы, статьи, листовки.

На следующий день после публикации в газете «Красная звезда» рассказа Довженко «Ночь перед боем» в редакцию позвонил секретарь ЦК ВКП (б): «Передайте Довженко благодарность Сталина за рассказ. Он сказал народу, армии то, что теперь крайне необходимо было сказать».

В следующем году Довженко создаёт документальный фильм «Битва за нашу Советскую Украину». В титрах фильма значатся режиссёры Ю. Солнцева и Я. Авдеенко. Но текст и монтаж — за Довженко. Картина имела большой успех не только в нашей стране, но во всех странах-союзниках, особенно в Канаде и США.

Вторая серия получила название «Победа на Правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы украинских советских земель» (1945). Довженко первым в кино стал широко использовать вражескую хронику, придавая ей дикторским текстом и особыми приёмами монтажа другой смысл.

В течение лета 1943 года Довженко пишет киноповесть «Украина в огне». Он разъяснял свой замысел: «Речь о сожалении – плохо, что сдали мы Гитлерюге проклятому свою Украину и освобождаем её людей плохо. Мы, освободители, все до одного давно уже забыли, что мы не-много виноваты перед освобождёнными...»

Сталину повесть не понравилась, и он запретил её для печати и для постановки, что явилось для Довженко страшным ударом.

Александр Петрович знал, что у него писательский дар. И, не покладая рук, работал.

«Довженко, – пишет великий русский писатель Константин Паустовский, – оставил не только превосходные свои фильмы. Он оставил рассказы, очерки, пьесы. Они написаны с жаром души, они патетичны в лучшем смысле этого слова, как патетична во многом проза Гоголя.

У Довженко была очень маленькая записная книжка. Там были записаны одним только словом сюжеты его устных и совершенно великолепных рассказов. Бесконечно жаль, что сейчас их уже нельзя записать и восстановить. Они ошеломляли слушателей неожиданными поворотами сюжета, покоряли их юмором и поэзией. Я слышал только три рассказа – о народной медицине, лейтенанте Сливе и поездке в

Батурин, – но не забуду их никогда. Они всегда будут для меня вершинами словесного творчества, к сожалению, навсегда утерянного, так как никто уже не сможет повторить тончайших интонаций Довженко, пленительного украинского строя его речи и его лукавого юмора».

Все послевоенные годы он работал над большим эпическим произведением «Золотые ворота» – «главной книгой жизни». Его перу принадлежит лирическая повесть «Зачарованная Десна», посвящённая детству.

«Зачарованная Десна», судя по литературной первооснове, должна была стать идиллической панорамой той поры: благообразный, похожий на бога Дед; добрый и мудрый труженик – отец; покой и радость семейных уз...

Между тем в реальности всё было совсем не так, о чём свидетельствовал сам Довженко:

«Далекі літа дитячі віринають з тьми часу, і багато дечого з'ясовується в справжній своїй суті – і батьківські запої, і лайка, і бійки, тяжкий увесь отой нелад, ота відсутність святої тиші, що позначало нашу хату, і смуток, і темне відьомство, і прокльони дітей, і много іншого зла, яким мов притавровані були мої батьки і дід... Дід був ледачий, прости йому господи, і багато лиха вніс він у нашу родину своїм ледарством і безглуздим пияцтвом... Батько, нині небіжчик, не раз кидався майже в нестямі на матір з сокирою чи ножем...».

Довженко всегда оставался художником. Никто не умел так показать одушевлённые поля и людей, чтобы они создали картину покоя, подлинной природной гармонии. Он мог бы украсить цветами и серую каменную стену, чтобы убедить окружающих в красоте этого мира. И, возможно, не вина большого художника, что он приукрашивал реальность. Такой её хотел видеть. Больше всего Довженко боялся серости и уныния.

Довженко уверял, что секрет успеха его фильмов в том, что всех своих героев, включая детей и стариков, он пишет с себя и своих ближайших родственников.

«Я не скрываю перед вами, что, находясь в искусстве кинематографа в лагере поэтическом, я всегда вношу в свои картины какую-то долю личного, долю семейной хроники. Скажем, в «Щорсе» я где-то воображаю себя, в «Земле» умирает мой дед и т. д.», – писал уже зрелый мастер в 1948 году.

Удивительный по силе монтажный ряд стал одной из главных особенностей фильмов Довженко, а главной темой творчества – земля-кормилица и люди, веками живущие на ней.

Застывшие кинокадры Довженко (в отличие от стремительного, динамического монтажа Эйзенштейна и Вертова!) – почти фотографии – дают зрителю возможность взглядеться в

лица и увидеть какие-то другие, скрытые смыслы, далёкие от сиюминутного сюжета.

Часто связанные между собой кадры отдалены друг от друга, разбросаны по фильму, и требуется усилие, чтобы соединить их в одну логическую цепь.

Такой монтаж Довженко, который сбивал с толку даже Эйзенштейна, современному зрителю кажется привычным, но на заре советского кинематографа стал своего рода революцией и... классикой.

До поры до времени он глубоко верит в то, что снимает. Он всегда искренен. Но расхождение его красивых мифов с реальностью становится всё более очевидным. И к фильмам его придираются всё больше, требуя одних схем и трафаретных вымыслов.

После войны он снял лишь две – не лучшие свои картины. Поэму о творчестве «Жизнь в цвету» перекроили в картину о селекции «Мичурин» (1949). Под влиянием антинаучных теорий Лысенко в картину были директивно введены эпизоды борьбы с «морганизмом-менделизмом», полные фальши сцены восторгов Мичурина перед Лениным и компартией... Гармония произведения была разрушена.

Следующий проект Довженко «Прощай, Америка» (1950) о механике шпионажа был за-

крыт. Сорвалась и постановка картины о подвиге русских моряков «Открытие Антарктиды».

«Закончилась мировая война, – записывает в дневнике Довженко. – Я хочу работать. Я хочу верить до смерти, что уже не нужны будут человечеству генералы. Что будет мир. Что не нужны будут герои-мученики».

Он читал лекции во ВГИКе, бывал в сценарной студии «Мосфильма», помогая начинающим кинодраматургам.

«Он, например, – вспоминала актриса, режиссер, ученица Довженко Джемма Фирсова, – говорил такие вещи: «Не делайте картину, если вы не чувствуете, что без этого не сможете жить. Режиссёр должен не только уметь ставить фильм, но и знать, как распланировать город, иметь представление, как учить детей»».

Как-то Довженко сказал: «Мои картины похожи на яблони – хорошо потряс, набрал 500 яблок, плохо – упало штук 10».

В его время немногим были по вкусу эти плоды. Масса сценариев, проектов, идей остались нереализованными. Так, осенью 1951 года Довженко едет в Каховку, на строительство плотины. Увиденное настолько поражает художника, что он решает поставить фильм об этой стройке и её людях. За пять лет материал был не

только досконально познан и искусно выстроен, но и глубоко философски осмыслен.

Фильм «Поэма о море» об одной из ГЭС должен был стать фильмом о могуществе человеческого духа. Но не мог пройти режиссер и мимо того, что оскорбляло человеческий дух.

Паустовский вспоминал, как Довженко возмущался проектами новых колхозных селений взамен тех, что поглощало рукотворное море. В них не было ни одного деревца, а все дома были похожи один на другой. Довженко, по его словам, говорил, что у людей не может быть никакой охоты жить в этих унылых казармах: «Почему при постройке их не была принята во внимание живая душа человеческая? Нужно приостановить насаждение уныния в нашей стране».

Поставить картину Довженко не успел. Увы, болезнь сердца обостряется. Он почти постоянно чувствует себя больным. Завершала «Поэму о море» Юлия Солнцева. Она же сняла еще четыре фильма по незаконченным сценариям и наброскам Довженко. Он умер в ночь на 25 октября 1956 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Пворчество Довженко вошло в золотой фонд мирового кино как яркий пример искусства, опередившего своё время.

В конце 1950-х годов итальянские киноведы отметили, что более всего в эстетическом плане неореализм обязан Довженко, и назвали его Гомером XX века!

2009

Адмирал советского кино

В советские годы образ великого русско-го флотоводца, чьи гений и доблесть являют собой гордость России, был создан на экране. Его воплотил в фильмах М.И. Ром-ма «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» (1953) Лауреат Государственной премии СССР (1952), народный артист СССР (1975) Иван Фёдорович Переверзев (1914-1978).

Иван Переверзев родился в крестьян-ской семье в деревне Кузьминки Орловской губернии. Его родители, простые крестьяне, не были мечтателями. Они искренне желали привить сыну любовь к труду, к родной земле. И ещё – они наградили его отменным здоро-вьем.

С детства Ваня грезил морем и, весьма вероятно, пошёл бы по стопам адмирала Ушакова, если бы родители не пожелали дать сыну более надёжную, на их взгляд, профессию. Для этого они отправили его не в мореходное училище, а в Москву к тётке Марусе с наказом: мол, устрой паренька учиться в ремесленное училище. Тётка так и поступила.

Иван окончил училище по специальности слесарь-наладчик. Вскоре он был определён на завод «Шарикоподшипник», где и работал всю жизнь, если бы приятель не подбил его однажды пойти в артисты. Они подали заявления в училище при Театре Революции. Ивана приняли, а друга – нет.

Преподаватели считали Переверзева одним из самых талантливых студентов. Когда в 1938 году он окончил училище, сам Михаил Астангов дал ему направление в Театр Революции. На сцене этого театра молодой актёр сыграл роли в двух спектаклях: Валентина в «Двух веронцах» и Лаэрта в «Гамлете». Однако его, как оказалось, ждала близкая, но иная стезя – кинематограф.

В 1939 году Иван Переверзев был приглашён на главную роль в фильм «Вальтер» – о немецких антифашистах. Актёр с удовольствием приступил к съёмкам, однако

вскоре, после подписания в августе 1939 года Договора о ненападении между СССР и Германией, съёмки приостановили.

В то же время на той же киностудии «Советская Беларусь» запускалась картина «Моя любовь». Переверзева и других актёров из «Вальтера» перебросили на этот фильм, причем Ивану досталась одна из главных ролей – красавца инженера Гриши.

С этой роли началась всесоюзная известность актёра. Переверзева стали наперебой приглашать в фильмы на роли «настоящих мужчин». Он обладал всеми данными для героического амплуа. Будучи от природы сильным, колоритным, крупным мужчиной, Переверзев делал яркими даже незначительные роли. Он мог «очеловечить» любой образ, наделить его чертами собственного характера, убедить зрителя в достоверности каждого своего героя.

Во время Великой Отечественной войны Переверзев воплотил на экране целую галерею отважных людей: капитан-лейтенант Найдёнов в «Морском ястребе», полковник Рябинин в «Это было в Донбассе»...

Среди них – и главная роль в первом советском цветном фильме «Иван Никулин – русский матрос» (по мотивам реальной истории, опубликованной в газете «Красный флот»).

Картина воспринималась как настоящая солдатская сказка с забавными отступлениями-байками, восславляющими русскую смекалку.

Былинный богатырь Переверзев в этой роли – герой, лидер, командир. Матросы же будто сошли с лубка: весело шутят, невероятными хитростями и бесстрашием побеждают врагов.

Послевоенный кинематограф ценил простоту и недвусмысленность образов, простых и понятных героев. Триумфом возвеличенной простоты стала картина «Первая перчатка» (1947).

Это – очередная советская сказка, на сей раз о спорте, столь же светлая, как и «Моя любовь», полная идеализма, бодрых песен и простых решений. Переверзевский боксер Никита Крутиков – «обыкновенный человек», а его индивидуальность почти плакатного свойства: честность, прямота и «необыкновенный удар». Во времена спортивных парадов на Красной площади, на которых любил присутствовать И.В. Сталин, это было то, что нужно: актёр узнаёт, что такое настоящий успех и популярность. Образ Никиты Крутикова, не отступающего перед трудностями, на долгие годы стал визитной карточкой Переверзева.

В 1951 году на экраны выходит фильм «Тарас Шевченко», в котором Переверзев играет

сразу две роли второго плана. Картина получает Сталинскую премию.

Жизнь русского богатыря Ивана Переверзева не всегда складывалась сказочно, но на экране (а он снялся более чем в 60 фильмах!) актёр всегда подтянут, уверен в себе, всегда в хорошей физической форме. Кажется, его герои, которые находят выход из любой ситуации, не знают сомнений, так уверенно стоят на земле, что победить их невозможно.

Со временем рисунок роли углублялся, актёр начал более требовательно подходить к предлагаемым сценариям. Среди лучших его ролей поздних лет – инженер Ромашков («Урок жизни»), генерал Чуйков (киноэпопея «Освобождение»), матрос в телефильме «Человек в проходном дворе»...

Критики, писавшие об Иване Переверзеве, неизменно отмечали его склонность к изображению волевых цельных натур, пристрастие к характерам героическим, крупномасштабным. И действительно, за десятилетия работы в кинематографе актёру посчастливилось создать благодаря множеству больших и малых ролей единое, чрезвычайно выразительное, лишённое какой бы то ни было дробности и размельчённости представление о своём творческом облике, о своей художнической и гражданской позиции.

Переверзевым сыграно множество «морских» ролей. Благородство и бесстрашие переверзевских моряков и капитанов не знает пределов. Иван Фёдорович шутил, что он прошёл на экране полный курс флотских наук – от боцмана в «Мичмане Панине» до капитана в «Повести о «Неистовом», «Морском ястребе», «Домой»; от бригадира, затем контр-адмирала до «полного» адмирала в дилогии об Ушакове.

«Я по-настоящему привязан к «морским» характерам, – говорил актёр. – Морское, флотское дело, по-моему, на редкость романтично, возвышенно. Все, что свойственно настоящей романтике – героическое начало, высокие чувства, наконец, риск и преодоление опасности, – всё это есть в жизни тех, кто уходил на кораблях в дальние и ближние рейсы».

По признанию самого Переверзева, его главной и любимой ролью остался адмирал Ушаков. «За эту роль мне не стыдно, – говорил актёр. – Она отобрала у меня много сил и энергии».

Он сыграл адмирала Ушакова – наследника петровских заветов, «русского медведя» – настолько ярко, что тот по силе личности оказался равен Петру Великому.

Много лет спустя постановщик фильмов «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» Михаил Ромм скажет студентам ВГИКа:

«Переверзев больше всех был похож на

Ушакова. В нём были простота, внешнее спокойствие, демократизм и в то же время внутренняя сила, собранность, энергия. В Переверзеве обнаружилась замкнутость и какая-то внутренняя грусть, которая растрогала нас и всем очень понравилось».

«Как только меня утвердили на роль Ушакова, – вспоминал актёр, – я для Михаила Ильича стал дорогим и близким человеком, а уж мои чувства я не в состоянии выразить словами и по сей день!.. Михаил Ильич создал вокруг меня атмосферу предельного внимания... Только я расположился в своём номере (фильм снимался в Одессе), как раздался звонок. Звонил Михаил Ильич и просил зайти. В номере он был один и сразу меня удивил своим предложением: «Ванечка, ты в фильме играешь главную роль, адмирала Ушакова. Так вот я прошу тебя на всё время съёмок и в жизни тоже играть адмирала Ушакова.

Это, во-первых, будет полезно тебе как актёру, да и вообще будет на пользу картине. Вас, актёров, собралось много, и у каждого свой характер, свои привычки, а некоторые, я знаю, могут и лишнюю рюмку выпить, а я с «искусственно весёлыми» артистами не работаю! А главное, я хочу, чтобы вы были коллективом, командой на корабле!.. Подробности игры вы разработайте сами. Ты понял меня?».

– «Понять-то я понял, только кто будет меня слушать?!».

Михаил Ильич с жаром произнёс: «Ты же адмирал, вот и докажи это не только на экране!».

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться. О предложении Михаила Ильича я рассказал актёрам, всем оно понравилось, и мы быстро выработали правила игры... «Сухого закона» любителям лишней рюмки мы не установили, но была установлена «адмиральская норма» – сто граммов. За нарушение «указа об адмиральской норме» следовало строгое наказание».

...Роль Ушакова удалась Переверзеву в первую очередь потому, что он отказался надевать бронзовые латы героя. «Слуга царю – отец солдатам», «лапотный дворянин». Преданный России, влюблённый в море, самородок, избегающий «политеса», но не чуждый самой чёрной работы. Одним словом, Ушаков у Переверзева во многом такой, каким был и сам актёр.

Как-то в конце 1960-х, во время съёмок картины Станислава Говорухина «День ангела» в Херсоне группа актёров и моряков посетила памятник адмиралу Ушакову. Переверзев встал рядом, и все остолбенели: перед ними стояли то ли два Ушакова, то ли два Переверзева. Сходство их фигур, лиц, роста было потрясающим.

Оказалось, что скульптор, посмотрев кинодилогию Михаила Рома создал в 1957 году образ, который точь-в-точь повторяет черты героя знаменитых картин! Он не мог представить его иным. Так превращался в миф не только Фёдор Ушаков, прославленный ныне в лике святых, но и сам Переверзев.

Старое доброе советское кино, в котором народный артист Советского Союза Переверзев дослужился до адмирала Черноморского флота России, осуществило мечту детства, связав актёра с морем. Одно из судов Азовского пароходства получило в своё время имя «Иван Переверзев».

Ныне же для оранжевых властей он – москаль-оккупант, несмотря на приверженность к украинской тематике (фильмы «Тарас Шевченко», «Иван Франко» и другие), любовь к украинским песням, которые звучат в картинах с участием актёра.

2009

«Надо верить в Россию...»

Все, кому дорого наше Отечество, знают и любят Ножкина – его знаменитого Бекаса из «Ошибки резидента», Рощина из «Хождения по мукам», героя-воина из киноэпопеи «Освобождение», русского Рэмбо из «Одиночного плавания»...

Киноактер, поэт, музыкант, драматург, Михаил Ножкин – артист поистине народный, удостоенный за годы преданного служения литературе и искусству самых высоких и почётных наград: народный артист России, лауреат Государственной премии России, орденов «Знак почёта» и Русской Православной Церкви Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. И список этот далеко не полный.

Не один десяток лет его песни и стихи звучат с экрана и со сцены, в эфире и на наших домашних праздниках. Их пела и поёт вся страна.

Но многие из нас не всегда знают, что автор этих песен – Михаил Ножкин.

«Наверное, это высшее мерило творчества, если люди поют твои песни, – считает Михаил Иванович, – если мысли, которые вложены тобой в песни и стихи, нужны кому-то ещё. Значит, не для себя, не в стол работаешь, а твоё мировоззрение, твои убеждения и жизненная позиция разделяются другими людьми».

Вспомним одно его стихотворение, также ставшее народной песней. В ней – весь Михаил Иванович Ножкин:

*Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь.
Нерастраченная сила,
Неразгаданная грусть.
Ты размахом необъятна.
Нет ни в чём тебе конца,
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам...*

На вопрос, что для него важнее – кино, театр, музыка или литература, Михаил Иванович отвечает так:

«Литература, безусловно, выше актёрства. Потому что литература – это первооснова всего. Если есть хорошие стихи, то в них уже заложена мелодия. А если это нашло отклик у талантливого композитора, то это и есть наибольшая радость».

Он — из поколения детей войны, которое было воспитано «в жесткой необходимости быть взрослыми».

«У нас была взрослая система оценок действительности, — рассказывает Михаил Иванович. — Шла война, потом было нелёгкое послевоенное время. И дети моего поколения всё умели делать: за мукой стояли в очередях, за керосином, дрова там, печки... Брат на работе, отец на фронте, мать в две смены...».

Послевоенные годы он вспоминает часто:

«Женщинам особенно доставалось (мужиков не хватало). Домашнюю работу начинали с четырёх утра. Потом шли в колхоз, целый день работали, не разгибаясь. Вечером устанут, с ног валятся. Упасть бы и уснуть до утра. Нет! На берегу реки росли огромные вязы.... И вот доносятся голоса. Гармонист один на три деревни. К нам повернул! Если и не к нам, — тащи патефон, гитару. И все подтягиваются. Запомнил на всю жизнь: песни, танцы, юмор, смех. Какая-то потрясающая жизнь! Люди должны были вповалку лежать от усталости, а тут вдруг второе дыхание, такая радость жизни под звёздами. Многоголосье — в природе народа, позже я это понял. Где-то в испанских академиях учат этому годами, а тут — сразу на три голоса. И секреты не только в пении. Человек учится слышать других, жить среди других, быть с ними в гармонии. Мы, конечно, мальчишки, по огородам

в это время: у кого-то огурцы поспели, вишня... Но песня нашему человеку всегда была необходима. Он с ней и отдыхал, и очищался, и на что-то настраивался».

Именно тогда у московского паренька Миши возникла подсознательная тяга к сцене. Он выступал и в госпитале для раненых, и в школьной, а затем студенческой самодеятельности.

«Много лет был во Дворце культуры имени Лихачёва, – вспоминает Михаил Иванович, – а тогда это был самый большой в стране и самый знаменитый Дворец культуры. Из этой самодеятельности вышли Вася Лановой, Василий Семёнович, Вера Васильева, я там тоже был много лет, но я был там в «малых формах». А что такое малая форма? Это и есть эстрада. Мы играли сцены из больших спектаклей, из оперетт, из каких-то мюзиклов, тогда они по-другому назывались – музыкальные комедии. Это куплеты и частушки – художественное слово во всех жанрах.

*Когда вам только двадцать лет,
Для вас распахнут целый свет,
И сердце весело стучит,
В нём музыка звучит».*

Но творчество творчеством, а нужно было восстанавливать страну после войны. Поэтому Михаил избрал самую нужную в то время профессию – окончил Строительный техникум

Моссовета. Он строил в Москве Черёмушки, работал мастером, прорабом.

«Получился бы артист и поэт из меня – хорошо, – размышляет Михаил Иванович, – не получился бы – ну и Бог с ним, я бы тогда для души играл, но у меня всё равно всегда была бы возможность честным трудом своим заработать кусок хлеба».

На эстраде он с 1958 года, когда пришёл в Московский государственный Театр Эстрады.

«Смирнов-Сокольский тогда главным там был, – вспоминает Михаил Ножкин. – Помню, это было закрытие зимнего сезона, июнь 1958 года, спектакль – комедия Вадима Коростылёва «Переодетый жених». Я играл главную роль. Партнёры мои: Миронова Мария и Менакер Александр Семёнович, Мирон и Новицкий, Элла Некрасова и Алексей Григорьевич Алексеев, тот самый (театралы его помнят), который сто с лишним лет прожил, он у нас играл зрителя из прошлого века. Очень интересный, заводной прекрасный спектакль. Это и были мои первые шаги».

С начала 1960-х годов Михаил Ножкин приобрёл известность как острый социальный бард: его стихи и песни звучали под гитару на концертах и в кругу друзей. Его выступления

любители записывали на магнитную, а порой и просто на рентгеновскую плёнку.

С 1968 года он начал сниматься в кино. Каждую свою роль воспринимал как ещё одну жизнь.

«Не скрываю, – размышляет артист, – никогда не играл злодеев, не желал влезать в шкуру негодяя. Считаю, что отыгранные роли всё равно влияют на человека, на его судьбу».

Знаковые кинофильмы «Ошибка резидента» и «Судьба резидента», где Ножкин блестяще исполнило роль Бекаса, были основаны на реальных событиях. Именно эта роль принесла Ножкину Всесоюзную известность как актёру. Вспоминаем и его песню, написанную специально для этой роли:

*Зачеркнуть бы всю жизнь,
да с начала начать,
Полететь к ненаглядной певунье своей.
Да вот только узнает ли Родина-мать
Одного из пропащих своих сыновей?..*

«Похожая история, – рассказывает актёр, – была и в жизни, в конце 1950-х годов, где-то на Урале. И я даже знаю людей, которые участвовали в этой операции. У нас, киношников, конечно, были консультанты от настоящей контрразведки: всё было очень серьёзно. А ведь

именно в этих лентах вообще впервые в кинематографе показали детектор лжи. Он тогда только разрабатывался. Так, перед съёмкой приходят в съёмочный павильон эти консультанты и видят детектор, спрашивают: «Что у вас это такое?». Мы отвечаем: «А это детектор лжи, из фанеры». – «Вы что, с ума сошли? Нас засмеют все наши коллеги во всём мире». Оказывается, все фильмы о разведке и контрразведке, самые лучшие и самые плохие, смотрят все разведки мира: вдруг покажут какой-то новый метод работы, кто-нибудь проговорится. В итоге они принесли настоящий чемоданчик и проверили меня на нём. Но для этого требуется очень большое самообладание. У нас прошёл этот тест Абель, наш разведчик знаменитый, вот он прошёл полиграф спокойно, потому что он – стержень самообладания в высшей степени. А я с гордостью говорю, что уже много десятков лет изучают работу детектора лжи по нашей, из фильма, сцене допроса, используя кадры ленты Вениамина Дормана как учебное пособие».

Когда снимали фильм «Освобождение», Михаил Иванович вспомнил, как во время войны жил во дворе Яузской больницы, одной из старейших в Москве. Всю войну там располагался госпиталь, он выступал перед ранеными.

«Меня ставили на табуретку, – рассказывает Михаил Иванович, – я читал стихи, пел народные песни, частушки, плясал. Помню, как чья-то рука вдруг протягивала мне кусочек са-

хара или хлеба. И помню прекрасно эту огромную востребованность песни. И двор наш пел, и семья пела, и страна пела. И люди говорили о чём угодно, только не о войне, хорошие, светлые люди. Как-то так получилось, просто вспомнил вот этих ребят в госпитале, и написал:

*Мы так давно, мы так давно не отдыхали,
Нам было просто не до отдыха с тобой,
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец, последний бой.
Ещё немного, ещё чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый.*

*А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму...».*

Песня Михаила Ножкина «Последний бой», которая звучит в фильме «Освобождение», сразу получила необыкновенное признание, популярность в народе.

Кино он по-прежнему любит. Но сниматься там, где предлагают сегодня, Ножкин не хочет. Ему это неинтересно, больно: ведь, как правило, в таких фильмах пять процентов жируют, остальные – за чертой бедности, в нищете. Ещё Некрасов сказал: «Были времена в России тяжелее – подлее не было». Словно о нынешнем времени сказано.

«Сегодняшнее время – бессовестное, – говорит актёр, – а потому оно не моё. А вот Россия – моя!».

Каждый раз на сцену как на плаху. И глядит слушателям прямо в глаза.

Михаил Ножкин как работал полвека назад, так и работает, не сбавляя темпа, продолжает свою активную концертную деятельность, выступает в самых лучших концертных залах России, в том числе и с большими авторскими вечерами.

«Песня в России, – считает Михаил Иванович, – всегда имела особое воздействие на человека, и она выполняет гораздо более важную роль, чем это принято считать. Очень важно с детства, что мы поём и что мы слышим. Ведь язык – это не территория, а народ».

Его ждут на творческие встречи, слушают, затаив дыхание. От его исполнения – «по спине бегут мурашки». Михаил Иванович этим, только этим и живёт – по-другому жить не умеет.

А на модных тусовках, где сытые мужья ведут циничные разговоры о переустройстве «этой» страны, его не встретить.

«Для них, там, наверху, – подчёркивает артист, – Россия – чужая. Абстрактное понятие, некая территория. Когда они пришли к власти и впервые сказали «эта страна», сразу понял, кто они такие. Ведь если бы было по-другому, то, наверное, они были бы заинтересованы, чтобы здесь было хорошо. А они со своей патологиче-

ской жадностью не знают меры. Скоро лопнут. Но всё не хватает. Последние годы мы живём по чужим, навязанным нам законам».

Не часто увидишь его и в прямом эфире по «их ТиВи». Вспомним Чехова: «Как бы чего не вышло...». Так и с Михаилом Ивановичем: ведь может сказать по «ящику» такое, что придётся не по нраву властям.

Хорошо, считает артист, что молодёжь в последнее время всё чаще стала говорить о Родине, о патриотизме.

«Такие дежурные вроде бы понятия, – подчеркивает Михаил Иванович, – но они уже без кривой ухмылки. Молодёжь начинает понимать, что патриотизм – это не что-то абстрактное и удалённое от действительности, а это твоя жизнь. Это любовь к Родине. Родина – это твоё прошлое, твоё настоящее и твоё будущее. Это твои дети, отец, мать, дед, то есть связь времён».

На одной из творческих встреч ему задали вопрос – «Чем сейчас живёте, Михаил Иванович?» – он ответил так:

«Тем же, чем и 50, 40, 30 лет назад. Живу тем, чем живёт Россия. Я никуда не уезжал. В этом моё спасение. Хорошо стране, и мне хорошо. Хреново – и мне то же самое. Надо верить в Россию. А что значит верить в Россию? Значит верить в себя, в друзей, в прошлое, в будущее своё, в то, что мы сможем одолеть в себе лень, предательство, внешних и внутренних врагов.

С чего начинать возрождение страны? С детей, с семьи. Вот она – наша национальная идея. А мы за последние годы сделали всё, чтобы развалить основу основ – семью. Мужики запили. Да и бабы им не уступают. Разве могут они родить и воспитать полноценных детей! Я считаю так: хотим сделать страну сильной – надо поддерживать здоровые молодые семьи: помогать, давать субсидии на жильё, поощрять рождение детей. Ведь от того, какими вырастим наших детей, зависит будущее России. Разве это не так? Как говорится, крепка семья – крепка держава».

2012

«Киев – Родина нежная ...»

Александр Вертинский ... Его уникальная выразительность исполнения, голос, редкое драматическое дарование и артистизм производили сильнейшее впечатление на всех, кто его слышал.

Великий русский певец родился в Киеве 21 марта 1889 года. Его отец Николай Петрович Вертинский был адвокатом, а мать Евгения Степановна Сколацкая происходила из дворянской семьи. Отец Александра не был официально женат на его матери, так как ему не дала развода его первая жена. Мать Вертинского умерла, когда Саше было три года, а спустя два года скончался от чахотки и его отец. Сашу и его старшую сестру Надю взяли на воспитание тётки со стороны матери, причём дети оказались в разных семьях.

«... Вот тут, недалеко, против Золотоворотского садика в доме N 43 по улице Короленко,

бывшей Большой Владимирской, – я родился, – вспоминал Александр Николаевич Вертинский. – Каждый камень этого города – я знаю».

В девятилетнем возрасте Вертинский блестяще сдал экзамен в подготовительный класс 1-й Императорской Александрийской гимназии. Но, не проучившись в ней и двух лет, был отчислен за неуспеваемость и переведён в 4-ю классическую гимназию, которую также не окончил.

Самыми светлыми впечатлениями детства для Вертинского было пение хора во Владимирском соборе, выступления слепых кобзарей в киевских дворах. Именно в это время в Александре зародилась и пылкая страсть к театру.

В книге «Дорогой длиною» Вертинский так вспоминает об этом периоде:

«Я всё время был в кругу поэтов, художников, актёров, журналистов /.../ Иногда мы голодали все вместе. Иногда жили получше, когда кто-нибудь получал деньги. Бродили по Киеву, спорили до одури, писали, читали, пели, говорили, декламировали /.../

Потом я был корректором в типографии Борщаговского на Крещатике, потом в поисках работы нанимался в помощники бухгалтера в «Европейскую» гостиницу, откуда меня скоро выгнали за неспособность, продавал открытки с «тёщиными языками» у фотографа Маркова, грузил арбузы на бараках на Днепре, и много ещё профессий перепробовал я в то время».

Мировоззрение и творческий стиль Александра Николаевича формировались в литературном собрании преподавательницы женской гимназии, очень умной и образованной женщины Софьи Николаевны Зелинской, за что он был благодарен ей всю свою жизнь. В её доме по улице Владимирской, 67 собирались художники Натан Альтман, Александр Осмёркин, Казимир Малевич, Марк Шагал, поэты Михаил Кузмин, Владимир Эльснер...

В канун Первой мировой войны с другом, художником Александром Осмёркиным Александр Николаевич переезжает в Москву, так как считал, что в Киеве исчерпал свои возможности.

В начале 1912 года Вертинский поступил в театр миниатюр, где выступал с небольшими пародиями. Например, когда балетная пара танцевала танго, он, стоя у кулис, исполнял песенку-пародию на то, что происходит на сцене. С 1912 года Вертинский снимается и в кино, сбылась юношеская мечта. Всего до эмиграции снялся в 18 фильмах, поставленных по его песням.

В конце 1914 года Вертинский отправился добровольцем на фронт и год прослужил санитаром на 68-м поезде Всероссийского союза городов, который курсировал между передовой и

Москвой. После ранения он вернулся в Москву, в театр миниатюр: создавал сценический образ Пьеро, исполнял песни на свои собственные стихи и стихи поэтов Серебряного века (Марина Цветаева, Игорь Северянин, Александр Блок).

Вертинский всегда работал на сцене в одиночку. Общительный, окружённый в повседневной жизни толпой друзей, на подмостках он никогда не нуждался в партнёрах. Артистическое одиночество было его принципом.

Неординарной была и его актерская маска, его «белый Пьеро». На нём короткий белый балахон из атласа, плотно застёгнутый до горла чёрными пуговицами, белое кружевное жабо, белая шапочка, скрывающая волосы. Лицо скрыто под толстым слоем грима, на котором выделялись длинные, резко изломанные брови, придающие лицу выражение печального вопроса. Постепенно его успех растёт. Он выступает на разных площадках, гастролирует.

К концу 1917-го белое одеяние Пьеро полностью вытесняется чёрным, и рождается невиданный чёрный траурный Пьеро. Вскоре Вертинский отказался от маски, за которой пытался скрыть свою застенчивость, и начал выступать в чёрном фраке или смокинге и белой крахмаль-

ной сорочке. Мемуаристы подчёркивают необыкновенную бледность артиста, его длинные невероятно выразительные пальцы. Жизнь и творчество Вертинского, как и жизнь всей России, приближались к роковому рубежу.

В 1916 году к Вертинскому приходит все-российская популярность, а в 1917-м артист объехал многие крупные города Российской империи, где выступал с неизменным успехом. Его песни отличались особенной индивидуальной окраской, привлекая не силой и красотой звучания, а пронзительной проникновенностью исполнения, в которой главным были страдающая интонация и изящный, немного изломанный, отчасти горький жест. Многих увлекал развивавшийся в каждой небольшой песенке захватывающий сюжет, со своей завязкой, кульминацией и часто неожиданной развязкой.

«Вертинский – это эпоха. Вертинский – это целое поколение, – писал Всеволод Иванов. – Вертинский впервые запел в то душное предгрозые перед Великой войной, когда мир ещё не знал, что соскальзывает в бездны истории. Вертинский тогда в своём печальном образе Пьеро явился контрастом, приговором, предостережением тому жадному, жирному, глотающему сёмгу благополучному реакционному обществу /.../ В сущности, это было тоже «эпатирование

буржуа», вроде футуризма, но совершенно по-другому, нежели делали Маяковский и другие. Искусство Вертинского – это настоящее, русское искусство, необычайно доброе, немного, я сказал бы, «юродивое»».

Октябрь 1917 года был ознаменован в творчестве Вертинского созданием известного романа «То, что я должен сказать, или Юнкера» (был больше известен под названием «Мальчики»). Этот романс, слова и музыка которого не забыты и сегодня, о гибели трёхсот московских юнкеров:

*Я не знаю, зачем и кому это нужно.
Кто послал их на смерть недрожащей рукой,
Только так беспощадно, так зло и не нужно
Опустили их в Вечный Покой.*

*Утомлённые зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искажённым лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника
обручальным кольцом...*

*И никто не додумался просто встать на колени
И сказать этим мальчикам,
что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне.*

... Его вызвали для объяснений в ЧК.

— Вы же не можете запретить мне их жалеть!

— Надо будет — и дышать запретим, — ответили ему.

Вместе с группой артистов Вертинский отправился гастролить по южным городам России. Выступал с концертами на подмостках маленьких театров и в литературно-артистических обществах Одессы, Харькова, Ялты, Севастополя...

13 декабря 1919 года вместе со многими другими гражданскими лицами и остатками врангелевских войск он эмигрирует в Константинополь.

Далее отправился в Румынию. 1922-й и 1923-й годы артист провёл в Польше, гастролитовал в Австрии, Венгрии, Ливане, Палестине, Египте, Ливии, Германии.

С 1923-го по 1925-й жил в Берлине, где женился на Надежде Потоцкой, дочери русских эмигрантов. Однако их союз оказался непрочным.

С 1925 по 1934 год Вертинский жил во Франции и находился в расцвете творческих сил. Осенью 1934 года отправился в Америку, а в октябре 1935 года уехал в Китай.

26 мая 1942 года Вертинский вступил в брак с Лидией Владимировной Циргвава, 20-летней

дочерью служащего КВЖД. Вертинский старше своей избранницы на тридцать четыре года. У них родились две дочери – знаменитые актрисы Марианна и Анастасия.

«Папины рассказы о Франции, Сингапуре, Греции – мы все ими заслушивались, – говорит Марианна Вертинская. – Жизнь сталкивала его с такими интересными людьми! Например, Шаляпин был его большим другом».

Четверть века Вертинский провёл в скитаниях по разным странам. Его уникальная выразительность исполнения, голос и артистизм производили сильнейшее впечатление на всех, кто его слышал. Не секрет, что песни Вертинского очень любил и всемогущий Сталин.

Вертинский многократно, ещё в 1930-е годы, просил разрешения вернуться в СССР. Но только во время Великой Отечественной, осенью 1943 года, Александр Николаевич наконец-то смог вместе с семьёй ехать на Родину. Они прибыли в Читу, а вскоре в Москву. Семья Вертинских с четырёхмесячной дочерью Марианной получила трёхкомнатную квартиру на Тверской улице, 12 (тогда улице Горького). В конце 1944 года родилась вторая дочь Анастасия.

Вертинскому даже разрешили выступать, выступал и на фронте с патриотическими пес-

нями. Но из ста с лишним песен его репертуара к исполнению в СССР было допущено не более тридцати. На каждом концерте присутствовал цензор.

...20 августа 1945 года Александр Николаевич Вертинский побывал в родном Киеве. Об этом свидании с родным городом он написал в письме жене Лидии Владимировне:

«Вот я и в Киеве. Не могу тебе описать то чувство, которое охватило меня при въезде в этот город моего детства и юности. Изменился он мало и, кроме неузнаваемого, разрушенного до ужаса Крещатика — во всём остальном он остался таким, каким я запомнил его на всю жизнь. Только стал старше немного. /.../ Был во Владимирском соборе. Он цел также, но обветшал немного, его уже реставрируют. Мы вошли внутрь, я снова смотрел на чудесную живопись и вспоминал, как семилетним мальчиком сюда водила меня Наташа, как я замирал от пения хора и как завидовал мальчикам в белых и золотых стихарях. Сколько воспоминаний! Тут была кондитерская, где мы гимназистами воровали пирожные. Вот Купеческий сад, в который я лазил через забор. Вот 1-я гимназия, где я учился в подготовительном классе. /.../ И это только первый день. Я не хотел много ходить — у меня вечером концерт, и где? В том самом бывшем Соловцовском театре, где я был статистом и где открутил бинокль от кресла (хотел его продать — я был вечно голоден) и откуда меня с

треском выгнали! /.../ Если Москва была возвращением на Родину, то Киев это возвращение в отчий дом».

После войны ему не разрешали выступать в престижных концертных залах, концерты в Москве и Ленинграде были редкостью. Вертинский был вынужден много гастролировать по стране. Выступал он в основном в маленьких отдалённых городках, где были тяжёлые бытовые условия, долгие утомительные переезды, концерты шли без афиш. Побывал в городах Средней Азии, Сибири, Урала...

На радио Вертинского не приглашали, пластинок почти не выпускали, не было рецензий в газетах.

В 1950-х годах Вертинский снимался в кино. Получил Сталинскую премию за роль в фильме «Заговор обречённых» (1951). Снялся ещё в пяти кинофильмах, в том числе – на киностудии им. Довженко в двух фильмах: «Пламя гнева» (1955, режиссер Т.В. Левчук) и «Кровавый рассвет» (1956, режиссер А. Швачко).

В последние годы жизни он испытывал серьёзные материальные трудности плюс душевное одиночество. Вспоминая свой путь в искусстве, Вертинский подчёркивал: «Разве я мог бы «выдумать» мои песенки, если бы я не прошёл

трудную и тяжелую жизненную школу, если бы я не выстрадал их...»

В мае 1957 года, во время гастролей в Ленинграде, Александр Николаевич Вертинский скончался. Ему было 68.

«Отец боготворил Киев, – вспоминает Марианна Александровна. – О нём он рассказывал всегда: как справляли Пасху, как праздновали Рождество, каким был стол, подарки».

По словам Марианны Александровны, в старости отец мечтал поселиться в Киеве, но мать не согласилась. О желании артиста свидетельствует и его письмо жене в Москву, посланное в 1955 году из Киева:

«Дорогая жена моя Лиличка! Ах, какую силу имеет прошлое! И как странно ходить по кладбищу своей юности! Вот и сейчас пишу вам письмо и заливаюсь слезами. Почему я должен жить в Москве, когда душа здесь, в Киеве?»

Незадолго до смерти, в 1956 году, Александр Николаевич написал в Киеве своё последнее стихотворение:

*Киев – Родина нежная,
Звучавшая мне во сне,
Юность моя мятежная,
Наконец ты вернулась мне!*

*Я готов целовать твои улицы,
Прижиматься к твоим площадям,
Я уже постарел, ссутулился,
Потерял уже счёт годам...*

*А твои каштаны дремучие,
Паникадила весны -
Всё цветут, как и прежде могучие,
Берегут мои детские сны.*

*Я хожу по родному городу,
Как по кладбищу юных дней,
Каждый камень я помню смолоду,
Каждый куст – выросал при мне.*

*Здесь тогда торговали мороженым,
А налево – была каланча...
Пожалей меня, Господи, Боже мой!...
Догорает моя свеча!...*

2009

Свет в конце тоннеля

Квартира народной артистки России Елены Камбуровой удивительна по дизайну. Камбурова – яркий художник во всём, с чем соприкасается в жизни. Её куклы, которых она любит делать, хоть и грустны порой, – мудры.

Вообще многие вещи в квартире кажутся одушевлёнными. Среди них – дорогие реликвии: некоторые вещи из дома народной артистки СССР Фаины Георгиевны Раневской, которая сначала поверила в молодую певицу, а потом одарила её своей дружбой. Три последних года жизни Фаины Георгиевны Камбурова встречала новогодние праздники вместе с ней. Читали Пушкина, рассматривали альбомы с фотографиями животных.

А сам дом Камбуровой в тихом московском переулке внешне ничем не примечателен. Наоборот, сер, убог, как наша действительность.

Сюда, в небольшую трёхкомнатную квартиру – певице крайне необходимо было не просто жизненное пространство, но место для работы (рояль негде было поставить) – она переехала из однокомнатной в соседнем элитном доме.

В таких, наверное, домах, как нынешний камбуровский, если в них нет художников, живут – нет, существуют! – герои песни Владимира Высоцкого «Старый дом»: пьют, колятся, крутят с утра до вечера попсу.

Когда не стало Владимира Высоцкого, друзья спрашивали певицу:

– Ты что-нибудь споёшь из его песен, вот сейчас все начинают...

На это Елена Антоновна отвечала:

– Я к творчеству Высоцкого пока притронуться не могу.

Ей казалось, что это только его. Прошли годы. Теперь моноспектакли на темы песен Высоцкого прочно вошли в репертуар певицы и актрисы.

Камбурова обратилась к творчеству Владимира Высоцкого бережно, сохранив авторскую ауру, что было оценено его родными. Но, например, песня «Старый дом» у Высоцкого звучит бытово. Явление только показано: да, наша жизнь бездуховна... Камбурова же как бы усиливает социальное значение авторского начала, показывает одиночество, а иногда и деградацию человека в современном мире. Обнажена боль.

«Дом» Высоцкого в камбуровской интерпретации – образ сегодняшней России.

– Если бы я жила в другое время, – отмечает певица, – у меня не было бы песен, подобных «Старому дому». Здесь моя интонация поневоле очень жестокая, агрессивная. Но иначе как об этом сказать?! А не говорить – нельзя!

На концертах в самых отдалённых уголках России Камбурова вызывает к нашему разуму. И это не глас вопиющего в Пустыне.

Интересно, что для одной из ранних пластинок Камбуровой, выпускницы училища циркового и эстрадного искусства, написал доброе напутствие Юрий Никулин. Другой знаменитый клоун Леонид Енгибаров мечтал сделать с ней программу. И она тоже – Клоун. В лучшем смысле слова...

Её пение – это искусство, представляющее синтез музыки, поэтического слова и актёрской работы, где непременно присутствуют ещё два момента: авторская сопричастность и импровизация. Репертуар необычайно разнообразен.

В программах органично сочетаются произведения современных композиторов на стихи А. Пушкина и В. Шекспира, Ф. Тютчева и Г. Лорки, В. Маяковского и П. Неруды, А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Блока, О. Мандельштама, Г. Иванова, Б. Пастернака, А. Тарковского,

Ю. Левитанского, вокальные циклы М. Мусоргского, Д. Шостаковича, Ф. Шуберта, музыка А. Вивальди, русские народные, английские и французские песни и баллады, романсы и отрывки из мюзиклов.

Наряду со сборными программами родились и моноспектакли на темы А. Вертинского, А. Блока, Жака Бреля, Германа Ван Вейна: «Игра снов», «Я возвращаюсь к вам, мои друзья», «Ты видишь, я помню»... Кроме русского поёт и на других языках – греческом, французском, английском, испанском, польском...

Попадая в творческую лабораторию певицы, уже существующие в мировой культуре произведения совершенно разных эпох и стилей, обретают новые неожиданные краски, и давно, казалось бы, знакомое, оказывается открытием.

С огромным успехом гастроли Елены Камбуровой проходили в Польше, Германии, Португалии, Греции, Великобритании, Голландии, Израиле, США, Канаде...

Да, Камбурова сегодня – знаменитость, но человек далеко не богатый. И если бы ни внимание к творчеству спонсоров, поклонников ее таланта, не вышли бы её альбомы и компакт-диски.

Один из них – «Дрёма» для русских эмигрантов в США. Это – первая антология колыбельных песен. Нет её и в России. Колыбельные, исполненные Камбуровой, созданы в разные времена, композиторами разных народов: Мо-

цартом, Чайковским, Брамсом, Шуманом, Мусоргским, Римским-Корсаковым, Дунаевским, Хренниковым, Никитиным. Стихи этих песен русские. Многие давно уже по праву считаются народными. Эти песни будут востребованы всегда. Это память и гордость России.

– На сцене сохраняю дорогой для меня мир, в котором я жила и живу, – отмечает Елена Антоновна, упоминая имена учителей, друзей, соратников. – Мне только грустно, что в России больше звучит других песен – попсы. К сожалению, это происходит не само по себе, а благодаря тому же телевидению, на котором настоящим песням практически не осталось места: их никто не поддерживает финансово. Мы же, авторы и исполнители, сделать это по понятным причинам не в состоянии.

Елена Антоновна записала песни более чем к ста кинофильмам, среди которых «Раба любви», «Дульсинея Тобосская», «Небеса обетованные», «Нас не в церкви венчали» ...

Среди её актерских работ роли в фильмах «Театр неизвестного актера», «Клоун», «Поворот сюжета»...

Певица серьёзно убеждена, что на судьбу России очень влияет то, какие песни слышит её народ. Иначе она не была бы той Камбуровой, которую мы знаем и любим.

– Песня, – продолжает певица, – имеет огромное воспитательное значение. И когда молодёжь воспитывается на попсе, которая учит мыслить – личности человека наносится огромный урон. Это – духовный Чернобыль. И последствия чудовищны не только потому, что громадна территория распространения, но и для будущего граждан России. И нельзя успокаиваться: попса – это песни-однодневки. Происходит эрозия вкуса.

Одна из программ Елены Камбуровой называется «Да осенит тишина». Это история России со всеми перепадами – и расцветом, и страшными временами, показанная через русскую народную песню. Значение этой грандиозной по масштабу и потрясающей по своему эмоциональному воздействию работы как нельзя лучше определяет короткая фраза – название великолепного телевизионного цикла Леонида Филатова «Чтобы помнили»,

По словам Елены Антоновны, может быть, самая большая и важная школа для неё самой – это школа её песен. Это мир, в котором есть что увидеть и расслышать. И тогда песни открывают очень яркие, таинственные и тонкие, масштабные миры. Находясь в этих мирах, певица, невольно, стала пожизненным учеником школы своих песен.

Нас удивляет эта необычайная тонкость певицы и актрисы, способной дотронуться до глубоких струн человеческой души, разбудить

в людях надежду и веру, иногда в самые трудные мгновения жизни. Камбурова умеет, как, пожалуй, никто другой, чувствовать человека и время, его остроту. Вот почему каждый номер, каждая песня – это разовое исполнение. Только – сегодня.

– Я убеждена, что песня – живое существо, летящее во времени и в пространстве, – размышляет Елена Антоновна. – Но в отличие от многих живых существ, она не имеет возраста, никогда не бывает старой для меня. Песня каждый раз рождается в зале, в который я выхожу, когда голос, душа соединяются с ней, когда вижу своих слушателей.

– И мне и моим песням нужны не аккомпаниаторы, а партнёры, музыканты, с которыми интересно не только выходить на сцену, но и репетировать, придумывая и находя те оттенки, тембры, интонационные краски, в которых рождается песня. И важно, чтобы наши представления совпадали. Я всегда с большим удовольствием представляю на сцене лауреатов Международных конкурсов пианиста Олега Синкина и гитариста Вячеслава Голикова.

Ц асами может говорить Елена Антоновна о своём детище – Театре Музыки и Поэзии. Необычная аура Новодевичьего монастыря ощущается сразу же, как выходишь из

метро на станции «Спортивная». В 1998 году, когда передали кинотеатр «Спорт», Елена Антоновна поехала в монастырь на вербное воскресение. Была поздняя весна. Над золотыми куполами ярко светило солнце.

– Счастливая я, – подумала певица. – Театр как будто и должен был вырасти на этом месте.

Чудо это или судьба?! А может быть, мечты, если в них очень верить, всё-таки воплощаются!

Елена Камбурова – селекционер талантов. Вместе с ней работают в театре: Александр Лущик, Инна Разумихина, Ульяна Бударных, Инна Тудакова, Елена Трещинская, Андрей Крамаренко...

Из Московского тюза пришла в Театр Камбуровой лауреат конкурса актерской песни имени Андрея Миронова Ирина Евдокимова. Из её экспромта здесь родился спектакль «Пушкин и кампания» (по письмам поэта и прозе Б. Шергина, музыка народная).

Каждый месяц в театре – «день открытых дверей» для одарённых. На заседании клуба Елены Камбуровой могут выступить все желающие. И не только москвичи, но и из разных регионов России. В театр много звонят отовсюду, приходят письма, бандероли с кассетами, сборниками стихов.

Елена Камбурова как нарочно выбирает сложный путь. Маленькая, скромная на вид женщина, о чём она задумывается?! О вечном!

– Наш театр сегодня, – говорит Елена Антоновна, – это появление в России традиции петь и слушать песни, в основе которых стихи, окрылённые музыкой, их актёрское проживание и душевное напряжение зрительского зала. Традиция – это конкретные люди. И те, кто вместе со мной сейчас, мои союзники, соратники, и те, с кем пока ещё не знакомы, кого подарит нам завтрашний день.

Она разговаривает с нами (но, как заметил один известный музыковед, говорит ещё и сама с собой), о чём-то важном предупреждает, словно, уберегает от беды... И Камбурова имеет на это право. Она, как будто из другого, более высшего измерения. Власть её голоса и исполнения такова, что человек как бы приподнимается над собой.

И завтра, и послезавтра Елена Камбурова вновь отправится с концертами по России – чтобы всё больше и больше людей могли увидеть свет в конце тоннеля.

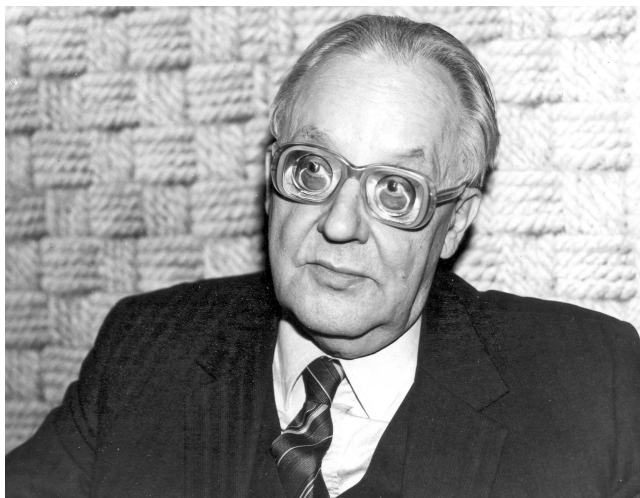
1999

И не прервётся серебряная нить...

«Мир глазами историка»

24 декабря 2013 года в память о выдающемся российском историке, академике РАН Юрии Александровиче Полякове (1921-2012), чьи труды изданы на многих иностранных языках, создателе авторитетной научной школы, в Институте российской истории (ИРИ) РАН открылся мемориальный кабинет учёного, прошли Научные чтения «Мир глазами историка»¹.

¹ Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / сост. В.Б. Жиромская; отв. ред.: В.А. Тишков, Ю.А. Петров; Ин-т российской истории РАН, Отд-ние ист.-филол. наук РАН, Науч. совет РАН по исторической демографии и исторической географии. М.: ИРИ РАН, 2014

Ю.А. Поляков.

Фото из семейного архива Е.Ю. Поляковой

Открыл приветственным словом и вёл Чтения, которые отныне будут ежегодными, академик-секретарь отделения историко-филологических наук РАН академик В.А. Тишков.

«Мы назвали эти Чтения «Мир глазами историка», – подчеркнул Валерий Александрович, – имея в виду то, что ушедший от нас наш друг и коллега академик Юрий Александрович Поляков олицетворяет в себе одновременно и историка XX века, и образец того, как нужно изучать историю этой очень сложной и драматичной эпохи».

Юрий Александрович отдал служению науке более 60 лет жизни. Его научное наследие –

свыше 650 научных публикаций, в том числе десятки монографических исследований, посвящённых переломным периодам отечественной истории – Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР, восстановительному периоду, истории советского крестьянства...

Большого уважения заслуживает и плодотворная педагогическая деятельность Юрия Александровича в различных вузах, аспирантуре и докторантуре. Сегодня многочисленные ученики продолжают дело своего наставника. Среди них – доктор исторических наук В.Б. Жиромская, проработавшая с Юрием Александровичем в ИРИ РАН многие годы, она стала главным координатором при подготовке этих Чтений.

Юрий Александрович и сам никогда не забывал тех, кто помог сформироваться ему как учёному. Из его учителей, оказавших на него наибольшее воздействие, Юрий Александрович всегда называл академиков Михаила Николаевича Тихомирова, Милицу Васильевну Нечкину, Владимира Михайловича Хвостова...

Юрий Александрович многие годы поддерживал добрые отношения с учёными (в то время – преподавателями и студентами МГУ), с которыми судьба свела его в эвакуации в Ашхабаде и Свердловске.

Так, в наших беседах он с большим уважением отзывался об одном из их педагогов, молодом, подающем уже тогда большие надежды,

учёном – Алексее Леонтьевиче Нарочницком (1907-1989), который окончил перед войной аспирантуру МГУ и защитил кандидатскую диссертацию. Рассказывал Юрий Александрович и о дальнейших встречах и совместной работе с ним, ставшим выдающимся историком, академиком. В 1974-1979 годах, когда Алексей Леонтьевич возглавлял Институт истории СССР, Поляков продолжал исследования по ключевым направлениям работы института – Гражданской войне, НЭПу.

Символично, что 2012-й, последний год жизни Юрия Александровича, когда отмечалось 1150-летие создания Русского государства, 770 лет со дня Ледового побоища, 400 лет со дня освобождения Москвы от поляков ополчением князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, 200-летие Отечественной войны 1812 года, другие юбилейные даты, именно по инициативе Ю.А. Полякова был объявлен президентом России годом российской истории.

Штрихи к портрету

Че верится, что Юрия Александровича нет с нами, что больше не увижу его, не услышу голос по телефону... Но, слава Богу, несколько мгновений из его долгой жизни сохранены в видеофильме, снятом по заказу его родных и близких к 90-летию со дня рождения. И через эти запечатлённые мгновенья профес-

сионально и ярко показан портрет незаурядной личности. Рассказывая о времени и о себе, трудностях и победах, герой в кадре, – а они сняты на даче близ Звенигорода, – не позирует, а прост и непринуждён, даёт взвешенные, мудрые оценки.

Всё здесь, в фильме (эти мгновения складывались не из одного съёмочного дня), привлекает, располагает – и живой, острый ум Юрия Александровича, и его тонкий юмор и самоирония, и умение заинтересовать слушающих и смотрящих своим рассказом...

Перечитываю подаренные им книги, рассматриваю фотографии. Вспоминаю наши встречи и беседы с Юрием Александровичем разных лет – и у них с Александрой Яковлевной в гостях, на улице Дмитрия Ульянова, (здесь же, всего через несколько кварталов, и его институт), и в институтском рабочем кабинете.

Не верится, что он не войдёт больше в свой кабинет, где постоянно обсуждались острейшие проблемы современной исторической науки, велись горячие дискуссии, куда приходили и приходили многочисленные посетители, коллеги и ученики. Не верится, что этот кабинет с большим столом, на котором постоянно появлялись новые книги и хозяина, и гостей, станет отныне мемориальным.

Во время одной из последних наших встреч, в апреле 2012 года, к Юрию Александровичу заглянул сюда, чтобы пригласить на свой 90-летний юбилей, другой выдающийся историк на-

шего времени (его, увы, тоже уже нет с нами!..) – академик РАО, сын легендарного полярника, путешественника и учёного О.Ю. Шмидта Сигурд Оттович Шмидт.

Юрий Александрович представил меня ему, и Сигурд Оттович, улыбнувшись, с большой теплотой стал говорить о моём покойном отце – ифлийце, известном в СССР историком-архивистом Алексее Владимировиче Головкине (1918-1992), с которым они встречались в разные годы и в Московском историко-архивном институте (ныне в составе РГГУ), и в архивах, и на научных конференциях...

Да, архивы были их родной стихией: и Юрий Александрович, и Сигурд Оттович не раз писали и говорили о том, что архивы и документы, на которые они постоянно опирались в своих публикациях, – это «золотая кладовая исторической науки, культуры страны».

...Юрий Александрович с самого детства и до нынешних моих седи́н был для меня просто дядей Юрой. Так с любовью, уважительно называют родных людей. И Юрий Александрович, у которого я многому научился и чьи уроки любви к своему делу, доброго отношения к людям я никогда не забуду, всегда был для меня близким человеком.

Его мама Лидия Евгеньевна Полякова (Ершова) была старшей сестрой моего деда Николая Евгеньевича Ершова, а моя мама – профессор, доктор педагогических наук Евгения Нико-

лаевна Ершова – двоюродная сестра дяди Юры. Вот уже более полувека наши родственные семьи поддерживали и поддерживают тесные, тёплые отношения.

Помни имя своё

Юрий Александрович всю жизнь не только посвятил отечественной истории, но и изучению своей родословной. И это – несмотря на то, что о своих корнях в силу известных причин и говорить, и писать было невозможно. А ему как историку и члену партии – тем более.

До поры до времени Юрий Александрович делал это тайно, сберегая то немного, что сохранилось в их семье, а также собирая по группам всё, что можно было отыскать в архивах, библиотеках, музеях ...

Уже в постсоветское время увидели свет его книги воспоминаний «Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка», где есть и главы, посвящённые родословной.

...Прадед Юрия Александровича по отцовской линии – известный фабрикант Александр Яковлевич Поляков. В 1886 году им было основано «Фабрично-торговое товарищество Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова», объединившее несколько подмосковных производств. Тогда же он покупает и разоренную усадьбу близ Красногорска – Знаменское-Губайлово,

одну из интереснейших подмосковных усадеб, история которой известна с начала XVII века.

Александр Яковлевич был купцом нового поколения и хотел, чтобы его дети имели хорошее образование. Так и случилось. Особенно ярко это видно на примере судьбы Сергея Александровича Полякова (1874–1943) – известного мецената, издателя начала XX века, основавшего издательство «Скорпион», создавшего литературный журнал «Весы», совладельца Товарищества, последнего владельца усадьбы.

Окончив 6-ю московскую гимназию с золотой медалью, в которой в те же годы учился Иван Сергеевич Шмелёв, будущий великий русский писатель, Сергей Александрович поступил на физико-математический факультет Московского университета. Во время учёбы слушал отдельные лекции на историко-филологическом факультете, посещал курсы по литературе, изучал иностранные языки.

«Серебряный век», как мы называем этот период русской литературы, во многом обязан своим расцветом усадьбе Знаменское-Губайлово, образно названной внучатым племянником Сергея Александровича Юрием Александровичем Поляковым Московским Парнасом.

И это справедливо: ведь здесь в конце XIX – начале XX века бывали Брюсов, Белый, Бальмонт, Балтрушайтис, другие поэты-символисты. Особенно часто гостил Бальмонт, который,

как рассказывал мне Юрий Александрович, был связан с Поляковыми семейными узами.

В статье «Памяти Юрия Александровича Полякова» один из его друзей, выдающийся математик, академик РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РФ Виктор Павлович Маслов пишет:

«<...>Родственный клан суконных фабрикантов Поляковых, издателей Сабашниковых и домовладельцев Андреевых породил на стыке XIX и XX веков поколение детей, которые предпочитали заниматься наукой, литературой и искусством. Это были, например, Екатерина Александровна Андреева (жена поэта К. Бальмонта), Маргарита Васильевна Сабашникова (жена поэта М. Волошина) и, наконец, дядя Юрия Александровича – Сергей Александрович Поляков. Последний – математик по образованию, полиглот, знавший 15 языков, переводчик, был меценатом, издававшим знаменитые ныне литературные журналы «Скорпион», «Весы», «Северные цветы».

<...>Как мне рассказывал Юрий Александрович, именно пример дяди Сергея заразил его интересом к научному знанию и увлеченностью гуманитарными науками. Так что сказались не только гены, но и непосредственное влияние.

Эти корни бескорыстной увлечённости передались Юрию Александровичу, который отдал свою жизнь большой, глубокой науке».

Автограф Шаляпина

Но, конечно, и гены рода матери Юрия Александровича, бабушка которого Евгения Андреевна была до революции хористкой Императорского (Большого) театра, безусловно, тоже оказали своё влияние.

В личном архиве дяди Юры есть семейная реликвия – фотография Фёдора Ивановича Шаляпина с автографом великого певца.

Автограф Ф.И. Шаляпина с дарственной надписью
Л.Е. Ершовой (Поляковой), 1900.

Фото из семейного архива Е.Ю. Поляковой

Однажды, показав фотографию, Юрий Александрович рассказал мне такую историю:

– «31 декабря 1900 года состоялся новогодний утренник для детей артистов Большого театра. Была там и моя мать, Лидия Евгеньевна Ершова, тогда тринадцатилетняя гимназистка 5 класса гимназии С. Арсеньевой и ученица открывшегося пять лет назад музыкального училища сестёр Гнесиных.

На утренник пришёл солист Большого театра Шаляпин. Двадцатисемилетний артист, второй год певший на его сцене, был любимцем труппы. Уже широко известный, он оставался приветливым, открытым, дружелюбным, демократичным.

Фёдор Иванович стал душой утренника, много пел, шутил, без усталости танцевал с прославленными примадоннами и юными балеринами.

Вальсировал он и с гимназисткой Ершовой. И вот бесценный подарок – фотография певца с размашистой подписью «Милой барышне Лидочке Ершовой на добрую память. Фёдор Шаляпин. 31/12-1900 г.».

Продолжение этой истории – семейный анекдот, который мне также рассказывали и Юрий Александрович, и моя мама.

Брат Лидочки Николай, мой родной дед, который был младше сестры на два года, позабавив её. Однажды, оставшись дома один, он «исправил» автограф знаменитости: «Милому боярину Коленьке Ершову...».

Конечно, шалость в конце концов обнару-
жили. Автограф как-то был восстановлен.

В «городе хлебном»

Судьба Юрия Александровича, как и
судьба нашей семьи, оказалась тес-
но связанной со Средней Азией. Поэтому я не
удивлялся, когда встречал у него дома или в
институте его учеников из Узбекистана – аспи-
рантов и молодых учёных, которые уже успели
сказать своё слово в науке.

Да, их земля была для него не чужая. Юрий
Александрович родился 18 октября 1921 года в
Ташкенте, куда в годы Гражданской войны пере-
ехала из Москвы семья Поляковых. Отец Юрия
Александровича Александр Васильевич был
прекрасным хирургом. Поэтому с его опытом он
нашёл здесь работу.

Позднее в «город хлебный» к семье племян-
ника перебрался Сергей Александрович Поляков.
О том, как много дало ему общение с дядей Се-
рёжей, прежде всего, в выборе жизненного пути,
профессии, Юрий Александрович рассказывает и
в своих воспоминаниях, и в видеофильме.

Именно тогда сформировался и его высо-
кий литературный вкус, который я ощущал не-
изменно в наших беседах. Именно тогда дядя
Юра, который писал стихи с детства (да и в зре-
лые годы продолжал писать!), отдал предпочте-
ние музе истории, а не музе поэзии.

Родители Юрия Александровича, к сожалению, расстались. Старшая сестра его матери Софья Евгеньевна писала и писала из Москвы письма, просила Лидочку вернуться...

Лицей в Сокольниках

По возвращении в Москву Лидия Евгеньевна с Юрием (у старших двух её сыновей была уже своя судьба) жили в малюсенькой комнатке в коммуналке. Лидочка, некогда вальсировавшая с Шаляпиным, грезившая миром музыки, из-за серьёзной болезни не стала певицей и музыкантом. Чтобы заработать на жизнь она, как инвалид, трудилась надомницей, в частности, изготавливала ёлочные украшения. В этом помогал ей и сын.

По окончании школы Юрий Александрович, как отличник, мог выбрать любой факультет, но выбрал исторический.

В 1940 году он поступил на исторический факультет Московского института философии, литературы, истории (ИФЛИ) имени Н.Г. Чернышевского, созданный в 1931 году.

ИФЛИ (вспоминая Пушкина) называли Лицеём в Сокольниках. Именно здесь, прямо в лесу, находился этот легендарный институт – лучший гуманитарный вуз того времени, воспитавший целое поколение советской интеллигенции – известных историков, философов, литературоведов, писателей.

Сама атмосфера ИФЛИ, по признанию его питомцев, располагала к поэзии. Среди ифлийцев – Александр Твардовский, который был старше других, Семён Гудзенко, Павел Коган, Юрий Левитанский, Давид Самойлов...

В аспирантуре ИФЛИ учился Константин Симонов, но недоучился – отправился военным корреспондентом на Халхин-Гол.

«Особая атмосфера ощущалась в институте даже в обеденную перемену, — вспоминал Юрий Александрович, — девушки у окна напевали мало ещё известную тогда, но ставшую нашим гимном, сочиненную ифлийским поэтом Павлом Коганом «Бригантину», одна группа студентов в коридоре ожесточенно спорила о новом фильме, а другая слушала юного пиита, вдохновенно декламировавшего свои стихи».

МГУ

Осенью 1941 года Юрий Александрович вместе с другими ифлийцами, в том числе Дмитрием Владимировичем Сарбьяновым (он стал известным искусствоведом, академиком, недавно тоже ушёл из жизни), был на строительстве оборонительных рубежей под Москвой.

Из воспоминаний моей мамы – профессора Евгении Николаевны Ершовой:

«<...> В середине ноября 1941 года папа получил открытку из Москвы от сестры Лидии

Поляковой. Она писала, что её младший сын, студент II курса ИФЛИ, Юрий Поляков, вместе с МГУ отправляется в эвакуацию в Ашхабад.

«Зная твоё доброе сердце, – писала тётя Лида, – верю, что ты его примешь как родной отец».

По решению Государственного Комитета обороны об эвакуации МГУ в конце октября – начале ноября 1941 года, в тяжелейшие для столицы дни, из Москвы в Ашхабад стали отправляться эшелоны с семьями профессорско-преподавательского состава, аспирантами и студентами, сотрудниками.

Первая группа эвакуированных выехала 22 октября (некоторые студенты вначале даже шли пешком), а встретили мы их только 6 декабря. Вторая группа покинула Москву в ноябре и, преодолевая невероятные трудности, попала в Ашхабад в начале января 1942 года.

В январе 1942 года на всех факультетах МГУ начались занятия. Перед этим, уже в Ашхабаде, в декабре произошло слияние ИФЛИ с МГУ. <...>Письма из Москвы от тёти Лиды приходили довольно часто. Всю войну она провела здесь, и впоследствии была награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны». Как-то раз тётя Лида написала:

«Сегодня раскололи Юрины лыжи – вдоволь с Соней (её сестрой – Е. Ершова) смогли попить горячего чайку...» <...>».

После Ашхабада эвакуация МГУ продолжилась осенью 1942 года в Свердловске, откуда в 1943-м главный вуз страны вернулся в Москву.

В своих мемуарах и в видеофильме Юрий Александрович вспоминает о зиме 1942 года в Свердловске, когда он работал на оборонном заводе, продолжая занятия в эвакуированном МГУ.

В 1945 году он окончил исторический факультет МГУ. С 1949 года Юрий Александрович работал в институте истории СССР АН СССР, позднее преобразованном в два института – отечественной и всеобщей истории. Параллельно долгие годы он преподавал в своей альма-матер.

Страсти по Шульгину

В разные периоды советского общества Юрий Александрович сохранял высокое достоинство учёного и человека, выступая за беспристрастный подход к историческому прошлому. Это можно проследить на примере его работы в 1966–1969 годах главным редактором журнала «История СССР».

«В 1967 году, когда я был главным редактором журнала «История СССР», — рассказывает Юрий Александрович, — мы опубликовали воспоминания Василия Витальевича Шульгина, очень крупного деятеля, боровшегося против Советской власти. Во время войны он находился в Югославии, и когда наши войска её освободили, то Шульгина арестовали, осудили, а по-

том выпустили. И он стал довольно популярен. И, в частности, он написал воспоминания. Часть этих воспоминаний мы опубликовали в двух номерах, снабдив их, соответственно, предисловием и заключением».

В то время очень популярной была «Неделя» — приложение к «Известиям». Эта газета без каких-либо комментариев перепечатала часть воспоминаний Шульгина, что вызвало недовольство в партийных кругах, данный вопрос обсуждался на Секретариате ЦК КПСС.

«Обсуждалась, собственно, публикация в «Неделе», — продолжает Юрий Александрович, — а не наш журнал. Её резко критиковали, придавая политический характер этой публикации. Поскольку перепечатка в «Неделе» была из нашего журнала, то я тоже выступил с научным обоснованием публикации, отметив, что материалы наших противников мы можем и должны публиковать для науки.

Я отметил, что для науки такие материалы необходимы, поскольку без знания взглядов противника нельзя добиться объективности. Кроме того, в воспоминаниях В.В. Шульгина имеется очень много существенных исторических деталей.

Со мной в принципе согласились, но весь характер обсуждения на Секретариате ЦК КПСС носил критический характер. Моё объяснение и научное обоснование было воспринято, конечно, без энтузиазма, но так или иначе мне

никакого взыскания не было дано, я был всего лишь вызван к вице-президенту АН СССР Федосееву, который сказал, что ему поручено мне передать, что я предупреждён. Это самое малое из партийных взысканий. И с поста редактора я не был снят, а редактору «Известий» и редактору «Недели» сильно попало. Через два года, в 1969 году, я ушёл сам, по собственному желанию, поскольку понял, что работать в таких условиях, под таким контролем мне не по душе.

Всю эту историю Юрий Александрович потом подробно описал в статье «Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину», опубликованной в журнале «Вопросы истории» (1994. № 3). В этой статье он рассказал, как проходило заседание Секретариата ЦК КПСС.

Настольные книги историков

Среди его известных трудов – «Гражданская война: взгляд сквозь годы», «Переход к нэпу и советское крестьянство», которые вошли в золотой фонд российской историографии.

Вместе с коллективом авторов он осуществил первую публикацию репрессированной переписи населения – «Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись 1937 года».

Одновременно Юрий Александрович продолжал изучение наиболее актуальных и дискуссионных проблем истории, опубликовал

монографии «Наше непредсказуемое прошлое: полемические заметки», «Историческая наука: люди и проблемы».

Эти и другие исследования, которые отличаются смелой постановкой новых проблем, взвешенными оценками событий, будируют мысль, порождали и порождают дискуссии.

А среди многочисленных статей Юрия Александровича есть и статьи по геральдике, которой он серьёзно интересовался и профессионально этим занимался.

Он собрал большую коллекцию гербов различных государств, где побывал на международных научных конференциях, древних городов России. Гордился этой коллекцией, мог подолгу увлечённо рассказывать гостям о своих раритетах.

Да, главной музой Полякова стала история, но и музу поэзии, свою первую любовь он никогда не забывал. В 2003 году вышла книга «Вторая муза историка» – первое уникальное собрание художественных произведений 42 российских историков XX века. В этой книге были опубликованы стихи, рассказы, книжные иллюстрации, рисунки и карикатуры ушедших и ныне живущих историков. Юрий Александрович представлен здесь своими стихами разных лет и блестящими литературными пародиями на русских классиков и советских поэтов.

И вновь вернёмся к его воспоминаниям. Юрий Александрович подготовил и выпустил

книги «Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка».

Первая книга его воспоминаний посвящена событиям начала 1920-х – конца 1940-х годов, свидетелем и непосредственным участником которых он был, – новая экономическая политика, 1930-е годы, Великая Отечественная война. Юрий Александрович даёт свои оценки глобальных событий, происходивших в СССР и накладывавших свой отпечаток на быт советской семьи и повседневную жизнь его – школьника, студента, труженика тыла и молодого исследователя, на глазах которого творилась сама история.

Вторая книга его воспоминаний посвящена событиям второй половины 1940-х – начала 2010-х годов – суровому послевоенному времени, идеологическим баталиям, борьбе с «культом личности», общественной «оттепели», «застоем», а также научным изысканиям, сотрудничеству с известными отечественными и зарубежными историками.

Демография и наши потери в Великой Отечественной

Юрий Александрович стоял у истоков зарождения исторической демографии, экодемографии, истории российской повседневности. Под его руководством и при активном авторском участии создавалась пер-

вая в нашей стране история российского населения в XX веке.

И прежде, конечно, в своих исследованиях, в частности, в работах по истории Гражданской войны, он уделял внимание проблемам населения.

«Я занимался историей Гражданской войны», — рассказывает Юрий Александрович. — Моя кандидатская диссертация была посвящена Москве в годы Гражданской войны. Меня заинтересовало, какова была численность населения Москвы. Затем я стал заниматься аграрной тематикой, и моя докторская диссертация была посвящена переходу к НЭПу и советскому крестьянству».

Начиная с 1980-х, в его научном творчестве — например, в монографии 1986 года «Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население» — интерес к демографической стороне исторических процессов становится особенно выраженным.

В начале 1980-х Юрию Александровичу принадлежала инициатива создания при отделении истории АН СССР Комиссии по исторической демографии и исторической географии.

Комиссия во главе с Ю.А. Поляковым была создана весной 1983 года, а уже осенью того же года журнал «Вопросы истории» опубликовал материал о важнейших проблемах развития этой области исторического знания.

В 1984 году Комиссия была преобразована в Научный совет АН СССР по исторической де-

мографии и исторической географии, который объединил немногочисленных тогда специалистов в этих областях.

Совет провёл ряд Всесоюзных и Всероссийских конференций по исторической демографии, география которых охватывала города РСФСР и других союзных республик. На многих из этих научных форумах, позволивших поднять на высокий уровень изучение историко-демографических проблем, Юрий Александрович выступал с докладами теоретико-методологического характера.

Занимаясь этим новым, чрезвычайно важным направлением, Юрий Александрович принимал участие, в сотрудничестве со специалистами Госкомстата СССР, Министерства обороны СССР и МГУ в исчислении людских потерь за годы Великой Отечественной войны.

«Было много споров о потерях населения СССР в Великой Отечественной войне, – отмечал в одном из интервью Юрий Александрович. – В один из юбилеев Победы Ельцин озвучил цифру в 26,2 млн. человек. Знаете, почему? Слышали ли Вы фамилию Волкогонов? Он был директором Института военной истории, готовил доклад Ельцину в 1995 году. Ельцин попросил привести данные о потерях. Волкогонов позвонил мне. Мы как раз проводили конференцию (все её материалы опубликованы).

Я ответил Волкогонову, что все сошлись на том, что потери в войне превышают 26 млн.

человек. Волкогонов мне рассказывал, что он сообщил об этом Ельцину, а тот в ответ сказал: «Нужна точная цифра».

Волкогонов, не долго думая, сказал: «26 млн. 247 тыс», – придумав, взяв с потолка последние цифры, и эти данные теперь часто публикуются».

Работы Юрия Александровича – монографии, статьи, доклады – имели определяющее значение для исследования исторической демографии в системе наук.

Это способствовало созданию в 1992 году в Институте истории РАН Центра изучения истории территории и населения России, а в составе этого Центра – творческой группы по исторической демографии.

Такой подход объединяет историков, демографов, антропологов, экологов, этнографов, медиков, физиков...

Юрий Александрович разрабатывал теоретическую базу двух новых направлений исторических исследований, также близких к кругу интересов демографии – «Историческая экология» и «Человек в российской повседневности». Юрий Александрович буквально жил этим.

«Демография, – подчёркивал он, – это наука о человеке, и у нас до сих пор идут споры, должна ли историческая демография включать только формальные цифры о смертности и рождаемости, или же она должна включать и анализ социальных вопросов. С одной стороны, нельзя расширять историческую демографию до бес-

конечности, но, с другой стороны, нельзя забывать и об изменении социально-политической ситуации. Вы же понимаете, как много значит, в каких условиях рождается ребёнок, в каких живёт. Сейчас в стране несколько выросла рождаемость, но всё равно смертность превышает рождаемость, по-прежнему высока детская смертность. Так что демографическая ситуация в России тяжёлая, угроза депопуляции остаётся, и мы должны этим заниматься, увидеть во всём исторические корни».

И по сей день плодотворно работают Научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» и Центр изучения истории территории и населения России ИРИ РАН, которые он возглавлял.

«Не говори с тоской: их нет...»

Он был уже человеком преклонного возраста, болел, но вплоть до последних дней своих участвовал в научной работе Института российской истории РАН и отделения историко-филологических наук РАН, выступал инициатором и участником различных научных конференций, круглых столов...

Смерть в больнице 27 декабря 2012 года на 92 году жизни оборвала многие его замыслы.

...Когда Юрий Александрович учился в ИФЛИ, он, изучая латынь, перевёл 30-ю оду древнеримского поэта Горация, известную в

русской литературе как «Памятник». И, хотя до него уже было сделано девять переводов, перевод Полякова – лишь он совпадал в точности по размеру! – педагог признал одним из лучших, сказал, что этот перевод обязательно нужно опубликовать.

Но началась война. Какая латынь, какой Гораций, какой перевод...

В дни памяти Юрия Александровича в декабре 2013 года на Ваганьковском кладбище, где он похоронен, открыт памятник, выполненный в форме раскрытой книги. На нём высечены строки из того юношеского, казалось бы забытого, но каким-то чудом сохранившегося в его домашнем архиве перевода оды Горация. Эти строки венчают долгий путь Юрия Александровича в жизни и науке:

*Создан памятник мной.
Меди нетленней он,
Выше гордых высот
Царственных пирамид.
Я умру, но не весь.
В урне седой не быть
Лучшей части моей.
Славой не меркнуть мне
В эолийских ладах.
Этой заслугой ты,
Мельпомена, гордись
И благосклонно мне
Лавром главу венчай,
Ветвью невянущей.*

И научному наследию Юрия Александровича не грозит забвение: не прервалась и не прервётся серебряная нить!

«Не говори с тоской: их нет; но с благодарностью: были» (В.А. Жуковский).

2015

Коридор Бессмертия, Дорога Победы ...

27 января 2014 года, в День воинской славы России, когда мы отмечаем 70-летие освобождения города-героя Ленинграда от оков фашистской осады, надо вспомнить о выдающемся историке – исследователе ленинградской блокады, его трудах, посвящённых легендарной Шлиссельбургской железнодорожной магистрали, во многом благодаря которой и пришла долгожданная Победа на берега Невы.

Смотрю на его фотографию в форме морского офицера и думаю, какой же это был мужественный и красивый человек, носитель и творец той неповторимой культуры, которую принято называть петербургской.

Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, участник Великой Отечественной

В.М. Ковальчук

Фото из семейного архива Е.Ю. Поляковой

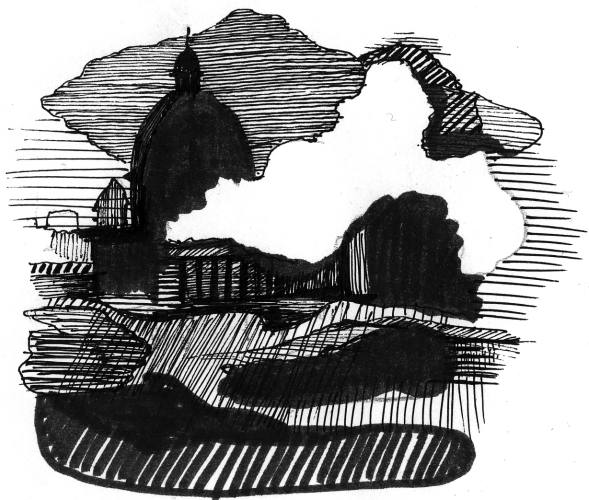
войны Валентин Михайлович Ковальчук не дожид до нынешней юбилейной даты несколько месяцев. Он скончался 4 октября 2013 года на 98-м году жизни.

«Уход из жизни выдающегося историка Валентина Михайловича Ковальчука, – отозвался на его кончину губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, – большая потеря и для науки, и для нашего города. Человек патриотичный и

глубоко преданный своему делу, он более полувека трудился в Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук. Ветеран войны, многие свои труды он посвятил истории обороны Ленинграда в годы блокады. Его книги написаны на основе подлинных документов и воспоминаний защитников города. Предметом особой заботы Валентина Михайловича были памятники, посвящённые блокаде и битве за Ленинград. Более сорока лет он возглавлял секцию исторических памятников городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. До последних дней жизни Валентин Михайлович Ковальчук занимался научной и общественной деятельностью. Его заслуги отмечены престижными премиями и наградами. Я знал Валентина Михайловича лично и глубоко благодарен ему за сохранение исторического наследия нашего великого города».

Своими исследованиями Валентин Михайлович первым не только ввёл в научный обиход вместо официальной цифры более 600 тысяч человек погибших от голода ленинградцев во время блокады цифру один миллион человек, но и смог подтвердить и отстоять свою правоту, что было очень и очень непросто.

В 1965 году в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья Валентина Михайловича «Ленинградский «реквием». Эта публикация получила широкий общественный резо-

Ленинградская блокада

Рисунок Екатерины Головкиной-Базилевской

нанс, поддержку специалистов и видных военачальников, в том числе Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Однако реакция партийных идеологов на эту публикацию была резко отрицательной. Вплоть до «перестройки» цензура не пропускала в печать никакие другие данные о смертности в блокадном Ленинграде, кроме официально установленных ещё в годы войны.

Высоко оценил вклад Валентина Михайловича в изучение истории Великой Отечественной директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян:

«<...>Он в значительной мере посвятил свою жизнь одной из самых трудных и скорбных страниц в летописи Великой Отечественной войны – Ленинградской блокаде. В. М. Ковальчук занимался и другими темами этого периода, но именно его труды по истории блокады стали одними из основополагающих для всех интересующихся той эпохой. В его исследованиях, основанных на глубочайшем изучении архивных документов, воспоминаний как простых ленинградцев, так и знаменитых военачальников, раскрываются события тех трагических лет, ставших неотъемлемой частью великого подвига нашего народа в Отечественной войне».

* * *

Мла Первая мировая... В самом её начале, в 1914-м, из Малороссии в Петроград (такое, более привычное русскому уху название дали в годы войны Санкт-Петербургу) приезжает крестьянин Михаил Иванович Ковальчук. Его направили в столицу по мобилизации на военный завод. В Петрограде в 1916 году и родился Валентин, будущий историк.

Ему суждено было пережить революцию, Гражданскую войну, коллективизацию, Великую Отечественную, за участие в которой Валентин Михайлович был удостоен многих боевых наград.

Ещё в детстве он мечтал стать летчиком. Мечты мечтами, а выбор будущей профессии во

многим был определён, когда Валентин учился в школе имени 10-летия Октября. Учителя, как вспоминал Валентин Михайлович, видели, что ему больше подходят гуманитарные науки...

И вот он – студент исторического факультета Ленинградского института философии, литературы и истории (позже вошёл в состав Ленинградского государственного университета).

Одарённому выпускнику, успешно окончившему университет, предложили учиться дальше – в аспирантуре ЛГУ. Однако его ждал иной путь: Валентин Ковальчук стал адъюнктом командного факультета в Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова.

«Из нас готовили преподавателей истории военно-морского искусства для высших военно-морских учебных заведений, – вспоминал Валентин Михайлович. – На работу меня направили в июле 1941 года – в высшее Черноморское военно-морское училище в Севастополе. Находился там до января 1942 года – пока меня не назначили в исторический отдел Морского Генерального штаба. Работая в отделе, я на основе архивных документов писал хронику боевых действий Черноморского флота – впоследствии три тома этой хроники были изданы... Допущен я был и к несению оперативного дежурства на запасном флагманском командном пункте наркома Военно-морского флота адмирала Н.Г. Кузнецова, находящемся в Куйбышеве».

Сразу после окончания Великой Отечественной Валентин Михайлович возвращается в родной Ленинград. Его пригласили на преподавательскую работу в Военно-морскую академию имени К.Е. Ворошилова. Кроме преподавательской работы он занимается здесь и наукой – подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую защите морских коммуникаций осаждённого Севастополя.

«Ленинградская тема возникла, когда я, демобилизовавшись, перешёл работать в Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР. С этого момента вся моя исследовательская деятельность стала связана с историей Ленинградской битвы», – рассказывал Валентин Михайлович.

Вот что вспоминает об этом периоде жизни Валентина Михайловича его друг – директор Российского научного центра радиологии и хирургических технологий, академик РАМН, почётный гражданин Санкт-Петербурга А.М. Гранов:

«<...>В своё время его настолько увлекла история, что он пренебрёг военной карьерой и ушёл работать в Ленинградское отделение Института истории младшим научным сотрудником. Он чувствовал, что его призвание – наука, и дорос до очень больших высот».

Валентин Михайлович выбирает непроторенные пути – изучение истории битвы за Ленинград, блокады, Дороги жизни... Именно он

стоял у истоков научного изучения этих вопросов, решение которых стало смыслом его жизни.

«Перо Валентина Михайловича Ковальчука, словно кисть опытного художника, вызвало к жизни феномен многогранного явления, названного современниками «блокада», — отмечает директор Санкт-Петербургского института истории РАН доктор исторических наук Н.Н. Смирнов. — Со временем он стал крупнейшим научным авторитетом, признанным не только на Родине, но и далеко за её пределами».

Много сил уделил Валентин Михайлович Ковальчук глубокому и всестороннему изучению Дороги жизни. За книгу «Ленинград и Большая земля: История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941—1943 гг.», ему была присуждена учёная степень доктора исторических наук.

«<...>Особенно проникновенно он писал о Дороге жизни, по которой осуществлялась связь с Большой землёй, — вспоминал почётный президент Ассоциации историков Второй мировой войны, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук О.А. Ржешевский. — Коренной ленинградец, офицер, прошедший войну, он глубоко понимал значение подвига советских людей, отстоявших город, и своими научными трудами сохранил его для потомков».

В других его монографиях — «Дорога победы осаждённого Ленинграда: Железнодорожная

магистраль Шлиссельбург—Поляны в 1943 г.», «Магистрали мужества», «900 дней блокады. Ленинград 1941—1944» и в коллективных трудах, подготовленных под его руководством и при авторском участии, глубоко раскрыт подвиг защитников и жителей Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

К 300-летию Санкт-Петербурга и 60-летию прорыва Ленинградской блокады Валентину Михайлович присудили за эти труды Литературную премию Законодательного собрания города, носящую имя знаменитого полководца Великой Отечественной – командующего войсками Ленинградского фронта маршала Л.А. Говорова.

Готовя второе издание книги «900 дней блокады. Ленинград 1941–1944» он отбирал по тематике газетные публикации, новые монографии и публикации документов.

Все эти интересные материалы сохранились в его домашнем архиве с пометками на полях и с закладками между страницами книг. Но очень важная работа, к сожалению, осталась неосуществлённой...

* * *

Много лет своей жизни посвятил Валентин Михайлович малоизученной истории блокадного Ленинграда – строительству и эксплуатации Шлиссельбургской железнодорожной магистрали.

Архивные документы, воспоминания железнодорожников, солдат и офицеров, газеты и другие издания военных лет позволили Валентину Михайловичу достичь результатов, которые совпали с «окопной правдой» участников событий.

На основе этих разнообразных источников он с позиций объективного исследователя освещает строительство Шлиссельбургской железной дороги, ход перевозок по ней при постоянных артиллерийских обстрелах и бомбардировках противника, защиту трассы, её роль в жизни и борьбе города на Неве, в подготовке разгрома фашистских войск под Ленинградом. Перелистаем страницы трудов Валентина Михайловича, вчитаемся в документы минувших героических лет, которые в них цитируются.

...18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду. И в тот же самый день Государственный комитет обороны принял постановление о строительстве на отвоёванной вдоль южного берега Ладожского озера узкой полосе суши шириной всего 8–11 километров небольшой, но очень важной железнодорожной ветки, способной обеспечить связь города с Большой землёй.

Возглавил строительство И.Г. Зубков, который до Великой Отечественной руководил постройкой ленинградского метро. И вот в январские морозы примерно пять тысяч человек приступили к осуществлению этого дерзкого

плана. Почти круглосуточно работали геодезисты, железнодорожники, военные...

Задание казалось почти невыполнимым – ведь железная дорога должна была быть построена всего за 20 дней. В мирное время для подобной стройки понадобилось бы не меньше года.

«Местность, по которой прокладывалась трасса, – бывшие Синявинские торфоразработки – была очень неудобной для строительства железной дороги, – писал Валентин Михайлович Ковальчук. – Она была пересечённой, болотистой, на ней отсутствовали дороги, нужные для подвоза необходимых материалов. Каждый метр земли был начинён минами, неразорвавшимися боеприпасами, всевозможными сюрпризами и ловушками. Трудности усугублялись ещё и исключительно тяжёлыми условиями зимы – сильными морозами и буранами».

Примерно в 5-6 километрах от строящейся дороги, на Синявских высотах, засели немцы. Поначалу они не могли понять, что делают русские, но, когда поняли, стали обстреливать место стройки непрерывным артиллерийским огнём. При этом часто разрушались только что возведённые участки дороги. Советские зенитки как могли с земли прикрывали стройку от вражеских артобстрелов, с воздуха это делали истребители.

Чтобы ускорить работы, трассу строили по максимально упрощённым технологиям. На большей части пути шпалы и рельсы клали пря-

мо на снег, без положенных земляной насыпи и балластной призмы.

Шлиссельбургская магистраль была построена в рекордные сроки – за 17 дней, на три дня раньше назначенного. Построена людьми, которые выживали в блокадном Ленинграде, подвергаемые непрерывным обстрелам фашистов.

Новая дорога протяженностью 33 километра пролегла между станцией Шлиссельбург (ныне – Петрокрепость) и платформой Поляны, находившейся на линии Ленинград – Волховстрой. Она соединила Ленинградский узел с общесоюзной сетью железных дорог. Для движения поездов по Шлиссельбургской трассе была создана 48-я паровозная колонна. Из особого резерва НКПС выделили тридцать мощных паровозов.

5 февраля 1943 года в 17:43 в Ленинград со станции Волховстрой отправился первый состав с продовольствием, который тянул паровоз под номером Эу 708-64. Им управляла бригада в составе старшего машиниста И.П. Пироженко, помощника машиниста В.С. Дятлева и кочегара И.А. Антонова. Несмотря на артобстрел, 6 февраля в 16.00 он достиг станции Новая Деревня, а 7 февраля в 12:10 состав прибыл на Финляндский вокзал. Люди плакали от радости, вверх взлетали шапки!

Другой состав отправился из Ленинграда на Большую землю. Его вёл паровоз Эм 721-83,

которым управлял старший машинист П.А. Фёдоров.

Теперь в Ленинград регулярно стали привозить продовольствие и другие грузы. Но мало кто знал, какой ценой это даётся.

... Гитлеру донесли о новой ветке железной дороги, построенной русскими. Фюрер потребовал разбомбить трассу, по которой каждый день эшелоны, доставляли продовольствие и боеприпасы в блокированный город.

Шлиссельбургскую магистраль железнодорожники называли «коридором смерти»: каждый день грозил гибелью работавшим на ней бригадам. В 48-й паровозной колонне из 600 человек погиб каждый третий.

А как подсчитать, сколько ещё погибло при строительстве, обороне и восстановлении магистрали мужества!

Поезда водили машинисты, которых отозвали с фронта, многих доставляли в Ленинград на самолетах. Молодые девушки – вчерашние ленинградские школьницы, выжившие в блокаде, по направлению комсомола становились кочегарами, помощниками машинистов, кондукторами.

Из-за постоянного обстрела фашистами поезда могли передвигаться только ночью с притушенными огнями. За ночь могли проходить только три поезда в Ленинград и столько же обратно. Этого было, конечно, недостаточно, поэтому железнодорожники сменили график

движения поездов на поточный. Теперь поезда шли один за другим, сперва в одну сторону, затем в другую. Большая часть «коридора» хорошо просматривалась с Синявских высот. У немцев имелись авиационные прожекторы и звукоуловители, которые позволяли легко засечь движение поезда.

Из приведенного Валентином Михайловичем дневника 48-й паровозной колонны особого резерва НКПС с волнением узнаём, каким был на трассе только один день – 18 июня 1943-го:

«...Паровоз 718-30 подвергся обстрелу. Повредило магистраль. Путь засыпало землёй. Исправления и расчистка пути произведены силами бригады под непрерывающимся обстрелом. Поезд выведен невредимым. Позже поезд подвергся воздушному налёту. Сгорел турный вагон. Ранены оба машиниста – Баранов и Амосов, кочегар Клементьева. После перевязки Амосов вернулся к регулятору и довёл поезд. Вся бригада вела себя героически, от огня спасены и многие вагоны...»

Шлиссельбургская трасса действовала наряду с продолжающей существовать Ладожской коммуникацией, но постепенно, с каждым днём увеличивая свою пропускную способность, стала главной в снабжении находившегося ещё в блокаде Ленинграда, стала его Дорогой Победы. А коммуникация через Ладожское озеро приобрела дублирующее значение.

Весна сильно осложнила эксплуатацию магистрали. Болотистая почва, по которой была проложена дорога, оттаяла, талые воды залили дорогу. Ещё большие сложности причиняло увеличение светлого времени суток. Один за другим следовали обстрелы и авианалёты.

В связи с этим 19 марта 1943 года Военный совет Ленинградского фронта принял постановление – построить на трассе Шлиссельбург – Поляны обходной путь, протяженностью 18,5 километров. Этот путь проходил в 2-3 километрах от основной дороги. Он находился не только дальше линии фронта, но был ещё и лучше прикрыт, благодаря особенностям местности и кустарнику.

Движение по обходному пути началось 25 апреля 1943 года. К концу мая в Ленинград приходило до 35 составов в сутки. Город, наконец, ожил.

Всего с начала эксплуатации Шлиссельбургской магистрали по декабрь 1943-го в Ленинград было пропущено 3105 и из Ленинграда – 3076 поездов. Благодаря ей стало возможным снабдить гарнизон города достаточным количеством боеприпасов и снаряжения, а жителей города обеспечить нормальным питанием. Кроме хлеба, который теперь по содержанию муки полностью отвечал своему назначению, ленинградцам стали больше выдавать и других продуктов.

Улучшение медицинского обслуживания, снабжения продовольствием и топливом привело

к укреплению здоровья населения. Резко сократились заболеваемость и смертность. Успешная работа Шлиссельбургской магистрали благоприятно отразилась на городском хозяйстве Ленинграда и прежде всего на его восстановлении.

Начальник Октябрьской железной дороги Б.К. Саламбеков писал о Шлиссельбургской магистрали в конце войны так:

«Здесь вражеские артиллеристы, минометчики и летчики охотились за каждым поездом. Здесь были необычные технические условия – путь местами был проложен по болоту, и вода стояла выше головки рельса; здесь, наконец, были вовсе необычны и, конечно, очень тяжелы самые формы организации движения. И трасса... дала наиболее яркие проявления массового героизма ленинградских железнодорожников».

Только 23 февраля 1944-го, после разгрома фашистских войск под городом на Неве и окончательного снятия блокады, вновь вошла в строй главная железнодорожная линия Ленинград – Москва.

«События 1943 года, как и вся битва за Ленинград, уже давно стали историей, – писал Валентин Михайлович Ковальчук. – Нет уже и Шлиссельбургской магистрали. Там, где она проходила, всё изменилось. Но благодарные ленинградцы-петербуржцы всегда будут помнить тех, кто в труднейших условиях строил, защищал и эксплуатировал легендарную Дорогу Победы».

Ныне два паровоза магистрали стали памятниками: Эу 708–64 стоит на станции Волховстрой, а Эм 721–83 — на станции Петрокрепость. А в Шлиссельбурге, на берегу Невы, можно видеть скромную стелу. Перед ней — кусок железнодорожного полотна. Надпись на стеле напоминает, что здесь после прорыва блокады под огнём врага были построены переправы и железнодорожная линия, связавшая осаждённый Ленинград со страной, которая ни на день не забывала ленинградцев и старалась им помочь.

2014

Гражданин Великого Новгорода

Заведующий кафедрой археологии МГУ имени М.В.Ломоносова, руководитель Новгородской археологической экспедиции, академик РАН Валентин Лаврентьевич Янин посвятил всю жизнь изучению берестяных грамот, воссозданию истории денежно-весовых систем Руси, политических институтов и принципов государственного устройства Великого Новгорода.

Жизнь, посвящённая одному городу

Лето 1947 года... Как горькое напоминание о недавней войне на месте Новгорода – всё ещё груда руин. Из 45 тысяч новгородцев, живших здесь до Великой Отечественной, на пепелище вернулось всего тысячи три. Из бывших немецких землянок, где они поселились, вьются дымки.

Но даже в таких условиях, когда в первую очередь, казалось бы, нужно думать о налаживании мирной жизни, государство считало своим долгом заботу об изучении отечественной истории и поддержке науки.

Так древний Новгород, где впервые оказался этот студент МГУ, ныне – корифей российской археологии, учёный с мировым именем, вошёл в его судьбу.

Вот более или менее полный перечень должностей и регалий Валентина Лаврентьевича Янина: действительный член Российской Академии Наук, доктор исторических наук, член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте РФ, председатель музейного совета при Российском фонде культуры, член консультативного совета при Министерстве культуры РФ, член Государственной комиссии по реституции культурных ценностей, председатель специализированного совета по археологии и этнографии, член специализированного совета Института археологии РАН, научный руководитель Новгородского филиала Института истории РАН, почётный гражданин Великого Новгорода, член редколлегий научных журналов «Российская археология», «Вестник Московского университета», «Вопросы истории»...

Янин – автор более 700 научных трудов. Найти, понять, атрибуировать, объяснить – таковы этапы кропотливой исследовательской

работы, гарантирующие рождение сенсации. Таков и научный путь академика Янина.

Он участвовал в открытии «Новгородской псалтыри», найденной археологами в июле 2000 года в Великом Новгороде. Она представляет собой книжку с четырьмя восковыми страницами, по которым бывший владелец в течение двух-трёх десятилетий размещал тексты, каждый раз затирая предыдущий. Предполагается, что «Новгородская псалтырь» старше Остромирова евангелия, считавшегося ранее самой древней на Руси книгой с точно установленной датой написания 1056-1057 годы.

Коллеги говорят так: «Янин для Новгорода, что язык для колокола».

Даже трудно сказать, где он чаще находится в Москве или Новгороде.

Кем же себя ощущает Янин больше – москвичом или новгородцем?

– Каждый человек рождается дважды, – размышляет Янин. – Для самого человека ничего памятного в этом дне, который записан в паспорте, нет. Он его не может помнить. А второй раз человек рождается, когда до конца определяет свою жизнь. Так что своей духовной родиной, местом, где родился и состоялся как учёный, я считаю Великий Новгород. Горжусь, что я – его почётный гражданин. Но, конечно, МГУ – ведь меня-то с Новгородом сосватал именно Московский университет – тоже обязан своим вторым рождением.

Три рукопожатия до Пушкина!

Когда он говорит о своём становлении как учёного, то с благодарностью вспоминает таких знаменитых учителей, как Тарле, Арциховский, Сказкин, Бахрушин, Греков...

Это – легенды, учителя учителей! То, что он учился в МГУ у этих корифеев, – в числе самых важных для него жизненных переживаний.

Вот яркий пример совершенно потрясающей цепочки взаимосвязи эпох и поколений. Один из главных учителей Янина в нумизматике – Александр Александрович Сиверс, потомок знаменитой дворянской фамилии. Когда Янин с ним познакомился, Сиверсу шёл уже девятый десяток, но он ещё работал – заведовал отделом нумизматики в Государственном историческом музее. А до революции Александр Александрович был камергером двора Его Императорского величества Николая II. Он был знаком с Александром Михайловичем Горчаковым. А ведь Александр Михайлович был лицейским товарищем Пушкина!

Поэтому когда Янин пожимал руку Александру Александровичу, всегда думал, что она пожимала руку Александра Михайловича, а тот – руку Александра Сергеевича. По словам Янина, это – всего три рукопожатия до Пушкина!

Письма потомкам

Огромным событием стала находка в Новгороде первой берестяной грамоты. С тех пор дата 26 июля 1951 года попала во все учебники истории, а имя Нины Акуловой, работницы Неревского раскопа, узнала вся страна.

Почти ежегодно в Новгороде руководимая им археологическая экспедиция находит всё новые и новые берестяные грамоты (на сегодняшний день их найдено уже около 1000).

Археологи читают письма, написанные 800-900 лет назад. Янин, его коллеги и ученики оказались получателями этих писем.

Валентин Лаврентьевич, по его словам, однажды понял, что вообще никакого расстояния во времени не существует. Поэтому, работая здесь многие годы, они, археологи, живут как бы в разных эпохах. Ходят по мостовым, настланным в XII – XIII веках, по которым ходил со своей дружиной великий князь Александр Невский, а над ними самолёты летают.

Как-то английские коллеги на полном серьёзе задали вопрос одному из членов Новгородской экспедиции: мол, вам не стыдно читать чужие письма? Тот не растерялся: а вам не стыдно публиковать письма Диккенса?

И все же почему в Новгороде открыли берестяных грамот больше, чем в других городах России?

– Одна из причин, – считает Валентин Лаврентьевич, – в Новгороде хорошо сохраняется вся органика. Город строился на плотной глинистой почве. Поэтому вода не проникала вертикально в землю, а насыщала нарастающий культурный слой. Здесь горожане всегда по грязи ходили. Поэтому стелили мостовые. Так как не было доступа воздуха во влажный слой, следовательно, в нём не могли жить микробы, которые бы уничтожали оказавшиеся по разным причинам в почве берестяные грамоты.

Но была и другая причина. Скажем, в почве Пскова тоже всё сохраняется хорошо. Но там за время раскопок найдено всего-навсего 15 грамот. Почему?

По мнению Янина, новгородцы были более грамотными людьми. Это определилось очень важным обстоятельством. Новгородские землевладельцы, бояре не стремились куда-то уехать из города и поселиться на дальней территории. Потому что каждый из них имел шанс быть избранным на высшие должности. Выборы в Новгороде были ежегодно. Тот, кто уезжал куда-то надолго, – выпадал из политической жизни.

А между тем новгородские имения находились иногда за 300-500 вёрст от города – где-нибудь на Двине, на Белом море ...

Следовательно, само землевладение требовало постоянной переписки владельца с управляющим его хозяйства. Он посылал туда рас-

поряжения. Оттуда поступали, скажем, отчёты старост, крестьянские письма с жалобами на старост.

– Так что мы по этим письмам, – отмечает Янин, – изучали не только историю самого города, но и всю новгородскую государственность.

Археологи держат оборону

Новгородская экспедиция исследовала всего ... два процента территории древнего города и может сделать ещё немало интересных находок. Но цивилизация надвигается, действуя зачастую бульдозерами, роющими очередной котлован.

Новгород вырос сейчас значительно. Подавляющее большинство приехавших в последние годы – это люди, которые не имеют никаких местных корней. В основном – выходцы с Кавказа, из Средней Азии ... И мало кому из них есть дело до русской истории.

Древняя часть Новгорода – вроде заповедной Москвы в рамках Бульварного кольца. Так, пожалуйста, стройте на здоровье в новой части города. Ан, нет! «Престижно» залезть в центр, угнездиться в историческом месте.

Характерный пример. Какой-то участок в центре Новгорода отводится тому или иному «денежному мешку» с предписанием «бережно относиться к культурному слою, а если и производить какие-то земляные работы, то самые

минимальные». Новый хозяин первым делом строит трёхметровый забор, а потом из-за него поднимается архитектурное чудище в десять раз больше того дома, который был раньше.

А по закону, который, к слову сказать, никто не отменял, в исторических городах полагается строить на старых фундаментах, чтобы не повредить культурный слой.

Но того, что сделано, не исправишь...

При расчётах фундаментов под новые дома производится геологическое бурение. В Новгороде заложены уже сотни скважин, и Янин имеет представление, где культурный слой восьми-метровый, где двухметровый, а где совсем небольшой. Эти зоны нанесены на карту. Толстые слои наиболее важны. Здесь без участия археологов ничего строить нельзя. Но это постановление сегодня всё время нарушается. Говорят: мол, оно в одном государстве принималось, а мы сейчас живём в другом, что вы нам тычите его?

Янин и его соратники готовы бороться за каждый квадратный метр древнего культурного слоя. Ведь по самым скромным расчётам, ещё примерно не меньше 20-30 тысяч берестяных грамот (в 20-30 с лишним раз больше, чем они нашли!) хранит новгородская земля.

Корни государственности древней Руси

— Не следует искать корни нашей государственности только по эту сторону границы, ко-

торая, в частности, разделяет сегодня Украину и Россию, – считает Янин. – У нас общая история, на протяжении тысячи лет Россия и Украина были вместе. Мы разлучались и снова соединялись. Тем не менее, не надо замыкать себя в рамки того, что сейчас получилось.

Так, где они – корни государственности России?!

По словам Янина, Старую Ладугу объявили первой столицей Руси из чисто политических соображений.

В своё время Владимир Путин, посещая Великий Новгород, поинтересовался у учёного, как он относится к этой идее. Янин сослался на исторический факт. Переговоры новгородцев и угро-финского населения должны были проходить на пересечение важнейших торговых путей. Князь со своими дружинниками отправился туда на ладьях. Ладугу им было не обойти. По дороге их задержали Волховские пороги. Для того, чтобы двинуться дальше, нужно было прикинуть все возможные варианты маршрутов – на ладьях, по суше. Наконец, решили, преодолели пороги и остановились на берегу Волхова в Городище, в трёх километрах от современного Новгорода, где и возникает резиденция князя.

Янин сказал в тот раз Путину: вот вы, глава государства, сейчас находитесь в Новгороде, но этот город ведь столицей не объявляют. Да, согласился Владимир Владимирович, вы меня убедили...

«...я буду служить Новгороду!»

ВМГУ большие конкурсы. А многие ли выбирают археологию? По словам учёного, каждый год кафедра археологии МГУ выпускает не более 8 – 12 человек. Но Янин очень гордится своими учениками.

Когда-то его учитель Артемий Владимирович Арциховский добился, чтобы на исторических факультетах всех вузов страны после первого курса была введена обязательная археологическая практика. Мол, и выпускники пединститутов, которые будут преподавать в школах, обязаны знать, что такое курган, городище, как ведутся раскопки, чтобы объяснить это своим ученикам.

Такой порядок существует до сих пор. И вот после экспедиции сразу возникает разделение. Для одних – это жизнь. А других уже калачом не заманишь. Поэтому когда на третьем курсе происходит распределение по кафедрам, на археологическую идут люди, которые уже энтузиастами стали, уже поверили, что это их дело.

Ну что такое зарплата музейного работника или младшего научного сотрудника в академическом институте? Тем не менее, эти ребята, для которых на первом плане – то, во что они верят и чем хотят заниматься, постепенно становятся настоящими исследователями.

...Сделанного им, наверное, хватит на пять жизней. Трудно ли быть Валентином Лаврентьевичем Яниным?

– Несмотря на проблемы разного рода, особенно в последние годы, которые преодолевала наша экспедиция, радостей очень много, – говорит учёный. – Каждый сезон – это новые и новые открытия берестяных грамот с интересными текстами, подтверждение или опровержение каких-то гипотез ... Дискуссия даже с самим собой – это продвижение вперёд. Поэтому я постоянно ощущаю движение. Это молодит и даёт силы работать дальше.

Валентин Лаврентьевич каждый год проводит в Великом Новгороде по несколько месяцев. Сам признаётся, что оставался бы и подольше, но Москва не отпускает. Там – университет, Академия, другие заботы да хлопоты.

Учёный утверждает: «До самой смерти я буду служить Новгороду!».

2009-2012

«Отечество нам – Царское Село...»

«*Т*ород муз», возрадивший в Царско-сельском лицее Александра Пушкина, где творили Иннокентий Анненский, Николай Гумилёв, Анна Ахматова, другие мастера русской словесности, пышно отметил в 2010-м 300-летие со дня основания. Имперский дух присутствовал во всём, начиная с размаха торжеств, которые продлились пять дней. Восстановлен и освящён собор Святой Екатерины. После многолетней реставрации открылись залы Александровского дворца, павильон «Эрмитаж»...

* * *

В течение двух веков Царское Село служило летней парадной резиденцией российских монархов. Выдающиеся зодчие, скульпторы и художники воплощали здесь за-

мыслы и пожелания венценосных особ. Постепенно складывался уникальный дворцово-парковый ансамбль, аналогов которому нет в мире.

В истории всё переплетено невидимыми нам нитями. Так и здесь переплелись «гений и злодейство», высокое и низкое, варварское и духовное. «Царскосельский гений места», как в зеркале, отразил сложнейшие хитросплетения отечественной истории.

Петр I заполучил великолепную Янтарную комнату – по нынешним понятиям, один из брэндов Царского Села – в обмен на 55 своих отборных гвардейцев.

В Царском Селе, где в 1810 году был учреждён Царскосельский Лицей, написал свои первые стихи Александр Пушкин. Будущего поэта привезли в Царское Село в 1811 году, когда ему было 12 лет, и он прожил здесь июнь и июль ещё до поступления в Лицей, который открылся только 19 октября.

*В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.*

Здесь Пушкин провёл в общей сложности шесть с половиной лет.

*Хранитель милых чувств и прошлых
наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,*

*Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество*

сливалось

*И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блестящих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.*

(«Царское Село»)

Здесь в Первую мировую самоотверженно трудились в лазарете императрица и её дочери, а в 1916 году тайно был захоронен Григорий Распутин....

После революции богатейшие дворцовые коллекции распродавались по частям за границу, а после Великой Отечественной войны была создана лучшая отечественная школа реставраторов.

* * *

Датой основания Царского Села считается 24 июня 1710 года, когда по специальному указу Петра I после победы над шве-

дами Сарская мыза (прежнее название) была подарена Марте Скавронской, ставшей в 1712 году его женой под именем Екатерина.

На протяжении двух веков здесь вершилась государственная политика, устраивались дипломатические приёмы и роскошные балы. Так что Царское Село родилось вместе с империей. Но поскольку оно с самого начала было задумано как место радости, отдыха и развлечений, то здесь всегда было больше садов и цветов, чем желтизны правительственных зданий. Во время правления Екатерины I Сарское село стало Царским – не только по созвучию, но и по факту.

Императрица Елизавета Петровна мечтала создать здесь северный Версаль, поэтому предоставила архитектору Бартоломео Франческо Растрелли полную свободу творчества. В 1756 году вопреки множеству препятствий, в том числе и капризам императрицы, Екатерининский дворец засиял величественной красотой.

Второй дворец Царского Села – Александровский – стал подарком Екатерины II своему любимому внуку будущему императору Александру I.

* * *

К юбилею в Царское Село из Копенгагена прилетел один из представителей Дома Романовых – князь Дмитрий Романович. Ему показали Александровский дворец, кото-

рый впервые за последние десятилетия распахнул парадные двери. До осени 2009 года здесь располагалась секретная военная организация. Потом дворец передали Государственному музею-заповеднику «Царское Село». К юбилею успели отреставрировать и открыть три парадных зала.

В 1917 году, перед ссылкой, задворками увозили отсюда в Тобольск семью последнего русского императора Николая II. Хранитель Александровского дворца Елена Артемьева, показывая высокому гостю это место, пояснила: «Вот, через эту дверь, через этот балкон. Здесь семья сидела всю ночь на чемоданах, ожидали, когда подадут автомобили, очень долго задерживался поезд».

«В этом помещении была спальня Марии Фёдоровны, и здесь родился Николай II. В начале 1930-х годов в этом крыле был устроен санаторий НКВД, потом были уничтожены комнаты детей Николая II», – продолжает Елена Артемьева. Но большая часть помещений Александровского дворца, как укор времени, когда хотели забыть имперские страницы отечественной истории, всё ещё в руинах.

* * *

От истории знаменитой царской резиденции неотделимо становление Царскосельского Лицея, который был создан по повелению императора Александра I с целью

«образования юношества, особенно предназначенного к важнейшим частям службы государственной».

В Царском Селе Лицей оставался до 1843 года, когда Николай I распорядился о переводе его в столицу. Последний его выпуск состоялся в 1917 году, затем здание было конфисковано Временным правительством.

24 января 1944 года при освобождении города Пушкина от немецкой оккупации над Лицеём – самой высокой точкой в городе в ту пору – было поднято красное знамя. Позже здание Лицея служило жильём для жителей разрушенного города, а в 1949 году к 150-летию А.С. Пушкина здесь был организован мемориальный музей-Лицей.

В юбилейные дни в музее-Лицее открылась новая постоянная экспозиция «Живём мы памятью Лицея». Количество и разнообразие экспонатов выставки даёт право назвать её энциклопедией XIX-XX веков. Она повествует и об истории создания нового для России учебного заведения, и об открытии в нём музея лицейстов, и о воссоздании музея после Великой Отечественной войны.

В церемонии открытия экспозиции приняли участие праправнук поэта Александр Пушкин и его жена Мария Пушкина-Дурново, прибывшие из Бельгии. А. Пушкин, единственный прямой потомок поэта по мужской линии, возглавляет Союз русских дворян в Бельгии. Его

супруга, также принадлежащая к этому древнему роду, ведет просветительскую деятельность в Пушкинском фонде Бельгии, организует выставки, театральные постановки, посвящённые русской культуре. М. Пушкина рассказала, что с тех пор, как в 1999 году Брюсселю был подарен памятник Пушкину, бельгийцы стали проявлять больше интереса к его творчеству. «Популярными стали ежегодные встречи у памятника 6 июня, в день рождения поэта. Возлагаются цветы и читаются его стихотворения на русском и французском языках», — сказала она.

Открыл юбилейную экспозицию и провёл первую экскурсию директор Всероссийского музея А.С. Пушкина Сергей Некрасов.

По школьным учебникам известна картина Ильи Репина «Пушкин на лицейском экзамене», созданная художником к 100-летию Лицея в 1911 году. Торжественное открытие новой экспозиции состоялось в том самом актовом зале Лицея, где когда-то юный Пушкин читал свои стихи, поразившие первого поэта России того времени Державина.

Именно в этот Белый зал в 1811 году Александр I вошёл прямым коридором из Екатерининского дворца с Грамотой об открытии Лицея. Как и тогда, на празднике в 2010 году под нежные звуки арфы два «лицеиста» в строгих синих мундирах с высоким красным воротником торжественно вынесли из глубины дворцового коридора эту Грамоту.

В зале прозвучал Лицейский гимн. В 1817 году его сочинил для первого лицейского выпускного акта друг Пушкина Антон Дельвиг. Гимн звучал каждую весну ровно 100 лет.

В 1879 году Лицейское общество праздновало 80-летие со дня рождения А.С. Пушкина и приняло решение создать Пушкинский музей Императорского Александровского Лицея. Так появился первый музей в России, посвящённый поэту.

Выставка «Живём мы памятью Лицея» представляет уникальные экспонаты первого пушкинского музея, например шкатулку, где хранился знаменитый, до сих пор не найденный, перстень Пушкина. Сохранились также папка-футляр, в которой находился автограф стихотворения Пушкина «19 октября», который и стал первым приобретением коллекции; модель первого памятника Пушкину, установленного в Москве (скульптор М. Опекушин) и многое другое. Сотни исторических документов, рисунков, портретов, мемориальных предметов быта и искусства, окружавших лицеистов, повествуют об истории Лицея и его знаменитых выпускниках, оставивших огромный след в культуре и истории России.

Юрий Андреев, внучатый племянник Михаила Митрофановича Красовского, лицеиста последнего 73-го выпуска 1917 года, сохранил и подарил Музею-Лицею общелицейский именной жетон своего дяди, фотографию Красовско-

го с однокашником – Николаем Давыдовым, правнуком героя войны 1812 года Дениса Давыдова.

* * *

Поржества в городе завершились освящением воссозданного собора Святой Екатерины. В этом событии приняли участие Святейший Патриарх Кирилл и представители Дома Романовых, которые участвовали и в воссоздании собора. Ими была передана и святыня – частица мощей святой Екатерины.

Екатерининский собор, задуманный как «архитектурная доминанта» императорской резиденции, был построен по проекту Константина Тона в 1840 году. В 1938 году он был закрыт, а ещё через год – взорван. Восстановление святыни началось лишь в 2007 году.

Чин освящения возрожденного Екатерининского собора совершил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Он подчеркнул, что история храма – отражение всей трагической истории России, которая не должна быть забыта. Предстоятель Русской Православной Церкви совершил в соборе первую Божественную литургию при участии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира.

Величественный пятиглавый храм высотой 53 метра воссоздан по оригинальным чертежам. Два из четырех приделов освящены в честь

царской семьи и священника Иоанна, который служил здесь до революции и в наше время был канонизирован как новомученик. Предполагается, что в крипте будет открыт музей истории собора Святой Екатерины.

* * *

Для многих иностранцев Царское Село, прежде всего, ассоциируется с именем великого поэта. Пушкин – брэнд города, несмотря на то, что музей «Царское село» для него – градообразующая единица.

С 1918 по 1937 годы Царское Село называлось Детским. Невинное, но совершенно лишнее какого-либо исторического содержания имя не устраивало обустроившуюся в городе творческую элиту Ленинграда. С подачи Алексея Толстого в ознаменование 100-летия со дня гибели великого поэта город решили назвать Пушкиным. Решение полностью устраивало власть.

Идея возвращения городу Пушкину исторического названия несколько лет назад была выдвинута группой представителей творческой элиты Петербурга. За название Царское Село выступали дирекция заповедника, жители города, которые считают себя в большей степени царскоселами.

На административном уровне, в частности, у губернатора Петербурга, идея не получила поддержки. Возможность переименования

вновь стала обсуждаться в связи с юбилеем, но большинство чиновников по-прежнему относится к этому проекту, как к посягательству на «наше всё». Глава муниципального образования города Николай Гребенев уверен, что с возвращением имени Царское Село город потеряет своё лицо. По его словам, два года назад администрация проводила социологический опрос, результат которого подтвердил: большинство – за имя Пушкина.

А вот известный литературный критик, царскосел Андрей Арьев считает, что историческое название даёт городу совершенно другой масштаб. По его словам, если вернуться к нему, никуда не денутся Пушкинский лицей, Пушкинская улица и три памятника поэту.

Да, юбилей стал катализатором для споров о том, не пора ли вернуть городу его прежнее название. Но каким бы ни было оно в качестве «административной единицы РФ», этот удивительный уголок Отечества – и Царское Село, и город Пушкин – устремлён, словно на крыльях птицы, в следующие века своей великой истории.

2010

Дом в Китай-городе

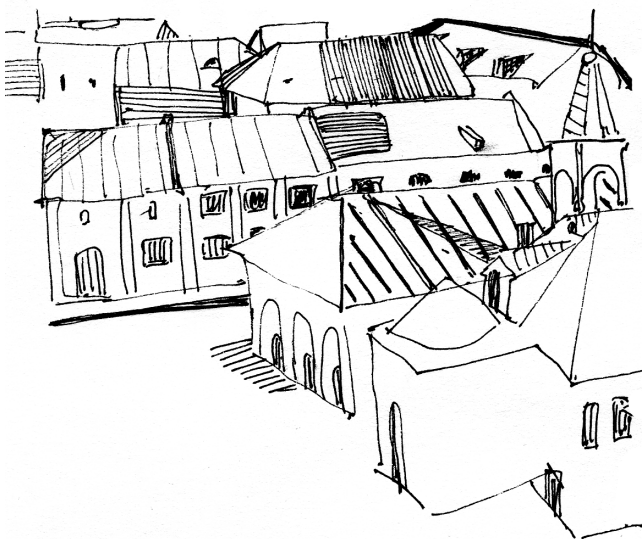
Корни и крона

Корни родового древа Головкиных, которое нарисовала в начале ХХІ столетия дочь моего двоюродного брата Анатолия художница Екатерина Головкина-Базилевская, уходят в глубину веков. Мощное древо, к которому прибавляются новые и новые ветви!

Ныне только в Москве над стволом, каким явился для всех нас московский купец Алексей Алексеевич Головкин, крона более чем из десяти родственных семей...

В одном из самых известных своих произведений о купеческой Москве начала 1880-х годов – романе «Китай-город» – П.Д. Боборыкин¹ ярко описывает этот древний уголок столицы близ Кремля.

¹ П.Д. Боборыкин (1836—1921) — прозаик, драматург, литературный и театральный критик.

Китай-город.

Рисунок Екатерины Головкиной-Базилевской

Именно отсюда – так уж, видно, было угодно судьбе! – и мы начнём своё повествование.

В конце XIX – начале XX века в Ипатьевском переулке², который соединял две из трёх главных улиц Китай-города – Варварку и Ильинку и, по словам современника, «пред-

² Ипатьевский переулок, Городской части. Находится между улицами Ильинкой и Варваркой; назван по церкви Вознесения с приделом св. Ипатия чудотворца, в этом переулке находящейся («Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями, составленными А. Мартыновым». Издание второе, исправленное и значительно дополненное. Москва, 1881).

ставляет собой узкий, вымощенный крупным булыжником проезд, с лепящимися друг к другу домами», по левую сторону от Варварки стоял каменный двухэтажный собственный дом (№10) моего прадеда купца Алексея Алексеевича Головкина. Этот дом стал «колыбелью» для двух поколений его семьи.

У известного москвовед С.К. Романюка³, который ещё в советское время одним из первых обратился к истории Ипатьевского переул-ка, читаем:

«<...> В Ипатьевском переулке находилась церковь Вознесения Господня с приделом св. мученика Ипатия, по имени которого она была более всего известна. Церковь, здание которой было построено в 1757 г., находилась в подворье знаменитого костромского Ипатьевского монастыря, стоявшего по правой стороне переул-ка, примерно на его середине. С 1849 г. церковь была отдана для представительства Антиохийской патриархии. Снос церкви начался ещё в конце 1940-х гг., но окончательно её остатки исчезли в 1965 г. <...>».

Дом Головкиных стоял рядом с палатами (дом № 12) Симона (Пимена) Фёдоровича Ушакова (1626 — 1686) — знаменитого иконописца, которого принято считать основателем русской живописи. Ведь до него на Руси писали только иконы, а Ушаков начал рисовать портреты свет-

³ Романюк С.К. Из истории московских переулков. Изд. 2, значительно доп. М., 1998.

ских людей, так называемые парсуны — переходный жанр между иконописью и светским портретом. Они по-прежнему рисуются на досках, напоминают святые лики, но уже появляется богатая светотень, приём, который Симон Ушаков воспринял от итальянских мастеров.

Именно имя Симона Ушакова и спасло древние палаты от уничтожения в советское время⁴.

Палаты Ушакова — пример каменной жилой застройки, которая постепенно начала вытеснять в Москве деревянные дома. Палаты выстроены в середине XVII века (планировка сложилась раньше — ещё в XVI веке.) для «гостя» Ивана Чулкова, а в 1673 году были переданы знаменитому иконописцу Симону Ушакову для размещения в них мастерской.

Вот что пишет о палатах Ушакова С.К. Романюк⁵:

«<...> В переулке находится здание (№12), в котором угадываются старинные палаты — то тут, то там видны барочный наличник, окно, прорезанное там, где ему, казалось бы, не должно быть, толстые стены. В Китай-городе, особенно после тотального сноса Зарядья, сохранилось совсем немного старинных гражданских, нецерковных построек, а тут находятся так называемые палаты Симона Ушакова, знаменитого «изографа», иконописца, испытавшего на

⁴ Сейчас в этом здании размещается «Росстрой».

⁵ Романюк С.К. Там же.

себе влияние Запада, начавшего в своих произведениях передавать черты живой природы. Точных данных о том, кем были построены палаты, нет. Возможно, что строителями были купцы, владевшие ими в середине XVII в., а в 1670-х гг. палаты уже имеет С. Ушаков. По исследованиям реставраторов, которым, к сожалению, не удалось довести до конца работы по восстановлению палат, парадный фасад был обращен не на улицу, как обычно, а во двор, где находилось щедро украшенное красное крыльцо.

В 1829 г. в палатах находилось училище, для которого они были значительно перестроены<...>».

Ушаков происходил, вероятно, из посадских людей и, по-видимому, очень рано получил основательную подготовку к своей специальности. В 1648 году, будучи всего 22-х лет от роду, он был принят в царские «жалованные» мастера Серебряной палаты при Оружейном приказе, где прямыми его обязанностями было «знаменить», то есть делать рисунки для разных предметов церковной утвари и дворцового обихода, преимущественно для золотых, серебряных и эмалированных изделий, расписывать знамёна, сочинять узоры для рукоделий, чертить карты, планы ...

Кроме того Ушаков писал образа для государева двора, церквей и частных лиц, причём приобрёл вскоре известность лучшего на Москве иконописца.

В 1664 году его перевели на службу из Серебряной палаты в Оружейную. Здесь круг его деятельности расширился, а слава возросла ещё более: Ушаков стал во главе прочих царских мастеров, образовал целую школу иконописцев, пользовался милостями царя Алексея Михайловича и его преемников на престоле, исполнял всяческие их поручения по художественной части и до самой своей смерти жил в довольстве и почёте.

Ушаковская мастерская писала иконы и фрески не только для Архангельского и Успенского соборов Кремля, но и, скажем, для храма Живоначальной Троицы в Никитниках. Этот известный в Москве храм, что напротив палат Симона Ушакова, — замечательный памятник архитектуры стиля «русское узорочье».

У С.К. Романюка⁶ читаем:

«<...> Иконы Симона Ушакова украшают церковь св. Троицы, «что в Никитниках». Так называлась эта местность в XVII в. — по фамилии богатого ярославского купца Григория Никитникова, построившего церковь (1631-1634). По нему же именуется и Никитников переулок. В церкви есть придел, посвящённый иконе Грузинской Богоматери, отчего иногда и церковь и переулок (до 1922 г.) назывался Грузинскими. Икона была приобретена в Персии в 1629 г. и поставлена по обету в дальнем северном монастыре. В трудные времена чумы, «морового по-

⁶ Романюк С.К. Там же.

ветрия», в 1654 г. её принесли в Москву и поставили в Троицкой церкви в Никитниках, потом сняли с неё копию, оставшуюся в церкви.

Церковь стояла рядом с домом самого Никитникова, большой подклет её использовался как амбар, а в южном приделе была и родовая усыпальница Никитниковых. В нижнем этаже храма в 1904 г. на средства церковного старосты А.В. Александрова был устроен особый придел в память 250-летия избавления от эпидемии и ознаменование посещения церкви в 1900 г. императором Николаем II.

С 1934 г. Троицкая церковь стала филиалом Исторического музея, а в 1991 г. возвращена общине верующих.

Здание церкви – поистине жемчужина русской архитектуры XVII в., вызвавшее множество подражаний и в столице и в провинции. Поставленная на высокий подклет на холме, она была видна издалека, привлекая взгляд необыкновенной живописностью силуэта – устремленный вверх четверик со спаренными колонками и горкой изящных кокошников увенчан пятью главами на высоких барабанах, обработанных колонками и арочным пояском <...>».

С начала индустриализации в России, пришедшей на конец XIX века, дореволюционная Москва состояла из множества небольших фабрик и частных производств.

Одним из них владел Алексей Алексеевич

Головкин. Это была москательная⁷ фабрика, которая располагалась неподалёку от дома прадеда в Ипатьевском переулке, если идти по нему в сторону Ильинки. На Ильинке издавна селились ткачи, поэтому краски для холстов были всегда востребованы.

Здесь же, в Ипатьевском переулке, находился городской полицейский дом с пожарной каланчой. У каждой полицейской части города был свой «казённый дом», в котором также находилась пожарная команда. Отсюда к местам происшествий выезжали конные экипажи на тройках с командой пожарных.

У С.К. Романюка⁸ читаем:

«<...>Параллельный Никольскому Ипатьевский переулок также перегорожен и, по существу, перестал быть частью сети городских проездов. Из застройки остались лишь здания у его пересечения с большими улицами – Ильинкой и Варваркой<...>».

... Но вернёмся в дом №10 по Ипатьевскому переулку. В 1881 году в семье Алексея Алексеевича Головкина и его супруги Марии Андреевны родилась дочь Мария, а в 1895-м – сын Владимир, мой дед.

А после октябрьской революции здесь успели появиться на свет и внуки. 17 марта 1918 года

⁷ Москательные товары – (от перс. мошк - мускус) - краски, клеи, технические масла и другие химические вещества как предмет торговли; термин выходит из употребления

⁸ Романюк С.К. Там же.

Мария Андреевна (урождённая Константинова)
и Алексей Алексеевич Головкины – прабабушка и прадед
Фото из семейного архива Н.А. Гончаровой

в семье сына Владимира Алексеевича и его супруги Анны Васильевны (урождённой Семёновой) Головкиных родился первенец – мой отец Алексей. Его брат Владимир и сестра Елизавета появились в доме прадеда в 1919 и 1921 годах.

Прадед умер в 1917-м. Как и почившая ранее супруга, прабабушка Мария Андреевна, он был похоронен на Ваганьковском кладбище. Их могилы, увы, не сохранились.

Семью Головкиных после октябрьской революции долго не давали в обиду рабочие национализированного завода и снабжали продуктами, которые регулярно привозили из подмосковных сёл, где они жили.

**«...Я рос в семье старой московской
интеллигенции...»**

Дед Владимир Головкин учился в первой мужской гимназии, бабушка Анна Семёнова – в частной женской гимназии Е.Е. Констан, что в Обыденском 2-м переулке. Судьба впервые свела их на гимназическом балу, организованном в честь Нового, 1917 года!

Именно в этом, переломном для России году, они и обвенчались. Успели съездить в свадебное путешествие в Крым. А потом, когда вернулись в родную Москву, оказались в водовороте октябрьской революции, тех испытаний, которым подверглись люди их круга.

Оба из интеллигентных, образованных семей, дедушка и бабушка не покинули, как многие «из бывших», Родину. Работали, оказали не только огромное влияние на формирование духовного мира своих детей, но и постарались их научить быть такими же, как и сами, стойкими к жизненным испытаниям.

Об этих семейных «уроках» папа всегда рассказывал нам, своим трём сыновьям, с глубокой благодарностью:

Братья Лёша (справа) и Володя (слева) Головкины.
1920-е годы. *Фото из семейного архива М.В. Головкина*

«...Я рос в семье старой московской интеллигенции. И надеюсь, что являюсь её представителем. Отец мой был начитанным человеком, издательским работником. Дома у нас была богатейшая библиотека. Читать я научился в 4 года. Вероятно, поэтому у меня рано зародился интерес к истории, литературе, искусству».

Дом Головкиных в Ипатьевском, как и повсеместно в Москве, был «уплотнён», в нём разместились коммунальные квартиры, в одну из

которых в 1928 году подселили семью латышского стрелка.

Но и в те годы ещё семья, подобно многим представителям среднего класса в старой России, имела возможность нанимать гувернантку. Она ежедневно ходила с детьми на прогулки в находящийся неподалёку Ильинский сквер.

На одной из семейных фотографий гувернантка гуляет здесь с папой и дядей Володей, совсем ещё крошками, которым на вид соответственно 3 и 2 года. Тёти Лизы, которая появится на свет в ноябре 1921 года, с ними нет. Наверное, она или не родилась ещё или дома с матерью.

Маленькие Алёша и Володя постоянно бывали с гувернанткой в верхней части сквера, где у Ильинских ворот находилась знаменитая на всю Россию Часовня-Памятник во имя святого князя Александра Невского, воздвигнутая в честь гренадеров, павших под Плевной в одном из решающих сражений освободительной русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Так папа, будущий историк, может, пока ещё не вполне осознанно на примере героического прошлого начинал постигать уроки отечественной истории.

«Тишина за Рогожской заставою ...»

В 1931-м семью бывших хозяев национализированного дома, дедушку и бабушку с тремя детьми, переселили из Ипатьевского

Дом в Среднем Золоторожском переулке.
Рисунок Екатерины Головкиной-Базилевской

переулка подальше от центра столицы – в район площади Ильича (Рогожской заставы).

Им выделили квартиру в доме в Среднем Золоторожском переулке рядом с металлургическим заводом «Серп и молот»⁹. К новым

⁹ Московский металлургический завод «Серп и молот» основан в 1883 году французским предпринимателем Гужоном и является одним из старейших заводов в центре России. В 1886 году на нём уже работали прокатное, тянущее, гвоздильное и вспомогательное отделения. К концу XIX века было построено уже две мартеновских печи. В начале ноября 1922 года завод был переименован в Большой металлургический завод «Серп и молот». С 1931 года специализируется на производстве продукции из качественной стали.

жильцам здесь относились с должным уважением. Семье Головкиных предоставили огромную залу в 58 квадратных метров, где при прежних хозяевах проводились вечера с бальными танцами.

Поневоле вспоминается выражение «танцевать от печки». Она была в зале посредине. Когда позднее брат отца Владимир женился, ему с супругой Анной Анатольевной бабушка Анна Васильевна решила предоставить «отдельную» квартиру.

Зала была перегороджена. Из комнаты, что была ближе к лестнице, прорубили ещё один выход в длинный коммунальный коридор.

А вот печка была на две квартирки одна.

– Толя, принеси дровишек, – просила моего двоюродного брата бабушка. Кутаясь в старую шубейку, не вставая с лежанки, она, призывая внука к немедленному действию, стучала каждое утро в тонкую стену-перегородку.

И Толик, хоть и был ещё мал, вооружившись топором, «танцевал от печки» во двор, чтобы принести из сарая дрова для прожорливой печки, которая никак не хотела сохранять долго тепло в двух комнатах.

Дядя Володя, отец Толика, работавший над созданием новых образцов советской пластмассы, болел. Он умрёт в 1963-м в возрасте 44 лет от лейкемии. В их семье сохранится сделанный им из пластмассы самолёт, искусно вырезанные им из кусочков дерева различные фигурки

людей и животных, а у нас всех, его близких, – светлая память о нём.

Толе тогда исполнится 8, а его младшему брату Максиму лишь 2 года. Их семья уже будет жить в новой квартире на улице Флотской, близ станции метро «Речной вокзал». Супруга дяди Володи Анна Анатольевна, многие годы проработавшая в издательстве «Музыка», одна вырастит и воспитает двух сыновей.

Но пока все они ещё живут в двух комнатах дома в Среднем Золоторожском переулке, в одной – бабушка и тётя Лиза, одна воспитывающая дочь Аню, в другой – дядя Володя, Анна Анатольевна и Толик.

Вот и получается, что Толя – главный мужчина, помощник слабого пола, поэтому именно он ходит за дровами в сарай.

Дворик их зарастал летом лопухами и одуванчиками. Он был притиснут вместе с домом к стене завода «Серп и молот», который вечно дымил своими трубами. От этого бельё, развешанное на верёвках во дворе, моментально покрывалось копотью.

Зимой дворик заносило снегом. Поэтому Толя «танцевал от печки» не только с топором, но и с лопатой, чтобы расчистить путь к сараю.

И в тоже время в этом захолустье рядом с большим промышленным гигантом было столько поэзии. Именно таков пейзаж – «Дворик Рогожской заставы» (1936) Андрея Дмитриевича Гончарова – работа двоюродного брата папы,

дяди Володи и тёти Лизы, который висел в их квартире¹⁰.

Вот что рассказывает о жизни Головкиных в Среднем Золоторожском переулке мой троюродный брат Сергей Георгиевич Кара-Мурза¹¹:

«<...> семью «буржуев» выселили в деревянный дом за Рогожской заставой. Правда, у них было своё крылечко с улицы, и получилась маленькая квартирка. Это я уже так в детстве видел. Когда мы с сестрой и матерью вернулись осенью 1943 г. из эвакуации, мы иногда к ним ездили в гости (это называлось «к дядюшке Головкину»). Я это хорошо помню, потому что в их доме осталось много игрушек, и мне там подарили большой деревянный паровоз. Ехать приходилось долго, перебираться через пути, зимой в темноте, в метель – всё это запоминалось.

Семья эта, говоря сухим языком, «приняла революцию» – никто не эмигрировал, никто не стал воевать за собственность. Уехали из центра и стали налаживать новую жизнь. В доме к ним относились хорошо, мою бабушку¹² долго продолжали называть «барыня»».

А вот строки из воспоминаний¹³ моей мамы:

¹⁰Ныне этот пейзаж в собрании Государственной Третьяковской галереи.

¹¹С.Г. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь, Москва, 2002.

¹²С.Г. Кара-Мурза имеет ввиду А.В. Головкину (Семёнову)

¹³Моя мама Евгения Николаевна Ершова родилась в Ташкенте в 1924 году. Доктор педагогических наук, профессор факультета русской филологии Туркменского госу-

«<...>Головкины жили в двух комнатах старого одноэтажного дома с полуподвалом¹⁴. В доме было много жильцов. Соседки – старушки говорили, что они жили в этом доме ещё до революции, они были прислугами при бывшем хозяине дома – управляющем завода «Гужон» («Серп и молот»).

В доме была общая кухня с двумя плитами, общая ванная комната, титан в которой нужно было топить дровами. В память о старом владельце дома остался затвор на дверях ванной с надписью при повороте ручки «Оссюре» (то есть «занято»).

Была также огромная застеклённая веранда, на которой современные жильцы сушили бельё <...>».

дарственного университета имени Махтумкули, автор ряда учебников по русскому языку для вузов и школ. Указом Президента РФ от 4 ноября 2010 г. N 1302 «За большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры за рубежом, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей» Е.Н. Ершова награждена Медалью Пушкина. Живёт в Ашхабаде с 1924 года. В 2005 году написала воспоминания – находятся в семейном архиве. Часть из этих воспоминаний (об эвакуации МГУ в Ашхабад) – «Годы войны. Незабываемое» – опубликованы в №1 литературно-исторического журнала «Великороссь» в 2011 году.

¹⁴Когда мама впервые переступила порог дома в Среднем Золоторожском переулке в 1950-е, приехав из Ашхабада знакомиться с родственниками отца, Головкины были здесь уже старожилами.

Теперь этого дома, где Головкиным суждено было прожить более 30 лет, куда неоднократно приезжали из Ашхабада мои родители со старшим братом Володей, мной и младшим братом Костей, нет. Но с раннего детства я хорошо помню этот дом, помню Рогожку – её улицы и переулки.

И в то время, когда мы приезжали сюда, я всё никак не мог понять, почему такое захолустное место имеет столь красивое название – Средний Золоторожский переулок...

Лишь годы спустя узнал, что Средний Золоторожский переулок, как и Верхний Золоторожский переулок, Золоторожская набережная, Золоторожская улица, Золоторожский Вал и Золоторожский проезд, назван так по названию ручья Золотой Рожок.

Считается, что своё название он получил от митрополита Алексия¹⁵, основателя Спасо-Андроникова монастыря после паломничества владыки в столицу Византии – Константинополь, мировая слава которого столь долго отражалась в водах залива Золотой Рог¹⁶.

Московский ручей не иссяк, сохранился до наших дней, но в каком же плачевном виде! Раньше его истоком служило болото, где сейчас на-

¹⁵Митрополит Алексий (в миру Елевферий Фёдорович Бяконт; между 1292–1305 – 1378) – митрополит Московский и всея Руси, святитель, государственный деятель, дипломат.

¹⁶Золотой Рог (тур. Haliç; греч. Κεράτιος Κόλπος; англ. Golden Horn) – узкий изогнутый залив, впадающий в пролив Босфор в месте его соединения с Мраморным морем.

ходится платформа «Серп и молот» Нижегородского направления Московской железной дороги. В настоящее время ручей заключён в трубу. Он протекает под шоссе Энтузиастов и по территории завода «Серп и молот». Устье находится у Спасо-Андроникова монастыря, где ручей впадает в Яузу.

... Потом мы гостили уже в другом доме: в 1967 году тётя Лиза, когда ей, наконец, как участнику Великой Отечественной войны выделили новую двухкомнатную квартиру в районе станции метро «Рязанский проспект», переехала туда с бабушкой Анной Васильевной и дочерью Анной.

А дом Головкиных в Ипатьевском переулке был снесён приблизительно в это же время: в 1964–1967 годах на Старой площади и в прилегающих переулках возводился комплекс зданий ЦК КПСС – ныне здесь администрация Президента России.

Библиотека-читальня имени М.Н. Покровского

В школьные годы отец посещал литературный кружок при библиотеке-читальне имени М.Н. Покровского¹⁷ (до революции – имени В.О. Ключевского).

¹⁷М.Н. Покровский (1868–1932) – видный русский историк-марксист, советский политический деятель, ученик крупнейшего русского историка В.О.Ключевского, лидер советских историков в 1920-е годы, «глава марксистской исторической школы в СССР», академик АН СССР.

Библиотека-читальня имени В.О. Ключевского была основана по инициативе Н.А. Шамин¹⁸. Идея создания публичной библиотеки на основе личного собрания книг В.О. Ключевского возникла ещё в 1911 году, вскоре после смерти крупнейшего русского историка для «увековечения его памяти». Однако, по воспоминаниям Е.В. Некрасовой, первой заведующей библиотеки имени В.О. Ключевского, Московская городская дума не отпустила нужных средств, что отсрочило событие на 4 года.

Открытие состоялось 14 июля 1915 года в присутствии сына покойного историка, представителей уже действовавших в Москве библиотек имени Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя на первом этаже дома № 18 (здание не сохранилось) по 2-й Рогожской улице, ныне улице Библиотечной.

В 1918 году библиотека была переведена в национализированный особняк Кузнецова, дом № 30, что на Большой Коммунистической улице (бывшей Большой Алексеевской, а ныне — Солженицына).

По существующему в 1920-е годы положению конфискованные книжные собрания должны были свозиться в Кремль для организации при клубе ВЦИК библиотеки. И вот в разрез этому заведующий рядовой московской библи-

¹⁸Н.А. Шамин — гласный Московской городской думы, видный общественный деятель, председатель мемориального общества «Старая Москва».

отеки, носившей в то время ещё имя В.О. Ключевского, ходатайствовал о передаче личного собрания книг Кузнецова, бывшего владельца особняка, уехавшего за границу, их библиотеке. Его поддерживали М.Н. Покровский и В.Я. Брюсов, но безуспешно. Библиотека всё-таки была перевезена в Кремль, но благодаря вмешательству Н.К. Крупской в конце концов вопрос был решён в пользу библиотеки имени В.О. Ключевского.

Её фонды, которые к началу 1920-х годов обветшали или были частично утрачены, пополнили также и личные собрания книг конфискованных частных коллекций Степанова, Красавина, Деревицкой, Соловьевой, Морозова...

Одним словом, когда Головкины переселились из Ипатьевского переулка в Средний Золоторожский, библиотека-читальня имени М.Н. Покровского стала в этих местах важным очагом культуры¹⁹. И 13-летний папа, каким мы

¹⁹В истории библиотеки ещё много интересных фактов. В 1976 году в связи с расширением фондов она переезжает из особняка Кузнецова на Большой Коммунистической по своему нынешнему адресу в здание современной застройки (Б. Факельный пер. д.3 стр.2). В 1979 году по решению Ждановского райсовета библиотека № 132 имени М.Н. Покровского стала Центральной районной библиотекой. Приказом Департамента по культуре и искусству от 29 декабря 1992 года библиотека обрела статус Центра русской словесности и культуры. Наконец, в 2011 году библиотеке вернули её историческое название — Центральная библиотека имени В.О. Ключевского. В память о Ключевском в фонде сохранились издания из

видим его на портрете А.Д. Гончарова («Портрет Лёши Головкина»²⁰, 1931), несмотря на то, что и дома была замечательная библиотека, устремляется к бесценным книжным сокровищам на Большую Коммунистическую.

Папу привлекло сюда не только книжное собрание, но и то, что здесь работал литературный кружок, изучающий литературу, начиная с Древней Греции и кончая современностью. Занятия в нём вёл их учитель литературы Александр Александрович Зерчанинов – впоследствии профессор, автор известных учебников²¹. По его рекомендации папа и стал активно посещать эти занятия.

Литературный кружок выпустил 4 бюллетеня, его члены, знатоки советской литературы, выступали с докладами, консультациями

его личного собрания, в том числе энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1890–1905 годов.

²⁰В разные годы Андрей Дмитриевич Гончаров написал несколько портретов членов нашей семьи. Первой – четырехлетней тётю Лизу («Лизутка»), потом, в 1931 году, – 13-летнего папу («Портрет Лёши Головкина»). В 1961 году Андрей Дмитриевич написал большой портрет бабушки («Портрет Анны Васильевны Головкиной»). После смерти Гончарова в числе других его произведений портреты Головкиных приобрела Государственная Третьяковская галерея.

²¹А. Зерчаниновым, Д. Райхиным, В. Стражевым написан школьный учебник по литературе XIX века, который с 1940 года многократно переиздавался, по нему учились несколько поколений советских людей.

перед читателями на конференциях и на передвижках.

Занятия были так увлекательны, что после окончания школы папа решил поступать в институт на литературное отделение.

«Вальцовка»

Отец любил рассказывать и о литературном кружке «Вальцовка:

«...Мы жили неподалёку от завода «Серп и молот». При нём был организован литературный кружок – «Вальцовка». И я с 1934 года его посещал: выступал с первыми, конечно, наивными стихами и рассказами. Руководил нами мастер вальцовочного цеха Саша Филатов, поэт.

Из воспоминаний мамы:

«Алексей посещал и творческий литературный кружок при металлургическом заводе «Серп и молот».

«Вальцовка» – образное и очень удачное название этого кружка для начинающих стихотворцев – было предложено его руководителем, мастером вальцовочного цеха Сашей Филатовым (прокатные валки – орган прокатного стана, придающий металлу необходимые размер и форму)».

Рабочий поэт Саша Филатов прошёл путь от уличного бездомного Гавроша до человека большой и интересной судьбы. Алёксандр Фё-

дорович более тридцати лет руководил литературным объединением «Вальцовка» при заводе «Серп и Молот», участвовал в Великой Отечественной войне, стал известным поэтом и дружил с известными поэтами.

О том, как Александр Фёдорович читал свои стихи, вспоминает Валентин Васильевич Сорокин:

«<...>читал он – изумительно. Зал замирал. Зал следил за ним. Зал вникал, вслушивался, сосредоточивался и – обрушивался пламенными аплодисментами. Филатов читал потрясающе!<...>».

«Я принадлежу к тому поколению, о котором созданы кинофильмы «Путёвка в жизнь» и «Республика ШКИД», – рассказывал Алёксандр Фёдорович. – Мальчик не знал ни имени своего, ни фамилии. На улице сверстники звали его просто Чижик. Когда шли в Колонный зал проститься с Лениным, какая-то женщина сказала: «Ты про Чижика забудь. Будут звать тебя Саша. А то как же без имени – к Ленину?». – «Саша так Саша. Мне это имя понравилось».

Коммуна, куда его вскоре определили, находилась в 1920-е годы в знаменитом московском особняке Саввы Морозова на Спиридовке.

«Это был первый советский детдом, – вспоминал Александр Фёдорович, – назывался он пионерской коммуной. Пришёл я в него с разорванной штаниной, с чирьем на шее. Были

там дети и жёлтой, и чёрной кожи. Но я понятия не имел, кто из них русский, кто не русский. Там же мне и фамилию дали – Филатов».

После школы он поступил работать на завод «Серп и молот», где начинает писать стихи, становится руководителем литературного объединения «Вальцовка». Широкую известность Саше Филатову принесла его «Песня сталеваров»:

Нам ли, сталеварам, не гордиться?!

Видите – из нашего литья

Самолёты шумной вереницей.

Над родной республикой летят.

Рабочий поэт нашёл дорогу к сердцам создателей стали, которые подхватили его песню. Так, от заставы Ильича, со страниц заводской газеты, она дошла до «Правды», вошла в кинофильм, цитировалась с трибуны Всесоюзного съезда советских писателей.

В зале находился и автор – человек, которому ещё в 1928 году в коммуне, когда Алексей Максимович приезжал к воспитанникам, выпало счастье познакомиться с Горьким, а в 1933 году побывать у него в гостях, слушать его советы, пожелания.

«Я не посылал своих стихов А.М. Горькому: рука бы не поднялась, сердце не осмелилось, – вспоминал Александр Фёдорович. – Но наш Горький тем и велик, что он хорошо знал литературу от самых её классических вершин

до произведений начинающей молодёжи. И вот я, 20-летний рабочий-комсомолец, на беседе у А.М. Горького.

– Мы пошлём вас учиться в литературный институт, но продолжайте работать в цехе. Работа на заводе – высокая честь и прекрасная школа».

*Сегодня мы песню поём о металле.
Наш светлый завод украшают цветы.
Его защищали,
Его согревали,
Его поднимали
Такие, как ты.*

Именно Горькому принадлежала инициатива выделить от «Вальцовки» делегата на Первый Всесоюзный съезд писателей. И этим делегатом стал Саша Филатов. На всю жизнь запомнил он слова Горького, сказанные ему на съезде:

«Руководитель литкружка – важная фигура массово-литературного движения, он должен быть не только писателем, но и воспитателем».

Первый Всесоюзный съезд писателей

Первый съезд проходил с 17 августа по 1 сентября 1934 года.

Александр Филатов, как рассказывал папа, «выступил от имени кружковцев, а мы, члены кружка, присутствовали по гостевым билетам...

Слушали выступления М. Горького, К. Радека, Н. Бухарина, Л. Сейфулиной...

Очень жалко, что перед съездом ушёл из жизни Владимир Владимирович Маяковский (кстати, в нашей семье его очень любили, поэтому и назвали в честь него брата, он тёзка поэта – Владимир Владимирович).

Нам, кружковцам, было очень приятно, когда и Горький, и Бухарин на съезде в своих выступлениях о советской поэзии подчеркнули важную роль Маяковского в её развитии.

При жизни поэта мне довелось видеть Маяковского несколько раз на Мясницкой (позже переименованной в улицу Кирова), где была его последняя квартира. Довольно часто – один или с родителями – я ходил в гости к тётке. Она тоже жила на этой улице.

Когда мы шли на Мясницкую, почти каждый раз нам навстречу попадался Маяковский в шляпе и в плаще. Широкими шагами он устремлялся в сторону Театральной площади.

В трагический день мы с грустью прочитали в газетах обращение Маяковского к Правительству и отрывки из его поэмы «Во весь голос».

Я зашёл в завком завода «Серп и Молот». В это время там собрались рабочие – читали в газетах о смерти Маяковского. Председатель завкома спросил:

– А кто, товарищи, может прочитать стихи Маяковского?

Поскольку стихи Маяковского очень лю-

бил, вызвался я. Забрался на трибуну и прочитал отрывки из поэмы «Во весь голос».

14 апреля 1930 года вдвоём с двоюродным братом Андреем Гончаровым мы отправились провожать Маяковского в последний путь.

Улицы были заполнены народом. Москвичи очень любили Маяковского. Вся Москва шла за гробом».

Мария Алексеевна

Большим авторитетом в глазах папы была тётушка, старшая сестра его отца, Мария Алексеевна Кара-Мурза. Она прекрасно знала иностранные языки, занималась переводами зарубежных писателей, среди которых был Оскар Уайльд.

Андрей Дмитриевич Гончаров, сын Марии Алексеевны от первого брака, «с детства был в обществе людей искусства. Был окружён книгами, картинами, разговорами о литературе. Его отчим Сергей Георгиевич Кара-Мурза был не только известным в своё время адвокатом, но ещё и автором многих статей по искусству»²².

Андрей Дмитриевич представляет нам Марию Алексеевну, «образованную и обаятельную интеллигентную русскую женщину» таким словесным портретом:

²²Д. Молдавский. Служение книге. Глава из книги «Радуга – все семь цветов», Лениздат, 1987. – a-goncharov.ru

«Мама была образованным человеком. Увлекалась музыкой и литературой. В своё время покупала французские книги у Готье и много читала по истории Франции, французской революции, выдающихся французских женщин, читала и мемуары Казановы. Возможно, что увлечение романтическими тенденциями она привила и мне. Во всяком случае, любовью и пониманием литературы я обязан ей. Как я обязан и пониманием искусства вообще. Она научила меня связывать искусство с этикой и проблемами морали, что я потом нашёл и у Фаворского»²³.

До революции и в 1920-е годы Сергей Георгиевич и Мария Алексеевна Кара-Мурза жили в доме «Россия» на Чистых прудах. Потом, после «уплотнения», они переехали на улицу Мясницкую, переименованную в 1930-е в улицу Кирова.

Мой троюродный брат Владимир Алексеевич Кара-Мурза в одном из интервью так рассказывает о своих близких:

«Мой дедушка Сергей Георгиевич до революции служил присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. В его доме по вторникам проходили салонные встречи известных художников, актёров, музыкантов и литераторов. Александр Блок нередко по дружбе возил в Питер гранки издаваемых Кара-Мурзой книг. Сергей Георгиевич выступал на сценических площадках города с воспоминаниями о

²³ a-goncharov.ru

Чехове – он лично знал всех прототипов «Попрыгуньи».

Бабушка Мария Алексеевна родила мужу двух сыновей – Георгия и Алексея. Младшему дорога в университет была заказана – по квоте только один ребёнок мог сразу после школы получить высшее образование. Так он поневоле стал метростроевцем и оттуда уже поступил по рабочей квоте на истфак. Алексей работал в знаменитой бригаде ударника Полежаева, привёл туда своего друга – поэта Долматовского, и тот написал документальную повесть «Комсомольцы-добровольцы». Позже на сюжет этой книги был снят популярный кинофильм».

В одной из книг внука Марии Алексеевны, моего троюродного брата Сергея Георгиевича Кара-Мурза читаем:

«<...>Бабушка моя, Марья Алексеевна Головкина, была из богатой купеческой и торговой семьи. Настолько богатой и видной, что у них был двухэтажный дом в Ипатьевском переулке – рядом с Кремлём (его снесли, когда строили здание ЦК КПСС). Она вышла замуж за моего деда, Сергея Георгиевича Кара-Мурзу, видного московского адвоката. Жили они в огромной квартире в доме «Россия» на Чистых прудах. Это был очень модный и дорогой дом в Москве. В начале века, до самой революции в их квартире по вторникам собирался литературный салон, о котором написано в воспоминаниях многих

писателей и поэтов. Налицо все атрибуты большой семьи из высшего буржуазного общества<...>.

<...>о судьбе моего деда и бабушки, Кара-Мурзы и Головкиной. Их тоже «уплотнили» – сначала в меньшую квартиру на Мясницкой, потом оставили им одну комнату, а остальные заселили людьми из подвалов. Не думаю, чтобы это им понравилось, но они посчитали это справедливым – вот в чём всё дело. Теперь это была большая коммунальная квартира, семей на пять, у всех по комнате. Когда я бывал там ребёнком, в этих комнатах жили уже, в основном, люди второго поколения, но и старики были. Нередко застолье и разговор в «нашей» комнате затягивались, и меня вели и укладывали спать у соседей – то у одних, то у других. Я там во всех комнатах спал. Везде люди были приветливы и относились к моим родным не просто с уважением, а и с любовью – и те к ним так же относились. Тут о классовой вражде говорить было бы просто нелепо, а ведь «объективно» она вполне могла возникнуть. «Уплотнение» – очень болезненная социальная операция<...>».

Традиция литературных встреч по вторникам в семье Кара-Мурза продолжилась и на Мясницкой – Кирова.

«В их доме, – вспоминал папа, – была богатейшая библиотека. Мария Алексеевна руководила моим чтением, воспитывала вкус. Многие

серьёзные книги я прочёл именно здесь, когда приходил в гости. Кроме того, тётушка, как и моя мама, занималась со мной французским языком. Благодаря им я довольно хорошо знаю этот язык. Потом, в разные периоды жизни, я лишь что-то повторял сам или с помощью преподавателей».

«В доме у тётушки на Мясницкой, – вспоминал папа, – я видел уже известного Илью Эренбурга, совсем молодого Сергея Образцова».

Будущий создатель Центрального театра кукол, чьё имя после кончины сегодня носит прославленный во всём мире театр, Сергей Владимирович приходил к сыну Марии Алексеевны, художнику Андрею Гончарову. Они подружились во ВХУТЕИНе²⁴.

Андрей Гончаров и Сергей Образцов были значительно старше папы, но он часто присут-

²⁴Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИИ) — название двух учебных заведений в Ленинграде (основан в сентябре 1922 г. при преобразовании Петроградских Высших государственных художественно-технических мастерских, бывшей Императорской Академии художеств) и Москве (основан в 1926 на базе ВХУТЕМАСа), существовавших до 1930 года. В 1930 московский ВХУТЕИИ был закрыт, а вместо него были образованы Московский архитектурный институт, Московский государственный академический художественный институт (позднее было присвоено имя В. И. Сурикова) и Московский полиграфический институт (ныне — Московский государственный университет печати), где многие годы преподавал А.Д. Гончаров.

ствовал при их разговорах и видел, как они работали.

Это Андрей Гончаров, вспоминал папа, «... создал знаменитую ныне эмблему театра Образцова: пять растопыренных пальцев и на одном из них шарик – голова куклы...».

Гончаровы

Андрея Дмитриевича Гончарова я помню с детства – и по рассказам отца, и по нашим встречам.

Позднее я бывал на его выставках, читал книги, посвящённые творчеству. Андрей Дмитриевич подарил папе несколько графических работ. Они украшают сейчас квартиру родителей в Ашхабаде.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов Гончаровы снимали дачу в селе Марьино под Звенигородом. Несколько раз родители, которые летом часто ездили вместе с нами в Москву, тоже снимали здесь дачу. Каждый день мы ходили друг к другу в гости.

Гончаровы были хлебосолами. А если на летние месяцы приходилось какое-то семейное торжество, то их дача была переполнена людьми. В такие дни Андрей Дмитриевич и его супруга Галина Фёдоровна устраивали капустники, в которых принимали активное участие взрослые и дети трёх родственных семей – Гончаровых, Головкиных, Можуховских и кто-нибудь из городских гостей.

Село Марьино под Звенигородом.

Рисунок Екатерины Головкиной-Базилевской

Мне, 5-6 летнему мальчику, для которого дядя Андрей стал кумиром, казалось, что он всегда весёлый, жизнерадостный. Только с годами я осознал, насколько была трудной его жизнь. Официальная критика часто упрекала Гончарова, ученика Владимира Фаворского, друга Пабло Пикассо, в формализме. Но художник был верен себе. И победил.

Сегодня – он признанный классик. Без гравюр этого замечательного, тонкого мастера трудно теперь представить многие известные с детства и юности книги – произведения отечественной и мировой литературы.

Вот, например, перед нами удивительный мир героев Шекспира. А великолепный портрет Хемингуэя в двухтомнике его произведений... Разве не памятен он и ныне русскоязычным поклонникам американского писателя?! А Достоевский?!

Из воспоминаний мамы:

«В 1959 году мы поехали в деревню Марьино под Звенигородом в гости к Гончаровым, которые отдыхали там каждое лето.

Я мечтала попасть в эти места – отец рассказывал о них, называя «русской Швейцарией». Марьино от станции Звенигород довольно далеко. Шли пешком. Но зато наслаждались русской природой, прохладой после нашего знойного лета.

На следующий год мы поехали в Марьино отдыхать. Комнату снять было трудно. Наконец, поселились у «мышинной хозяйки», в комнатухе, которая кишела мышами. Приходилось прятать привезённые продукты в ящик, а сверху закрывать опрокинутым вверх ножками столом.

Гончаровы дали керосинку. Однажды, когда я пришла покупать керосин, «керосинщик», который звал меня «молодухой», сказал:

– А говорили, что азиаты приехали. Разве вы не русские? Что ж вы там живёте?

Я ответила:

– Русские везде живут!

Удалось вырваться разок и в сам город Звенигород. Вспоминала отцовские рассказы о Савино-Сторожевском монастыре XV – XVIII веков и об Успенском соборе на «Городке» XIV века, который тогда был закрыт.

А.Д. Гончаров (1903-1979), двоюродный брат Алексея Владимировича, известный живописец, иллюстратор книги, гравёр, ученик В.А. Фаворского, театральный художник.

Гончарову принадлежат десятки гравюр, литографий, плакатов, иллюстраций к изданиям Пушкина, Гоголя, Достоевского, зарубежных классиков – В. Шекспира, Гёте, Гейне ...

Мы храним книги с его иллюстрациями – П. Мериме (1954), Т. Смоллетта (1955), Э. Хемингуэя (1957) и др.

Копии некоторых гравюр Гончарова, присланных нам, Алексей Владимирович передал в 1980-е годы в Туркменский музей изобразительных искусств.

Андрей Дмитриевич был убеждённым человеком, не боялся высказывать свои взгляды.

Как-то, находясь в командировке в Москве, я была на Пасху у свекрови. Её приходил поздравить Андрей Дмитриевич. Он говорил, что собирается пойти на приём к министру культуры СССР Е. Фурцевой с предложением – сделать Пасху государственным праздником как День Возрождения.

На следующий год, когда мы вновь жили летом в Марьино, Андрей Дмитриевич пригласил нас на свой день рождения. Праздновали по-семейному. Заранее готовили плакаты с шутливыми пожеланиями. Алексей нарисовал плакат с туркменским орнаментом, написал стихи.

Вечером мы собрались у Гончаровых. Был вывешен плакат – меню для гостей с перечнем блюд французской кухни, а рядом – ремарки:

Утка по-руански – не будет

Бланманже – не будет

Оливье – будет!

Присущий Андрею Дмитриевичу юмор проявился и здесь: если слово бланманже – желе из сливок или миндального молока стало в русском языке ограниченным историзмом, то оливье получило широкое распространение. Впрочем, его компоненты значительно изменились, по сравнению с этим блюдом у его создателя, французского ресторатора Оливье, куда входила даже икра.

Попутно на вечере вспоминали старую Москву. Ресторан Оливье находился на Трубной площади, на углу Неглинной.

Мне не раз приходилось бывать в этом здании как редактору и автору. Там находилось издательство «Высшая школа», где печатались в 1980-е учебники по русскому языку. Совещания авторов проходили в зале, облицованном зеркалами...

Такая несовместимая обстановка! Позднее, в мою последнюю поездку в издательство в 1990 году, в этом же здании размещался Театр современной пьесы...

Галина Фёдоровна Гончарова, красивая женщина (есть немало её портретов, написанных мужем, и даже выпущен карманный календарик с репродукцией одного из портретов), в

молодости – балерина. Говорили даже, что она танцевала в группе «босоножек» Айсидоры Дункан.

Главной «распорядительницей» вечера была, конечно, Галина Фёдоровна. Перед каждым номером она использовала вместо гонга медный таз для варки варенья, ударяя по нему половником.

Первой выступала её пятилетняя внучка, дочь сына Михаила от первого брака, Надюха. Она танцевала и сама громко объявляла номер: «Отрывок от балета ...». Её портрет («Наденька») входит в серию детских портретов, созданных Гончаровым.

Гончаров незадолго до этого ездил с группой «работников культуры» в Париж. В то время такие зарубежные (недолгие) командировки были большой редкостью. Андрей Дмитриевич много и интересно рассказывал о поездке.

Он привёз родным какие-то гостинцы. Мне подарил компактную пудру, которой, впрочем, я не пользовалась – берегла на память.

Андрей Дмитриевич был великолепным собеседником. Такую московскую речь теперь не часто услышишь у современных обитателей Москвы, считающих себя интеллектуалами.

Гончаров, уже больным, как-то выступал по ТВ с воспоминаниями о Пикассо. Такой живой и вместе с тем глубокий по содержанию рассказ – образец устной мемуаристики».

ИФЛИ

Когда вернёмся в 1930-е, когда мой отец стоял перед выбором жизненного пути. Учитывая его склонность к литературе, истории, тётушка Мария Алексеевна порекомендовала папе в 1936 году, когда он окончил школу, поступить в один из самых престижных вузов Москвы – институт философии, литературы и истории (ИФЛИ)²⁵ на исторический факультет.

Папа к совету тетушки прислушался и потом очень благодарен был ей за него. Вот что он рассказывал о поступлении в ИФЛИ:

«... конкурс был 10 человек на место. Меня, правда, выручило то, что предварительно с претендентами проводилось собеседование, которое я успешно прошёл. Да и школа помогла – дала мне хорошую характеристику. Период обучения в институте действительно замечательный, оставивший неизгладимый след в моей жизни. Преподавание вели виднейшие учёные – авторы известных учебников. Пол-Москвы приходило слушать их лекции».

²⁵Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ, часто просто ИФЛИ) – гуманитарный вуз университетского типа, существовавший в Москве с 1931 по 1941 г.г. Был выделен из МГУ и в конечном счёте снова с ним слит. Сначала располагался в Большом Трубецком переулке, затем переехал в Сокольники - на Ростокинский проезд, дом 13а. В декабре 1941 г. ИФЛИ был объединён с МГУ в Ашхабаде, куда оба вуза были эвакуированы.

Алексей Головкин, мой отец, 1930-е.

Фото из семейного архива автора

В ИФЛИ, по рассказам папы, выпускалась большая в несколько метров длиной стенгазета «Комсомолия». Её главным оформителем был Эдуард Подаревский, который не только прекрасно рисовал, но и писал для газеты стихи, заметки, рецензии. 24-летний лейтенант-минометчик Подаревский погиб на фронте весной 1943 года.

Вот что пишет о родном ИФЛИ и их любимой газете в повести «Один из нас», опубли-

кованной в 1960-е годы, эту книгу имел в своей домашней библиотеке и высоко ценил папа, писатель-фронтовик Василий Росляков:

«<...>Мы с гордой небрежностью открываем стеклянную дверь института, сбегает в подвальный этаж раздевалки и оттуда, не торопясь, поправляя на ходу волосы, поднимаемся на первый этаж, чтобы до звонка обменяться приветствиями с однокурсниками.

Сегодня здесь что-то произошло. Молодые умы, обычно фланирующие по лестницам и коридорам, сегодня толпятся у стены, густо лепятся друг к другу. Через их головы видим гигантскую газету – «КОМ-СО-МО-ЛИЯ». Тянется она по всей стене до конца коридора. По своим размерам, по краскам, по вдохновенным росчеркам и рисункам всё это не было стеной газетой. Это было произведение искусства<...>».

«Комсомолию» любили читать не только ифлийцы, но и многие москвичи, стекающие сюда из разных концов. Из номера в номер «Комсомолия» знакомила с творчеством и первыми научными работами молодых писателей, историков, философов ...

Так, поэт-ифлиец Сергей Наровчатов писал, обращаясь к подруге:

*Про нас с тобой Сокольники
Всю осень говорят:
Мол, с лекций, своевольники,
Уходим в листопад.*

*Октябрь листвою каленою
Засыпал чёрный пруд.
Соперничает с клёнами
Кирпичный институт.*

*У первых встречных спросим мы:
Ветра ли навели
Широкой кистью осени
Багрянец на ИФЛИ?..».*

Годы учёбы пролетели быстро. Пора писать диплом.

Из воспоминаний папы:

«Научным руководителем моей дипломной работы был профессор, доктор исторических наук Фёдор Михайлович Потёмкин. Моя тема называлась «Классовая борьба во Франции и переворот Наполеона III». Причём, чтобы собрать материал для дипломной работы я прочитал несколько комплектов одной французской газеты, которая выходила при Наполеоне III.

Спасибо маме и тётушке Марии Алексеевне за то, что занимались со мной французским! Я описал весь переворот Наполеона III, изучил по энциклопедии планы Парижа того времени и по документам – заговорщицкое движение.

Я писал свою дипломную работу, подчеркну, на основе исторических документов, с которыми я столкнулся тогда впервые. И это был очень полезный опыт, пригодившийся, как оказалось, в дальнейшем. Моя дипломная сохранилась в домашнем архиве».

Война

Всорок первом году отец досрочно получает диплом. Все старшекурсники тогда получили дипломы досрочно. Было не до учёбы ...

Вспоминают ифлийцы:

«...все в едином порыве поехали в ИФЛИ. Мы все там съехались, и стояла наша латинистка Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек – она была человеком строгим, сухим, очень деловым, – она стояла на лестничной площадке и плакала навзрыд, у неё градом по лицу текли слезы. Мы все в недоумении:

– Почему вы плачете?

– Дети мои, – она говорила нам «дети», – вы не знаете, что такое война. А я пережила Первую мировую войну. Это ужас. Это начинается страшнейшая эпоха.

А мы, конечно, все думали: ну что война, мы так сильны, через неделю-две, через месяц всё будет кончено. Но этот образ рыдающей на лестничной клетке Грабарь-Пассек – вот это для меня первый образ войны» (Лилия Лунгина – она станет известной переводчицей).

«22 июня мы готовились к последнему экзамену и часов около двенадцати услышали во дворе необычный шум. Мой товарищ, увидев, что двор общежития забит студентами, как-то удивительно спокойно сказал: «Ну, значит, война». Он включил радио – и мы слышали выступление председателя Совнаркома В.М. Мо-

лотова. Мы, конечно, направились в институт. Там уже вовсю шёл митинг. Никогда в жизни не приходилось мне слышать более мощного и проникновенного звучания «Интернационала» и широко известной в те годы песни Ганса Эйслера «Заводы, вставайте!». Помню, как Павел Коган, автор знаменитой «Бригантины», провозгласил: «Да здравствует Советская Германия!».

«После митинга стали составлять списки добровольцев и затем толпой двинулись к райвоенкомату. Подходим: у подъезда земля усеяна вырванными из военных билетов листками. Это постарались студенты, не хотевшие воспользоваться правом на отсрочку от призыва» (Леонид Гаряев).

Поэт-ифлиец Семён Гудзенко, доживший до Победы, посвятил Великой Отечественной такие трагические строки:

*<...> Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
За мной одним
Идёт охота.
Будь проклят
сорок первый год —
ты, вмёрзшая в снега пехота.*

*Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо <...>.
(«Перед атакой», 1942)*

Его однокашник по ИФЛИ, поэт Давид Самойлов с печалью писал об их товарищах, не вернувшихся с войны:

*Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.
А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.
Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.
Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.
И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережёй,
Но леса нет, и эха нету.*

*А я всё слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.*

(«Перебирая наши даты»)

Из рассказов папы:

«Когда началась война, нас записали в комсомольский истребительный батальон²⁶, который должен был вылавливать диверсантов в Москве. Мы также помогали отправлять в эвакуацию женщин и детей, готовить к отправке разные грузы».

По состоянию здоровья (бронхиальная астма) папа на фронт не попал, хотя неоднократно обращался в военкомат с просьбой о направлении добровольцем в действующую армию. Некоторое время он оставался в Москве, позднее – получил направление и уехал преподавать

²⁶ На основе постановления МК и МГК ВЛКСМ от 29 июля были созданы комсомольские истребительные отряды, которые влились в истребительные батальоны (до 5 тысяч человек). Истребительные батальоны обеспечивались обмундированием, вооружением и транспортом главным образом за счёт местных ресурсов, командиры и политработники подбирались из партактива. До середины октября 1941 истребительные батальоны находились в Москве и несли охранную службу в своих районах. 16 октября они были сведены в 5 полков, занявших оборонительные рубежи на ближних подступах к столице. Вскоре вошли в состав вновь сформированных 4-й и 5-й Московских стрелковых дивизий (Синицин А.М. Истребительные и рабочие батальоны на защите Москвы - в книге: Беспримерный подвиг, Москва, 1968).

новую историю стран зарубежного Востока в Сталинабад²⁷, где год проработал в местном педагогическом институте.

Семья их тогда разделилась: мать Анна Васильевна, больной брат Владимир и сестра Елизавета (она закончила первый курс искусствоведческого отделения ИФЛИ) уехали в эвакуацию в Уфу, а отец Владимир Алексеевич приехал туда позже.

В мае 1942 года Елизавета Головкина в Уфе была призвана в ряды Красной Армии. Тётя воевала на Сталинградском фронте в зенитной артиллерии. Потом – на Белорусском и Прибалтийском фронтах. Я посвятил ей стихотворение «Фронтовая фотография»:

*На фотографии военной
(во многих семьях их хранят)
в шинелишках обыкновенных
я вижу девушек-солдат.*

*И узнаю лицо родное.
Чуть больше тётке двадцати.
Судьба могла бы быть иною –
война все спутана пути.*

*Хоть фотографии стареют –
они о многом говорят.
Мы вновь в зенитной батарее.
Передовая. Сталинград.*

²⁷Название столицы Таджикской ССР Душанбе в 1929-1961

*Военный фотокор услуги
тогда свои представить смог.
Снялись на память... Где ж подруги
нелёгких фронтовых дорог?*

*Не всех с войны дождались дома.
Живыми снимок свёл девчат.
И Лиза, Нина, Маша, Тома,
Обнявшись, в наши дни глядят.*

*Глядят на наши поколенья.
Так ждали – счастье к ним придёт.
Но завтра – новое сражение...
И поредет их расчёт.*

*Мы молодыми видим близких,
какими знать не довелось.
А в их военной переписке
есть и для нас привет, небось.*

*...Не надевала тётя наша
своих наград – скромна душой.
Вот письма. Астраханка Маша
Приветы шлёт семье большой.*

*Подруги виделись не часто:
свои заботы и дела...
Воспоминания не гаснут.
И фотография цела.*

После Великой Отечественной тётя Лиза вернулась в родную Москву, окончила искусствоведческое отделение МГУ, много лет проработала в журнале «Художник».

... В апреле 1943 года в Уфе после тяжёлой болезни умер Владимир Алексеевич, мой дед. Кладбище то после войны срыли. Могила деда не сохранилась.

В 1944-м бабушка, папа и дядя Володя вернулись из эвакуации в Москву.

Из воспоминаний мамы:

«Переболев в Сталинабаде брюшным тифом, в конце 1942 года Алексей Владимирович попадает в Башкирию. Будучи ограниченно годным, в качестве запасного стрелковой роты он работает с военными документами. С 1944-го года А.В. Головкин в Москве, где ведет работу в архивах и прежде всего, в Военно-историческом архиве МВД СССР, – что особенно важно в период Великой Отечественной войны. Затем его переводят с 1947 года в Центральный исторический архив МВД СССР».

Как отец стал архивистом

«... в 1944 году, – вспоминал папа, – я учился в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова. И меня как специалиста-историка пригласили на работу. Принял и беседовал со мной начальник ГАУ МВД СССР генерал Никитинский. Он и предложил мне место в Военно-историческом архиве.

Я согласился. В этом архиве проработал до апреля 1947 г. научным сотрудником.

Занимались мы тогда подготовкой сборников материалов о русских полководцах и флотоводцах – Суворове, Кутузове, Румянцеве ...

Готовили сборники о героизме русских войск. Работа в публикаторском отделе была интересной и ответственной, она мне многое дала...».

К этому можно добавить: папа так увлёкся архивным делом, что в 1945 году решил перевестись из аспирантуры МГУ в аспирантуру при Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ)²⁸, что на улице 25 Октября²⁹, недалеко от бывшего дома деда Алексея Алексеевича Головкина в Ипатьевском переулке.

²⁸30 сентября 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР по ходатайству всемогущего в то время историка М.Н. Покровского был создан Институт архивоведения. В 1932 г. институт был переименован в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), который занимал исторические здания бывшего Печатного двора на улице 25 Октября (бывшей Никольской) в Китай-городе. Пришедшие на работу в МГИАИ выпускники МГУ — такие, как Н.П.Ерошкин и С.О. Шмидт — основали свои научные школы, оказавшие заметное влияние на развитие отечественной исторической науки. В 1991 году на базе Историко-архивного института был создан Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

²⁹Никольская улица (в 1935—1990 гг. — улица 25 Октября) — старейшая улица Москвы, одна из главных улиц Китай-города. Проходит от Красной до Лубянской площади. Здесь находились Печатный двор, Николо-Греческий монастырь (Никола Старый), Славяно-греко-латинская академия.

Свое решение отец обосновывает в рапорте, который я нашёл в его личном служебном деле:

«...В процессе работы я решил: будет целесообразнее, чтобы у меня не получалось разрыва между производственной работой и учёбой, а создавалась бы единая линия, которая помогла бы мне сделаться высококвалифицированным архивистом.

Я посоветовался по этому поводу со своим куратором доктором исторических наук проф. Ф.В. Потёмкиным и с зам. директора по научной части Историко-архивного института проф. А.И. Гуковским, они одобрили моё желание и вполне поддержали его.

Что касается моей аспирантской работы, то передо мной намечаются два пути: во-первых, по археографии – по новому, никем ещё не разработанному пути – по иностранным документальным публикациям (история, методика, характеристика иностранных публикаций – я знаю французский язык и займусь, прежде всего, французскими публикациями, изучаю английский и немецкий языки – с тем, чтобы можно было использовать и их для этой работы); во-вторых, по истории государственных учреждений в связи с производственной работой в архиве: работаю сейчас над обзором фонда канцелярии Военного Министерства...».

Тогда же папа стал преподавать в Историко-архивном институте археографию и публикаторское дело (кстати, потом, живя в Ашхабаде,

он поддерживал с этим институтом тесные контакты).

«Многие из моих бывших студентов, – вспоминал папа, – стали видными архивистами».

Так соединились в его судьбе их отчий дом, ушедший ныне в вечность, и главное дело жизни.

Ашхабадская трагедия

В конце ноября 1948 года отец получает новое назначение, и опять – в Среднюю Азию, но на этот раз в Ашхабад, разрушенный катастрофическим землетрясением, практически сметённый с лица земли в трагическую октябрьскую ночь.

По свидетельству документов и очевидцев, 6 октября 1948 года в 1 час 17 минут после полуночи, Ашхабад оказался в эпицентре сильнейшего землетрясения. Сила подземных ударов достигала 9-10 баллов по шкале Рихтера.

Хватило минуты, чтобы большинство сооружений города и его окрестностей превратилось в руины, вышли из строя все коммуникации. Ночную тьму сквозь тучи поднявшейся пыли осветило зарево многочисленных пожаров, улицы были оглашены криками и стонами раненых, плачем и рыданием обезумевших от горя людей.

Когда рассвело, взору людей открылось жуткое зрелище: вместо города стояли одни деревья и каменные трубы домашних печей.

Целых зданий насчитывались единицы, а большинство устоявших было в таком аварийном состоянии, что впоследствии их пришлось разобрать.

По некоторым источникам, когда Сталину доложили об ашхабадской катастрофе, он усомнился в правдивости нарисованной ему картины. Тогда и был отправлен в Ашхабад известный кинооператор Роман Кармен, снявший уникальный получасовой фильм – документальную хронику тех незабываемых дней, на долгие годы спрятанную затем в «спецхран»³⁰.

Присутствием в Ашхабаде Кармена Сталин не ограничился. По легенде, он сел в самолёт и сам отправился к месту трагедии. Долго кружил над разрушенной столицей Советской Туркмении, а потом улетел в Москву. Может быть, после этого «вождь народов» и принял решение об оказании действенной безотлагательной помощи Ашхабаду, которая стала поступать из Москвы, Баку, Ташкента, Алма-Аты и других городов СССР?!

В том, что Ашхабад должен быть возрождён, отмечает ашхабадский журналист Руслан Мурадов, «у горожан не было никаких сомнений, поэтому идею отстраивать столицу Туркменистана на новом месте очень быстро отвергли. В этой связи трудно не согласиться с мнением, что к 1948 году, в Ашхабаде сформировался тип

³⁰Фотоальбом «Ашхабад: город – любовь – судьба», издательство «Туркмен Пресс», 1996.

горожан со своими особенностями, традициями, нравами, одним словом, всем тем, что воспитывает в людях привязанность к родным местам. Именно этот фактор оказал решающее воздействие и возвращение вынужденных мигрантов и последующее восстановление города».

**«Товарищ Головкин, мы хотим вас отправить
на курорт, на юг...»**

О своей командировке в Ашхабад для оказания помощи в спасении архивного фонда Туркмении и восстановлении архивной службы папа рассказывал так:

«Вызвал меня генерал Стыров – новый начальник ГАУ и сказал:

– Товарищ Головкин, мы хотим вас отправить на курорт, на юг.

Я удивился, спрашиваю:

– Куда, товарищ генерал?

А он:

– Есть такой город Ашхабад, на юге.

Я говорю:

– Там же произошло землетрясение. В Москве слух прошёл, что Ашхабад весь затонул. Озеро образовалось.

Он смеётся:

– Вот и будешь на берегу озера жить и работать.

Приказ есть приказ. В то время архивная служба СССР не была самостоятельным ведом-

ством, подчиняющимся непосредственно правительству, а структурно входила в МВД. Поэтому у нас была строгая дисциплина.

Я был назначен заместителем начальника архивного отдела МВД Туркменской ССР и в декабре 1948 года приехал в Ашхабад.

Конечно, пришлось заниматься не только архивной работой, но и ежедневно участвовать в разборке завалов, а потом и в восстановлении города.

В это время ещё продолжало трясти. Весь сорок девятый год здесь сильно трясло, и при этом гул был. Психологически настраиваешься, думаешь: вот сейчас начнёт трясти... Всё тело сжималось.

Долгое время мы хранили закрытым фильм, снятый Романом Карменом. Фильм страшный, особенно для тех, кто не видел, что такое землетрясение: это и руины, и жертвы – более 110 тысяч погибших».

«Командировка» – на всю жизнь ...

ВМоскве у папы остались мать, больной брат, вернувшаяся с фронта сестра, квартира, которая сохранялась за ним на время двухлетней командировки. Но эта «командировка» затянулась на всю жизнь.

Но в действительности, конечно, было и то, что казалось непонятным для некоторых московских обывателей.

Думать о квартире и размеренной жизни в Москве? А чувство долга говорило отцу: важно не просто извлечь документы из-под развалин зданий – необходимо организовать их хранение, систематизацию на уровне современных требований, не прекращая при этом комплектование архивного фонда Туркмении.

Архивный отдел МВД Туркменской ССР и Центральный государственный архив республики занимали здание бывшего военкомата по улице Фрунзе, 12.

После землетрясения, как вспоминал папа, «стены архива рассыпались, но документы лежали на устойчивых деревянных стеллажах. Это их и спасло. Основной состав архивистов – женщины. Им бы не справиться, если б не помощь пограничников. Все архивные дела были перевезены в подвал на улицу Лабинскую.

Несмотря на всю сложность ситуации, основная работа – выдача справок трудящимся – продолжалась...

С помощью тех же пограничников на месте разрушенного здания были построены два больших барака (одна времянка под архивное хранилище, другая – вроде административного корпуса)».

Известный в Туркмении публицист и поэт Аллаяр Чуриев в одной из статей, посвященной памяти моего отца, пишет:

«...Мне не довелось работать в тех после-землетрясенческих временках, где архивным

работникам удалось не только собрать и систематизировать спасенные и вновь поступающие документы и фотоснимки, но многие наши старейшие писатели и учёные, с благодарностью говоря об Алексее Владимировиче Головкине, других ветеранах архивного дела Туркмении, рассказывали, что даже в этих временках был выделен крошечный «читальный зал», где шла работа над архивными источниками».

И вот, в начале 60-х годов, на главной магистрали туркменской столицы – проспекте Свободы (ныне – проспект Махтумкули) закончилось строительство, как тогда говорили, «высотного здания».

Папа любил шутить:

– Пока строили наш «архивный небоскрёб» я приобрел новую профессию – прораба ...

В этом 7-этажном здании, рассчитанном на землетрясение в девять баллов, разместились ЦГА и ЦГА КФФД, Архивное управление при Совете Министров ТССР, которое с 1960 года возглавил отец (с 1958 года был начальником архивного отдела МВД ТССР).

За время работы папы на посту начальника Главархива Туркмении (1960-1980-е годы) были построены также новые архивные здания, отвечающие необходимым современным требованиям, во всех областных центрах.

Многим запомнились и такие папины слова, которые он любил повторять: «Архив – это не склад мертвых бумаг, а живое хранилище

истории народа». И к этому всегда добавлял: «История должна быть полной, без ошибок, правдивой. И мы, архивисты, несём за это ответственность наряду с историками».

Деятельность папы, конечно, не ограничивалась организационно-руководящей работой. Он принимал самое непосредственное участие в подготовке к печати различных сборников документов, монографий, справочников-путеводителей по архивным фондам, справедливо считая публикацию документов одним из наиболее интереснейших и важных направлений архивной службы.

При этом отец сам занимался розыском и выявлением тех или иных документальных данных как в архивных фондах Туркмении, так и в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Еревана и других городов СССР.

Это были не специальные командировки. Много папа успевал сделать параллельно с участием в совещаниях, конференциях, конгрессах – международных, всесоюзных, республиканских, региональных.

И с их высоких трибун, и в СМИ, и в личных беседах, отец всегда выражал чувство гордости по поводу того, что сделано и делается его коллегами – архивистами Туркмении.

Особенно часто – иногда по несколько раз в год – отцу доводилось выезжать в Москву. Так что своей оторванности от московских коллег, родни и друзей он не чувствовал.

Время умел планировать так, что вечерами, после совещаний и решения заранее намеченных вопросов в управлениях Главархива СССР, успевал встретиться с кем-нибудь из своих и маминых родственников или – нередко общих – друзей, знакомых, посетить один из театров.

Но близких людей было так много, что повидаться со всеми было просто физически невозможно. Поэтому многим отец звонил и, в первую очередь, «ифлийским девочкам», как он любил называть своих однокурсниц.

Научная деятельность отца, с одной стороны, неразрывно связана с архивной, а с другой – с педагогической.

Очень любил папа педагогическую работу. Занимался ею даже уже будучи тяжело больным. В Ашхабадском пединституте, а затем в Туркменском госуниверситете очень пригодился папе опыт, приобретенный в пединститутах и средних школах Сталинабада (Душанбе) и Уфы и, конечно же, в Московском историко-архивном институте.

Но в Туркмении он шёл не по проторенному пути, то есть тому, который предлагали существующие учебные программы. А удачно сочетал в себе педагога-новатора и архивиста-просветителя, использующего для пропаганды исторического наследия кроме публикаторской деятельности ещё и педагогическую.

В Ашхабадском пединституте – Туркменском госуниверситете им были разработаны и

прочитаны курсы источниковедения, историографии, теории и практики архивного дела, организована научно-производственная практика для студентов в архивных учреждениях.

Этот опыт археографической и источниковедческой подготовки студентов вызвал одобрение в 1980-е годы, в частности, со стороны зарубежных архивистов, посетивших Туркмению, а также во время командировок отца в Румынию и Польшу.

До сих пор не разобран и требует изучения домашний архив папы, а в нём могут быть интересные находки – неопубликованные научные работы, наброски, варианты ...

Не исключаю, что отыщется и что-то из литературного творчества – ифлийского периода или зрелых лет, что, как говорится, пишется «в стол» или «для души».

Многие отмечали его разностороннюю одаренность. Но реализовать полностью свой духовный потенциал папа, к сожалению, не смог.

Папа никогда никому не отказывал, если был в силах помочь. И в рабочий кабинет, и домой шли к нему сотрудники и по служебным делам, и просто так посоветоваться.

Многим из них помог «пробить» квартиру (сам же получил только в 1970-е годы), поступить в ашхабадский или московский ВУЗ по историко-архивному профилю самим или их детям.

А сколько высококвалифицированных национальных кадров подготовлено отцом для Туркмении: это и архивисты-практики, и выпускники истфака, в том числе писавшие у него дипломные работы, и молодые учёные, защитившие под его руководством (или был оппонентом) кандидатские диссертации.

Уйдя в 1988 году на пенсию, папа не оставил архивную работу, а продолжал трудиться в публикаторском отделе ЦГА Туркмении.

6 октября 1988 года, в 40-летнюю годовщину ашхабадского землетрясения, отцу было присвоено звание «Почетный гражданин города Ашхабада». Как и юбилейную медаль в честь 800-летия Москвы, папа высоко ценил это звание – выше других званий и наград, которыми был удостоен.

Наша семья

Недаром, видимо, шутили московские друзья:

– Попьёшь ашхабадской воды, женишься на среднеазиатской девушке – останешься там!

Папа и мама поженились 10 сентября 1949 года, когда Ашхабад ещё лежал в развалинах. Туркмения стала родиной для всех нас: троих сыновей Владимира, Николая и Константина и внуков Владимира (моего сына) и Екатерины (дочери старшего брата).

Родители познакомились в Ашхабадском педагогическом институте³¹, где преподавали на историком и филологическом факультетах. Маме, дочери коренного москвича из старой интеллигенции, которого судьба забросила в Среднюю Азию за четверть века до этого, приятно было встретить земляка. Правда, свела их сначала ошибка в расписании занятий: оба пришли читать лекцию в одно и то же время.

Из воспоминаний мамы:

«Алексей Головкин, кроме своей основной работы, по вечерам читал лекции по философии, истории, историографии на историческом факультете вечернего отделения Ашхабадского пединститута. А я работала на филологическом факультете, читала историю языка. Именно здесь произошло наше знакомство.

Всё началось с расписания. Когда я пришла на занятие – должна была быть «вторая пара», 3-4-е часы. Добираться тогда было довольно трудно: тротуары ещё завалены рухнувшими стенами, так что пришлось купить резиновые сапоги. Но оказалось, что торопилась зря: объединили часы филологов и историков. Я возмущалась и не собиралась уступать.

³¹14 июля 1950 года путём реорганизации существовавшего с 1931 года Ашхабадского педагогического института образован Туркменский государственный университет имени А.М. Горького. До 1993 года носил имя А.М. Горького. Ныне ТГУ носит имя классика туркменской поэзии Махтумкули.

Заместитель директора по вечернему отделению Ашир Мамедович Курбанов стал меня успокаивать:

– Вы своя, а это наш гость, москвич ... Пришлось уступить, но я громко и гордо заявила:

– Хорошо, я согласна, но только потому, чтобы не было срыва.

Так мы познакомились!

Но в дальнейшем я «держала марку». Наши преподавательницы осаждали Алексея Владимировича просьбами достать им билеты в клуб МВД (он руководил культмассовым сектором – общественная нагрузка) – это было тогда единственное место в Ашхабаде, где демонстрировались фильмы. А меня он сам в кино приглашал, но я горделиво отказывалась.

Впрочем, интерес к Алексею Владимировичу, может быть, не только утилитарный. Он производил на наших дам и девиц огромное впечатление: черноволосый, с маленькими усиками, красивыми чёрными глазами и при этом смущенно краснеющий. Пожилые преподавательницы, видевшие в своё время немые фильмы 1920-х годов, уверяли, что он похож на какого-то зарубежного киноартиста. И в то же время Алексей Владимирович был очень застенчив.

В дальнейшем нас опять свела работа. Лето. Выпускной вечер студентов-заочников. Я не любительница танцев (кстати, Алексей Владимирович прекрасно танцевал), предпочитаю разговоры. Моя школьная учительница, а затем

заведующая кафедрой русской литературы в пединституте, Таисия Яковлевна Такоева, главная распорядительница вечера, посадила нас рядом...

Я уже знала Головкина: он, помимо своей основной работы в Центральном архиве, читал лекции на вечернем отделении и проверял контрольные работы заочников.

Когда закончился выпускной вечер, Головкин пошёл меня провожать: ведь пединститут находился в Кеши, а автобусы не ходили.

Мы подошли к нашим бывшим воротам. Они свалились во время землетрясения. Алексей Владимирович хотел задержаться, но я сказала:

– Бабушка меня учила, что неприлично стоять с молодым человеком у ворот.

Тогда он резонно заметил:

– Ведь ворот-то нет!

Постепенно у нас складывались не только официальные отношения.

Мы вместе ходили на концерты приезжих из Москвы артистов, обменивались книгами (библиотеки ещё не работали), привезёнными Алексеем из Москвы, и частично уже откопанными нашими.

Алексей Владимирович стал бывать у нас «дома», во времянке, построенной, как тогда говорили, «на полах», познакомился с моими родителями. Отец был рад земляку-москвичу.

В июле Алексей Владимирович сделал мне «предложение». Спустя много лет, его сестра

Елизавета прислала мне из Москвы письма Алексея матери с уже выцветшими чернилами. В одном из них он писал:

«Этот вечер, 17-го июля, где мы стояли с Женей, – для нас священен...».

И дальше продолжал:

«Ты права, мама, что всё серьезное в моей жизни происходило с большими трудностями».

Наша свадьба состоялась 10 сентября 1949 года. К свадьбе мне привезли из Москвы только появляющуюся тогда белую прозрачную синтетическую ткань, из которой на розовом чехле прежняя портниха сшила платье, а из Ташкента – лаковые туфли.

Впрочем, когда мы пошли утром регистрироваться в глинобитную времянку рядом с площадью Карла Маркса, туфель всё-равно не было видно: они по щиколотку «утопали» в пыли.

Вечером мы сели за стол, сделанный из бывшего подоконника. У нас был только один гость – Сергей Николаевич Струков, декан медицинского института и заведующий кафедрой судебной медицины».

Радимовы

Папа умел дружить. Особенно восхищает меня до сих пор его многолетняя дружба с семьёй Радимовых.

Когда папа учился в 8 классе, у них появился новичок – Костя Ульрих из подмосковной

Салтыковки. Его отец Павел Робертович был врачом, мать Елена Александровна – учительницей.

Алёша и Костя за два школьных года (тогда была девятилетка) очень подружились, часто бывали в гостях друг у друга.

Спустя годы в Салтыкову к художникам Константину Павловичу (он принял фамилию супруги) и Марии Павловне Радимовым родители часто ездили в гости с нами, а потом неоднократно и я. Отношения у нас были очень тёплыми, почти родственными. По детской привычке, даже уже будучи взрослым, я звал их дядей Костей и тётей Машей.

Эти встречи и беседы в их гостеприимном доме помогли собрать материал и вдохновили меня на написание очерка об отце Марии Павловны – известном русском художнике и поэте Павле Александровиче Радимове «Страна, мне издавна родная».

А Константин Павлович однажды признался мне:

– Выбор моего жизненного пути во многом определился в доме твоего отца на Рогожке, где большое впечатление на меня произвели портреты и пейзажи Андрея Дмитриевича Гончарова.

Эта прекрасная дружба отца с художниками Радимовыми продолжалась до последних лет жизни папы. А фронтовика дяди Кости не стало 16 мая 1995 года, после 50-летия Великой

Победы. Его ангел хранитель тётя Маша ушла из жизни в 2006 году.

Из воспоминаний мамы:

«Осенью 1951 года у нас в гостях, в Ашхабаде, побывал известный художник и поэт Павел Александрович Радимов. Алексей Владимирович хорошо знал Павла Александровича. Одна из его дочерей, Мария, после войны стала женой школьного друга моего мужа, Константина Ульриха. Его отец, обрусевший немец, врач, Павел Ульрих жил с семьёй в подмосковной Салтыковке, по той же железнодорожной ветке, где рядом со станцией «Серп и молот» жили на Рогожке Головкины.

Во время войны Константин был на фронте. Впоследствии Константину Павловичу предложили принять фамилию жены: он стал Радимовым.

Оба они, и Константин Павлович и Мария Павловна (совпадение отчеств) учились в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова. В 1947 году Константин и Мария Радимовы стали членами Московского областного Союза художников. Московскую область они исколесили вдоль и поперёк. Ещё, будучи студентами, устраивали выставки, встречи с жителями подмосковных сёл.

Дружба Алексея Владимировича с Константином и Марией Радимовыми продолжалась всю жизнь. Когда Алексей бывал в Москве, он обязательно встречался с ними. Они пода-

рили нам не только небольшие пейзажные полотна Подмосковья, запечатлевшие русскую природу в разные времена года, но и портреты кисти К. Радимова – Алексея и мой, а также наших сыновей, старшего Владимира и младшего Константина, который Константин Павлович писал, когда Костя был студентом МГУ.

Но особенно я люблю сделанный Константином Павловичем Радимовым набросок углём – рисунок задумавшегося Алексея Владимировича...

Когда Павел Александрович Радимов, отец Марии, приезжал в Ашхабад в 1951 году, ещё был жив мой отец, Николай Евгеньевич. Он был рад визиту старшего Радимова. Как же! Земляк, воспоминания о старой Москве, общие знакомые ...

Павел Александрович был не только известным художником, но и поэтом. В тот вечер, когда был у нас в гостях, он написал в альбом моего четырнадцатилетнего брата Коки³² своё стихотворение о вороне, «Седоголовой вещунье», и сам прочитал его:

*Седоголовая вещунья,
Людьми клеймённая воровкой
С её ухваткой и сноровкой,
Горластая, но не певунья!*

³² Н.Н. Ершов (1937-2010) – мой дядя по маминой линии, прекрасный мастер выразительного чтения, литературовед, кандидат педагогических наук, доцент факультета русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького.

*Твой голос, по утрам заслышав,
«Зима! - кричу я,
– Здравствуй, здравствуй!»
А ты, укрывшись снежным пластом,
Мне хрипло вторишь «Кра!» горластым,
Что означает: «С добрым утром!»*

До этого П.А. Радимов уже бывал в Ашхабаде. В 1934 году он приезжал с бригадой художников, куда входили М. Сарьян, Н.П. Терпихоров, Н.Г. Котов и др. Художники АХРР (Ассоциации художников революционной России) готовились к выставке «Жизнь и быт народов СССР». Павел Радимов тогда был Председателем АХРР, членами которой были некоторые художники-передвижники, члены ТПХВ (Товарищества передвижников художественных выставок), которое распалось в 1923 году.

В 1935 году Павел Александрович вторично оказывается в Туркмении, где, как вспоминала его дочь Мария Павловна, приезжие художники проработали пять месяцев.

Помимо больших полотен, Павел Радимов привозит из «туркменских командировок» более шестидесяти этюдов. Тогда им были написаны картины «Фирюза», «Цветущий сад (Фирюза)», «В Каракумах» и др., но главное – Радимову удалось в двух картинах запечатлеть уникальный памятник архитектуры – знаменитую мечеть в Аннау, разрушенную впоследствии во время землетрясения 1948 года.

А дочь П.А. Радимова, юная Маша, написала в Туркмении такие полотна, как «Мальчик – туркмен», «Весна в Фирюзе», «Фирюзинское ущелье» и др.

Мне посчастливилось побывать в 1977 году в Политехническом музее в Москве, на вечере, посвящённом 90-летию П.А. Радимова. Его уже не было в живых. С воспоминаниями выступали художники, друзья, ученики, журналисты ...

Я слышала многое о нём, чего раньше не знала. Мне было известно только, что Радимов родом с Рязанщины. Учился в духовном училище, а затем в духовной семинарии в Рязани. Впоследствии уехал в Казань, где поступил на историко-филологический факультет университета. В Казани Радимов не мог не заинтересоваться культурой народа, среди которого жил. Так, Радимов занимался поэтическими переводами на русский язык стихов татарского поэта Тукая.

Но уже в университетские годы П.А. Радимов был известен как живописец. Его работы выставляются в 1911 году на 39-й передвижной выставке, а в 1914 году Павел Александрович стал членом Товарищества передвижных художественных выставок. Его поручителями были Илья Репин и Василий Polenov. Любимой темой художника Радимова уже тогда были картины народного быта.

Став председателем АХРР, он организует в 20-е годы бесплатные выставки, в том числе и для беспризорных детей.

В годы Великой Отечественной войны Радимов вместе с друзьями-артистами проводит концерты и выставки в госпиталях. А после войны в 1950-е он открывает народную выставку в Абрамцево, как он говорил, для свободного и бесплатно посещения «всех, кто любит искусство».

В последние годы жизни Павел Александрович, помимо творческой работы продолжает заниматься просветительской деятельностью как первый председатель Московской областной организации художников.

Павел Александрович говорил, что для художника очень важен этнографический материал: знание народного быта, обрядов, национальных костюмов...

Таковы и его картины, написанные в результате трёхкратных поездок по Туркмении, которую он очень любил, – её природу, древние памятники, базары, но главное – её людей.

В 2001 году Министерство культуры Туркменистана, Посольство Российской Федерации в Туркменистане, Национальный музей Туркменистана организовали выставку произведений изобразительного искусства. На выставке экспонировалась и картина П.А. Радимова «Базар», запечатлевшая национальные особенности быта туркмен 1930-х годов.

Не менее значительно поэтическое творчество Радимова, которое оценил Есенин.

Стихотворения Радимова опубликованы в 1988 году в сборнике «Избранные стихи». Они

посвящены русской природе, временам года, старым русским городам.

Но в сборнике есть и раздел «Восточные мотивы», где большую часть занимают стихи цикла «Под небом Азии».

Больше всего из этого раздела я люблю стихотворение «Узбой», написанное в 1935 году:

*Пустыня – золотое блюдо,
Вся в саксауловых кустах.
Ступая мягко, как в чулках,
Шагают по тропе верблюды...*

*Без счета высятся барханы,
Какой простор и тишь какая!
Тебя любить я не устану,
Страна, мне издавна родная...*

*Песнь чабана звучит далеке,
Она, как звонкое стекло,
Я понял сердце древней речи
Души великое тепло.*

Это и другие стихи раздела – «Ночь в пустыне», «Весна в Копетдаге», «Зима в Ашхабаде» и многие другие – чрезвычайно музыкальны, написаны с огромной любовью. Их хочется повторять и повторять».

« ... всё также подставляет своё плечо... »

Считанное количество раз родители ездили в санатории. Чаще всего летний отдых наша семья проводила в Москве и Под-

московье. Последний раз – отец уже болел! – они были с мамой в 1989 году в Кисловодске, после перенесенной в 1988 году папой тяжёлой операции.

Как и отец, мама очень много времени уделяла своей работе на факультете русской филологии Туркменского государственного университета, являясь его профессором, старейшим педагогом этого вуза.

В последние три-четыре года жизни отца мама старалась быть побольше рядом с ним – и дома, и в больнице. Папа и умер-то буквально у мамы на руках.

«Разве можем мы забыть Родину? Может человек забыть Родину? Она – в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает».

Так сказал, находясь в эмиграции, первый русский лауреат Нобелевской премии в области литературы Иван Алексеевич Бунин. Отец его очень любил. Много книг он перечитал за свою жизнь. Последней стала книга о великом русском писателе³³ с закладкой на странице, где были эти пронзительные бунинские слова.

Коренной москвич, по воле судьбы оказавшийся в Туркмении, где он жил и работал более 40 лет, папа не мог не испытывать схожих с Буниным чувств. До последних дней жизни вспоминал родную Москву, Россию.

Хотя мы видели, что отец угасает, непоправимое произошло, как, наверное, и всегда, очень

³³Валентин Лавров. Холодная осень, М., 1989.

неожиданно – 11 марта 1992 года, за несколько дней до его 74-летия.

Накануне прилетела из Москвы ещё одна дорогая для него женщина – сестра Елизавета Владимировна. Папа повеселел. Но родившейся у нас надежде не суждено было сбыться. Брат и сестра встретились, чтобы попрощаться.

В горькие дни очень поддерживали нас многочисленные звонки, телеграммы, письма из разных городов СССР, в том числе из Москвы – от родных, знакомых, коллег отца.

Юлия Павловна Дзагурова, старший археограф бывшего Главархива СССР, в своём тёплом письме писала:

«...Всегда буду помнить наши с ним встречи: и в юности, когда мы вместе работали в ЦГИА, и далее, когда он был уже начальником Главного архивного управления Туркмении, и мы встречались и в Москве, и в Ашхабаде...

Он целиком отдавал себя любимому делу, всегда искал, творил, выступал в печати и по радио и телевидению, пропагандируя документы архивов... Скромный, требовательный к себе, с большим багажом знаний, владел иностранными языками...

Внешне всегда элегантный, обаятельный, с яркими тёмными глазами, приятной улыбкой. Никакого панибратства, фальши. Простота в обращении. Настоящее воспитание. Внутренняя культура.

Он имел много замыслов. Многое осуществил, не всё успел сделать.

Был прекрасным семьянином, отцом...

Алексей Владимирович был яркой личностью. Он имел настоящих, преданных друзей. К таким я позволю отнести и себя. Я всегда преклоняюсь перед его умением работать с людьми, перед его трудолюбием. В работе я всегда ощущала его поддержку и всегда готова была протянуть ему руку дружбы, помочь хотя бы в малом...».

Чуть более 40 лет прожили родители вместе.

– Какая замечательная счастливая пара, – не раз говорили наши московские и ашхабадские знакомые.

«Алексей Владимирович незримо всё равно рядом с Евгенией Николаевной. О чём бы ни рассказывала, что бы ни вспоминала, он присутствует в её рассказах, душой она с ним. Или точнее, он с ней. Все так же рядом, всё также подставляет своё плечо...».

Так писала в статье с символическим названием «Наследство», опубликованной в газете «Нейтральный Туркменистан» в январе 1996 года, одна из маминых учениц – журналист и поэтесса Гозель Нуралиева.

Дань памяти известного в СССР историка-архивиста – публикация в журнале «Отечественные архивы» (1998, №2), посвящённая 80-летию со дня рождения папы. Её предваряет

вступительное слово академика РАН, двоюродного брата мамы Юрия Александровича Полякова:

«Более 50 лет я по характеру своей работы связан с архивами и архивистами. Эти годы привили мне глубокое уважение к профессии архивиста и к людям, работающим в архивах...

В сохранении и развитии крепких, добрых, ведущихся исстари, традиций архивных работников большая роль принадлежит поколению архивистов, принявших эстафету в первые послевоенные годы. Им досталась труднейшая доля...

Плеяда послевоенных архивистов заслуживает самых добрых слов. Они сохранили старое достояние, восстановили разрушенное, заложили прочную основу дальнейшего развития. В этой славной плеяде достойное место занимает Алексей Владимирович Головкин... Коренной москвич, выпускник легендарного МИФЛИ (Московского института философии, литературы, истории), направленный после ашхабадского землетрясения для помощи туркменским архивистам, он становится полпредом российской культуры в далёкой среднеазиатской республике. Деятельность А.В. Головкина в Туркменистане – яркое свидетельство того, как благотворно влияла передача опыта русского просвещения, русской науки, в том числе организации архивного дела, на общественное развитие в союзных республиках с недавно почти поголовно неграмотным населением.

А.В. Головкин отдаёт все силы восстановлению разрушенного катастрофическим землетрясением ашхабадского архива, способствует развитию сети местных архивов. Он передаёт опыт и накапливает новый, творчески осмысливая его. Молодой учёный и администратор растёт с каждым годом. С 1958 года он бессменный руководитель сначала архивного отдела МВД Туркмении, а затем Главного архивного управления Туркменской ССР.

А.В. Головкин твёрдо стоял на трёх китах. Во-первых, он неизменно учитывал в своей работе местную специфику, опирался на национальные кадры. Во-вторых, он никогда не терял связи – деловой, научной, нравственной – с Москвой, используя все новации в архивном деле. В-третьих, наряду с огромной работой по восстановлению разрушенных архивохранилищ, строительству новых, формированию архивных фондов, Алексей Владимирович никогда не забывал о важности научной работы. Он писал статьи по истории Туркменистана и России, поднимал насущные вопросы деятельности архивов, издавал со своими комментариями сборники документов.

А.С. Пушкин писал о «славной стае екатерининских орлов», среди которых М. Кутузов был «сей остальной». А.В. Головкин – достойный представитель «славной стаи», надёжной когорты архивистов послевоенной поры, деяниями которых росло и крепло архивное дело России и Советского Союза».

«Прикоснись к памяти»

Работу над своими воспоминаниями, где нашли бы отражение важные события XX века, папа всё откладывал и откладывал на потом и, увы, написать не успел.

Памяти отца я посвятил один из разделов моей первой книги – сборника стихов «Поэтическое излучение», который вышел в 1994 году в Ашхабаде. Стихи этого раздела написаны в популярной на Востоке форме – рубаи.

В рецензии на эту книгу «Прикоснись к памяти», написанной журналисткой, поэтессой и переводчицей Линой Половинкиной и опубликованной в феврале 1995 года в газете «Туркменская искра», особенно приятно было найти добрые слова о папе:

«...Мне, как и многим другим коллегам-журналистам, посчастливилось по роду работы общаться с отцом Николая – Алексеем Владимировичем Головкиным, известным в наших краях архивистом, долгие годы отдавшим работе в Главархиве страны, поиску затерянных, но представляющих великую историческую ценность документов прошлого.

Через «школу Головкина» прошли многие из тех, кто трудится и сегодня в Государственном архиве суверенного Туркменистана, и бывшие сотрудники – ныне пенсионеры. Вспоминая о нём, все они отдают дань уважения широте его кругозора, истинному, не показному интернационализму...».

Вот и мне у отца ещё учиться и учиться. Поводов для осмысления его уроков, которым стараюсь следовать постоянно, предостаточно.

В гости – в прошлое

В сентябре 1996 года я «репатриировал» в родную папину Москву. Теперь отец как бы постоянно участвует в нашей с мамой переписке, телефонных разговорах.

А сколько в Москве мест, связанных с памятью о папе, сколько людей, знавших его близко и сохранивших о нём самые тёплые воспоминания!

Вновь и вновь память генетическая переносит меня в дом прадеда Алексея Алексеевича Головкина в Ипатьевском переулке.

...Гостиная, где хозяин проводил вечера не только в кругу семьи, но и с многочисленными гостями, постепенно наполняется людьми. Я узнаю их, а они почему-то меня и, чинно усаживаясь в кресла, приветливо кивают мне.

На календаре в гостиной замечаю, что сейчас год 1903. И папа, получается, ещё не родился. Но, как это ни удивительно, и он здесь. И я появлюсь на свет спустя лишь полвека, а если быть точным – через полвека впридачу с одним годочком.

Вспоминаю фразу отца Павла Флоренского: «Прошное не проходит!». Здесь, в уютном московском доме, история, словно преобразив-

В доме прадеда Алексея Алексеевича Головкина.

Москва, Ипатьевский переулок, 10.1903.

Фото из семейного архива Н.А. Гончаровой

шись в моём видении – сне из бурной реки в маленький ручеёк, и не торопится сейчас к своим крутым поворотам.

За окном – цокот копыт по булыжникам в Ипатьевском. Вновь несётся куда-то конная тройка с пожарными.

И не могут представить себе эти мужественные люди на заре «неведомого века», по образному выражению Константина Паустовского, что грядут другие пожары, пожары истории – три революции, пять войн, а на закате века – развал великой Державы, подмена национальных исторических, духовных ценностей западным суррогатом, новая разделённость народа и связанный с этим разрыв семейных связей ...

Беру в руки гитару. Слова песни, которую начинаю напевать, складываются как бы сами собой:

*Рождается песня.
Она – как души откровение:
за каждую строчкой –
то радость большая, то вздох.*

*К нам счастье приходит.
Всё было: надежды, терпение.
Так, камни пробив,
вырастает в расщелине мох.*

*Пусть песня звучит!
Пусть она никогда не кончается.
И струны гитары
послушными будут рукам.*

*Сегодня у нас
Всё иначе с тобой получается.
Как это прекрасно,
что выпало встретиться нам!*

*Мир выражен в песне
с такую душевную страстью!
Есть в песне порыв,
хоть с трудом подбирались слова.*

*И каждый из нас,
отыскавший тропиночку к счастью,
достигнув его,
не поверит, быть может, сперва ...*

В будущее возвращаюсь на извозчике. И всего лишь через несколько мгновений – а может, десятилетий! – после отправления из дома прадеда попадаю в «пробку».

Оказавшись на тесном «пяточке» истории, оборачиваюсь, но прошлое уже окутала дымка лет.

1998 – 2015

Содержание

Век Гоголя	3
«Что даёт направление государственному кораблю...»	12
«Где-то свидимся?»... – Если бы в Москве!...»	18
«Вчера во сне я видел Чингиз-хана...»	38
В Крыму под алыми парусами	51
Потаённый Пришвин.....	57
«Мы – потомки Пушкина...»	73
Облака	86
«Пожар» – предвидение Валентина Распутина.....	95
«Не учить читателя читать...»	106
Блеф-финал в рассказе Светланы Замлеловой «Рукопись».....	113
Неутомимый собиратель русского слова	121
«Тайновидец будущего»	129
«Долго будет Карелия сниться...»	136
Города на песке.....	146
Любим ли мы её?	164
О, бедный русский!.....	170
Александровский Версаль	180
Русский Гомер	184

«Русский театр уничтожить нельзя...»	246
Поэт кинематографа	261
Адмирал советского кино.....	279
«Надо верить в Россию...»	288
«Киев – Родина нежная ...»	299
Свет в конце тоннеля.....	311
И не прервётся серебряная нить.....	320
Коридор Бессмертия, Дорога Победы	346
Гражданин Великого Новгорода	363
«Отечество нам – Царское Село...»	374
Дом в Китай-городе.....	385

Литературно-художественное издание

Николай Алексеевич Головкин

nikgolovkin@yandex.ru

Тайновидец будущего

Публицистика и проза

Редактор: *В.Н. Головкин*

Оформление и вёрстка *Р.А. Водениной*

Корректор: *М.Г. Леонидова*

Фото на обложке: *С.М. Прокудин-Горский*. Верхний
«Георгиевский» камень [Река Чусовая], 1912;
Фото Н.А. Головкина – *А.А. Нешин*.

В книге представлены фото из семейных архивов:
О.Ю. Авдеевой, Н.А. Гончаровой, М.В. Головкина,
Н.А. Головкина, Е.Ю. Поляковой
Иллюстрации – *Е.А. Головкиной-Базилевской*

ИД «ВЕЛИКОРОССЪ»

ИКП «Путь»

Москва

Заказ №

Подписано в печать .2015.

Формат 76x100/32.

Гарнитура PetersburgС. Усл. печ. л. 20,63.

Тираж 300 экз.